

ВЕСТНИК

РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)

№ 4 / 2018

Учредитель издания:

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой ака-
демии, 2018

Журнал зарегистрирован в Министерстве
РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
№ 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень веду-
щих рецензируемых научных жур-
налов Высшей аттестационной ко-
миссии (ВАК), публикация в которых
обязательна при защите докторских
и кандидатских диссертаций. Группа
научных специальностей, по кото-
рым присуждаются ученые степени,
12.00.00 Юриспруденция.

Адрес редакции:

121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11

Тел.: 8-499-963-01-01 доб. 6025.

E-mail: journal@rpa-mjust.ru

Сайт: journal.rpa-mu.ru

Над номером работали:

А. Х. Маляревская, И. Е. Яковлева

Дизайн обложки:

Ю. С. Соколова, А. А. Нехай

Верстка: Ю. С. Соколова

Номер подготовлен при информационной
поддержке справочной правовой системы
«КонсультантПлюс».

Формат 60x90 1/8. Печ. л. 11.

Подписано к печати 11.12.2018.

Тираж 1000 экз.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А. И. Бастрыкин, Председатель Следственного комитета РФ,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционного совета:

В. А. Виноградов, заведующий кафедрой конституционного
и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор
юридических наук, профессор (г. Москва);

А. Герлох, профессор Карлова университета в Праге (Чехия);

Л. Гоцян, профессор Китайского университета политических наук
и права (Китай);

В. А. Гуреев, заведующий кафедрой гражданского процесса
и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России),
доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Н. Г. Иванов, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор
(г. Москва);

М. Н. Илюшина, заведующая кафедрой гражданского
и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор
юридических наук, профессор (г. Москва);

Л. Казертано, профессор частного права Университета INSUBRIA (Италия);

А. Г. Кибальник, заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических
наук, профессор (г. Ставрополь);

И. М. Колосова, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права
и криминалистики ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических
наук, доцент (г. Москва);

А. А. Лебедева, заведующая кафедрой иностранных языков ВГУЮ (РПА
Минюста России), доктор филологических наук, профессор (г. Москва);

А. В. Морозов, заведующий кафедрой информационного права,
информатики и математики ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор
юридических наук, профессор (г. Москва);

В. В. Оскамытный, заведующий кафедрой теории и истории государства
и права ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, профессор
(г. Москва);

П. С. Яни, профессор кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета МГУ, доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A. I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, doctor of law, professor

Members of the Editorial Board:

- A. Gerloch**, professor at the Charles University in Prague (Czech Republic);
L. Gotsyan, professor of China University of Political Science and Law (China);
M. N. Ilyushina, the head of the Civil and Business Law Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of law, the professor (Moscow);
V. A. Gureev, the head of the Civil Process and Organization Bailiff Chair of the All-Russian State University of Justice, the doctor of law, the professor (Moscow);
N. G. Ivanov, the head of the Criminal Law and Criminology Chair of the All-Russian State University of Justice, the doctor of law, the professor, honored lawyer of the Russian Federation (Moscow);
L. Kazertano, professor of Private Law at the University INSUBRIA (Italy);
A. G. Kibalnik, the head of the Criminal Law and Procedure Chair of the North-Caucasus Federal University, doctor of law, the professor (Stavropol);
I. M. Kolosova, the head of the Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the All-Russian State University of Justice, PhD of law (Moscow);
A. A. Lebedeva, the head of the Foreign Languages Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of philology, the professor (Moscow);
A. V. Morozov, the head of the Informational Law, Information and Mathematics Chair of the All-Russian State University of Justice, the doctor of law, professor (Moscow);
V. V. Oskamytny, the head of the Theory and History of State and Law Chair of the A. S. Griboedov Institute of International Law and Economics, doctor of law, the professor (Moscow);
V. A. Vinogradov, the head of the Constitutional and International Law Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of law, the professor (Moscow);
P. S. Yani, the professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Faculty of Law of the MSU, doctor of law, the professor (Moscow)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор:

член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О. И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора:

член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор **Б. В. Яцеленко** (г. Москва)

Ответственный секретарь, член редакционной коллегии:
доктор юридических наук, доцент **К. А. Ишеков** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

- Д. А. Авдеев**, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);
М. Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
А. В. Безруков, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);
Э. В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Белгород);
Д. Х. Валеев, доктор юридических наук, профессор (г. Казань);
О. Н. Волков, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
Р. С. Галиев, кандидат юридических наук (г. Барнаул);
В. В. Гуцин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А. В. Денисова, кандидат юридических наук, доцент (г. Самара);
З. М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

- В. И. Красиков**, доктор философских наук, профессор (г. Москва);
Е. Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
В. В. Кулыгин, доктор юридических наук, профессор (г. Хабаровск);
В. Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Рязань);
С. В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Ю. В. Малеванова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
С. И. Нагих, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
Р. Г. Нурмагамбетов, кандидат юридических наук, доктор философии по праву PhD, доцент (г. Костанай, Республика Казахстан);
Н. А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саранск);
С. В. Расторопов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А. Г. Репьев, кандидат юридических наук (г. Барнаул);
А. Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
З. Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Ю. Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
С. Ю. Чашкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород);
А. Ю. Чупрова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor:

member of editorial board, PhD in law, the head of the All-Russian State University of Justice

O. I. Alexandrova (Moscow)

Deputy Chief Editor:

member of editorial board, doctor of law, professor

B. V. Yatselenko (Moscow)

Executive Secretary, member of editorial board:

doctor of law **K. A. Ishakov** (Moscow)

Members of the editorial board:

D. A. Avdeev, PhD in law (Tyumen);

M. B. Averin, PhD in law (Moscow);

A. V. Bezrukov, doctor of law (Krasnoyarsk);

E. V. Bogmatsera, PhD in law (Belgorod);

S. Y. Chashkova, PhD in law (Moscow);

K. V. Cherkasov, doctor of law (Nizhny Novgorod);

A. Y. Chuprova, doctor of law (Moscow);

A. V. Denisova, PhD in law (Samara);

R. S. Galiev, PhD in law (Barnaul);

V. V. Gushchin, doctor of law, professor (Moscow);

Z. M. Kazachkova, doctor of law, professor (Moscow);

E. B. Kozlova, doctor of law (Moscow);

V. I. Krasikov, doctor of philosophy, professor (Moscow);

V. V. Kulygin, doctor of law, professor (Khabarovsk);

V. F. Lapshin, doctor of law (Ryazan);

Yu. V. Malevanova, PhD in law (Moscow);

S. V. Maximov, doctor of law, professor (Moscow);

S. I. Nagikh, PhD in law (Moscow);

R. G. Nurmagambetov, PhD in law (Kostanay, Kazakhstan);

N. A. Podolny, doctor of law (Saransk);

S. V. Rastoropov, doctor of law, professor (Moscow);

A. G. Rep'ev, PhD in law (Barnaul);

A. Yu. Sokolov, doctor of law, professor (Saratov);

Z. B. Soktoev, doctor of law (Moscow);

Y. G. Torbin, doctor of law, professor (Moscow)

D. Kh. Valeev, doctor of law, professor (Kazan);

O. N. Volkova, PhD in law (Moscow)

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений.

Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations.

Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И КОММЕНТАРИИ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Замдиханова Л. Р.

Формирование предпосылок возникновения специальных правил назначения наказания в период 1917–1919 гг. 6

Павлов В. И.

Современная трактовка понятия «допинг» — проблемы и противоречия 11

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Ишеков К. А., Ишекова Ю. С.

К вопросу о компетенции Конституционного Суда Российской Федерации в сфере защиты имущественных прав 16

Кондрашев А. А., Роньжина О. В.

Особенности правового статуса регионов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока как территорий проживания коренных малочисленных народов севера в Российской Федерации: настоящее и будущее 24

Нуцалханов Г. Н., Ибрагимов А. М.

Договор о запрещении ядерного оружия от 7 июля 2017 г.: формально-юридический анализ в контексте международно-правовых норм о нераспространении 31

Ханова З. Р.

Виктимологические аспекты преступности несовершеннолетних в Российской Федерации 37

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Чулкова Е. А.

Перерывы в течение рабочего дня по законодательству России и ФРГ 41

МОНИТОРИНГ ПРАВОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Воронова О. С.

Административная преюдиция в системе либерализации уголовного законодательства 48

Денисова А. В.

Юридический эффект и последствия функционирования российского уголовного права 55

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Гаврилкина Ю. В.

Вопросы компетенции федеральных государственных инспекций 62

Дик М. А.

Проблемы применения стандартов общего образования: правовой нигилизм или заколдованный круг? 68

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Бахов А. А., Ефимова Е. А.

Концепция «взвешивания» Р. Алекси: попытка рационального обоснования ценностного выбора в ситуации конкуренции прав человека 74

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Козлова Е. Б.

Об итогах Всероссийской научно-практической конференции «Судебная система и судопроизводство России: новые концепты развития» 80

Сокращения, принятые в издании. 87

Требования, предъявляемые к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии» 88

CONTENT

ARTICLES AND COMMENTS

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Liliya R. Zamdikhanova

Formation of Prerequisites for the Emergence of Special Rules for Imposition of Punishment in the Period of 1917–1919 6

Vladimir I. Pavlov

Modern Interpretation of the Concept of Doping — Problems and Contradictions 11

PUBLIC LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Konstantin A. Ishekov, Julia S. Ishekova

The Issue of the Competence of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Sphere of Protection of Property Rights 16

Andrej A. Kondrashev, Olga V. Ron'zhina

The Specifics of the Legal Status of the Far North, Siberia and the Far East Regions as Places of Residence of Minority Indigenous Peoples of the North in the Russian Federation: Present and Future. 24

Gamzat N. Nutsalkhanov, Ahmed M. Ibrahimov

Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons of July 7, 2017: a Formal Legal Analysis in the Context of International Legal Norms on Non-proliferation 31

Zaira R. Khanova

Victimological Aspects of Juvenile Delinquency in the Russian Federation 37

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Ekaterina A. Chulkova

Breaks During Working Hours According to the Legislation of Russia and Germany 41

MONITORING OF LAWMAKING AND LAW ENFORCEMENT. STATE POLICY IN THE FIELD OF COMBATING CORRUPTION. NATIONAL SECURITY

Oksana S. Voronova

Administrative Prejudice in the System of Liberalization of Criminal Legislation. 48

Anna V. Denisova

The Legal Effect and Consequences of Functioning of the Russian Criminal Law 55

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Yuliya V. Gavrilkina

Issues of the Federal State Inspectorates Competence 62

Maxim A. Dik

Problems of Application of General Education Standards: Legal Nihilism or Vicious Circle? 68

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Andrey A. Backov, Elizaveta A. Efimova

The Concept of “Weighing” by Robert Alexi: an Attempt to Rationally Justify the Value Choice in the Situation of Human Rights Competition 74

REVIEWS, PERSONALITIES

Elena B. Kozlova

The Results of the All-Russian Scientifically-Practical Conference “Judicial System and Legal Proceedings of Russia: New Development Concepts” 80
Abbreviations used in the edition 87

Requirements for manuscripts, which are sent to the editor of the journal “Bulletin of the Russian Academy of Law” 88

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ВОЗНИКНОВЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВИЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ПЕРИОД 1917–1919 ГГ.

ЗАМДИХАНОВА
Лилия Рубиновна
юриисконсульт в ООО «УК КПД-2»
(г. Ульяновск),
Rahiima@yandex.ru.

Цель исследования — установить, какие условия способствуют возникновению системы специальных правил назначения наказания и как они влияют на их дальнейшее развитие: изменение, усложнение, обогащение, дифференциацию на примере конкретного периода развития уголовного права с 1917 по 1919 г.

Предметом исследования являются вопросы формирования предпосылок возникновения системы специальных правил назначения наказания в первый послереволюционный период с 1917 г. до принятия Руководящих начал по уголовному праву 1919 г. Неотъемлемым элементом познания любого явления является изучение его коммуникаций с внешней средой, в первую очередь с тем целым, частью которого оно является. С другой стороны, важно описать явление в динамике его исторического развития, выделить начало, источник возникновения, становления и перспективы его преобразования. Однако, как показывает анализ научно-популярной литературы, имеет место явная неполнота в понимании специальных правил назначения наказания в этих аспектах, связанная, главным образом, с отсутствием системного подхода в их исследовании.

Используя исторический и системный методы, автор не только обозначает конкретные условия и источники возникновения специальных правил назначения наказания, но прослеживает причинно-следственную связь между развитием условий и возникновением системы специальных правил назначения наказания, детально раскрывает сам механизм, детали и узлы этой связи.

Автор приходит к выводу, что в период 1917–1919 гг. предпосылки возникновения системы специальных правил назначения наказания только начинают свое формирование: принципы права в современном их понимании отрицаются, нормы о преступлении, наказании, санкции не разработаны.

Вслед за внешними условиями первые специальные правила назначения также отличаются казуистичностью, рассогласованностью, бессистемностью. К примеру, правила назначения наказания при приготовлении к преступлению и покушении на его совершение, при соучастии в преступлении установлены только для конкретного состава преступления.

Законодатель не ставил задачи единообразного применения закона и определения меры наказания, оптимально соответствующей обстоятельствам совершенного преступления и личности преступника, что во многом и предопределило слабое развитие правил пенализации как инструмента индивидуализации наказания и ограничения судебного усмотрения в данный период.

**Индивидуализация наказания;
правила пенализации;
предпосылки возникновения**

**правил пенализации;
первые декреты советской власти;
назначение наказания в первый**

**послереволюционный период;
специальные правила назначения
наказания**

**Liliya R.
ZAMDIKHANOVA**
the legal adviser lawyer
in ООО "УК КПД-2" (Ulyanovsk),
Rahiima@yandex.ru.

FORMATION OF PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE OF SPECIAL RULES FOR IMPOSITION OF PUNISHMENT IN THE PERIOD OF 1917–1919

The purpose of the study: to establish which conditions favor the emergence a system of special rules of sentencing and how they affect their further development: change, complexity, enrichment, differentiation as exemplified by a particular period in the development of criminal law from 1917 to 1919.

The subject of research are the issues of formation of prerequisites for emergence of a system of special rules of imposing punishment in the first post-revolutionary period from 1917 to the adoption of Guidelines on criminal law in 1919.

An integral element of knowledge of any phenomenon is to study its communication with its external environment, first of all, with the wholeness a part of which it is. On the other hand, it is important to describe the phenomenon in the dynamics of its historical development, to identify the beginning, the origin, formation and prospects of its transformation. However, as the analysis of scientific and popular literature reveals, there is an obvious incompleteness in the understanding of special rules of imposing punishment in those aspects, mainly, due to the lack of a systematic approach in their study.

Using historical and systematic methods, the author not only refers to specific conditions and sources of emergence of special rules of sentencing, but also traces causal relationship between the development of conditions and the emergence of special rules of sentencing, discloses the details of its mechanism, parts and components of this interaction.

The author comes to the conclusion that in the period of 1917–1919 preconditions for a system of special rules of sentencing only set in motion their formation: principles of law in the contemporary sense are denied, norms on crime, punishment, sanctions, approbation of norms are characterized by insufficient quality.

Not only external conditions but also the first special sentencing rules are characterized by their casuistry, inconsistency, fragmentariness. For example, the rules of imposing punishment for a crime preparation and an attempted crime, criminal complicity are established only for specific crimes.

The legislator does not have his heart set on uniform application of the law or sentencing that would best meet the circumstances of the offense and the personality of the offender that mainly accounted for a weak development of the rules of penalization as a tool of individualization of punishment and limitation of judicial discretion in the given period.

**Individualization of punishment;
penalization rules;**

**the preconditions of first of
a penalization of the first decrees of
the Soviet government;**

**sentencing in the first post-
revolutionary period;
special rules of sentencing**

Специальные правила назначения наказания — система взаимосвязанных типичных законодательных предписаний, необходимых и достаточных для прямой и непосредственной индивидуализации наказания осужденному.

Формирование системы является результатом длительной эволюции как правил пенализации, так и уголовного права в целом: от образования условий (предпосылок) их возникновения и введения в уголовное право конкретных правил до интеграции этих элементов в единую систему и ее совершенствования. Как известно, «ни одна новая социальная система... не возникает на пустом месте. Она черпает материал для своего формирования из предшествующих ей систем или систем, существующих рядом с ней» [1, с. 34]. Исследуемые правила предопределены уровнем развития более общих систем, прежде всего механизма уголовно-правового регулирования общественных отношений в целом и его пенализационной составляющей в частности.

Совершенствование системы достигается благодаря преемственности в ее развитии. На новом этапе своей эволюции она не создается заново, а подвергается преобразованию и корректировке в соответствии с изменившимися внешними условиями. Этой логике подчинялось формирование специальных правил назначения наказания до 1917 г. Однако революционные события в России начала XX в. нашли свое отражение не только в политической, экономической и социальной системе государства, но и в праве. Ранее действовавшие предписания *criminal law* не перестраивались в соответствии с изменившимися внешними условиями, а отменялись. Вновь создаваемые нормы уголовного права, в том числе специальные правила назначения наказания, характеризовались разрозненностью, бессвязностью, спорадичностью, казуистичностью, что предопределялось в том числе слабым развитием предпосылок для их закрепления.

Во-первых, любые системы правовых норм — от отраслевых до институциональных — изначально зависят от тех принципиальных основ, которые в них раскрываются и реализуются. «Принципы права играют роль ориентиров в формировании права, — отмечает С. А. Галактионов. — Появившаяся правовая идея нередко формируется в виде правового принципа, влияющего на развитие права. В дальнейшем, поскольку принцип именно правовой, он претворяется в нормы права и соответствующие им отношения» [2, с. 30]. Р. С. Бурганов также отмечает, что значимость принципов уголовного права выражается в их большей юридической силе по сравнению с нормами уголовного права; в уголовном законодательстве нет норм, которые не имели бы подчиненное значение по отношению к принципу уголовного права [3, с. 20].

С признанием принципов равенства, вины, справедливости, гуманизма исключаются крайности в пенализационном процессе: абсолютизированное, вплоть до произвола, дискреционное начало и абсолютизированное, без «тени» оценки формальное начало. Возрастает вес обстоятельств преступления и личности виновного. Каждый случай осуждения требует индивидуального подхода и, соответственно, назначения наказания — обязательной непосредственной индивидуализации кары и, как следствие, ее необходимого инструментария — специальных правил назначения наказания. Принцип законности генерирует оформление правил нормативным путем.

Период 1917–1919 гг. характеризуется отрицанием принципов правового регулирования в современном их понимании.

Так, Декрет СНК от 11 апреля 1918 г. «Об организации управления почтово-телеграфными делом» [4, с. 24] предписывал «применять самые решительные и беспощадные меры подавления» при явном саботаже со стороны почтово-телеграфных чиновников (ст. 11), Обращение СНК «О борьбе с контрреволюционным возмущением Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемым Центральной Радой» [5] утверждало необходимость бороться «со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху» и карать по всей тяжести революционных законов.

Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде РСФСР (положение)» [6] в ст. 22 предписывал при рассмотрении всех дел применять декреты Рабоче-Крестьянского Правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового руководствоваться социалистическим правосознанием, ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещались.

Во-вторых, неразработанность институтов уголовного права, общих норм о преступлении, системы наказаний, санкций норм. Очевидно, что усложнение данных норм является предтечей соответствующих изменений в назначении наказания. К примеру, специальные правила назначения наказания за приготовление к преступлению и за покушение на него (ст. 66 УК [7]) возникают в результате соответствующей детализации института неоконченного преступления (ст. 29–31 УК).

Аналогичная связь существует между системами наказания и назначения наказания. В теории уголовного права высказывается мнение, что «система наказаний должна быть более или менее обширной, в нее должно входить такое количество разнообразных видов наказания, которое было бы достаточно для выбора судом индивидуализированного наказания в каждом отдельном случае» [8, с. 348].

Увеличение перечня наказаний влечет относительное расширение содержания санкций норм, отступление от казуистичности их законодательного изложения и переход к пандектному принципу формирования права. Закономерно создается объективное «поле» для индивидуализации кары. Указание на типовые признаки преступлений в статьях уголовного закона дополняется типовыми наказаниями, реализация которых по конкретному делу влечет закрепление специальных правил определения санкции за преступление, применения отдельных видов наказаний, исчисления их сроков и размеров и т. д.

Для данного периода характерно отсутствие дефиниции видов неоконченного преступления, соучастия в преступлении, рецидива преступлений, объясняемое избранием Советской властью пути «создания декретов, устанавливающих ответственность за отдельные общественно опасные деяния» [9, с. 27].

Отсутствовала единая централизованная система наказаний, в отдельных декретах содержались перечни тех видов, которые уполномочены назначать специальные органы [10; 11].

В целом нормативные предписания характеризуются рассогласованностью, бессвязностью, отсутствием единого понятийного аппарата.

Устоявшуюся уголовно-правовую терминологию законодатель зачастую заменяет оценочными понятиями с неопределенным содержанием, представляющими неограниченные пределы судебного усмотрения. По оценкам исследователей, с 1918 г. и до принятия Руководящих начал по уголовному праву 1919 г. законодатель оперирует тремя различными терминами для обозначения видов неоконченного преступления: в одном случае — «попытка» [12], во втором — «покушение» [13; 14], в третьем — «приготовительная стадия» [15; 16; 17]. По мнению С. Ф. Нигмадяновой, отсутствие четкого определения понятия «попытка» дает основания полагать, «что данный термин охватывал собой не только понятие покушения, но и понятие приготовления» [17, с. 98].

Наказуемость преступлений устанавливалась, как правило, определением подлежащего назначению конкретного вида наказания [18], при этом определение его размера оставалось на усмотрение суда, либо ограничением одного (верхнего или нижнего) предела конкретного вида наказания [19; 13; 20; 21; 22].

Однако утверждение о полном отсутствии регулирования пенализации в рассматриваемый период было бы однобоким и поверхностным суждением.

Во-первых, выделяются общие предписания о пенализации.

Инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, под-

лежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» [23] призвала руководствоваться при определении меры наказания «обстоятельствами, делами и велениями революционной совести», т. е. устанавливала критерии определения меры наказания. Декрет «О Народном суде РСФСР (положение)» предусматривал в качестве основания отмены приговоров Народного суда его явную несправедливость (ст. 89). «В случае отмены приговора или решения, — устанавливал декрет в ст. 91, — Совет Народных Судей указывает, в чем выразилась... явная несправедливость отменяемого приговора или решения». Данные положения указывают на необходимость соотносить меру наказания с обстоятельствами содеянного.

Позднее, уже в Декрете ВЦИК «О революционных трибуналах» [24] в ст. 35 также устанавливалось в качестве основания изменения приговора явное несоответствие меры репрессии деянию осужденного, что свидетельствовало об укреплении обозначенной выше тенденции.

Во-вторых, выделяется группа правил пенализации, конкретизирующих вышеуказанные положения и задающих направление оценки обстоятельств: разграничиваются подстрекатели, пособники и прикосновенные к даче взятки, а также покушение и оконченное преступление и устанавливается, что покушение на получение или дачу взятки наказывается как оконченное преступление, подстрекатели, пособники и все прикосновенные к даче взятки служащим подвергаются тому же наказанию, что и лица, виновные в принятии взяток [13].

Положение о социальном обеспечении трудящихся [25] обязывало правоприменителя усиливать наказания лицам, виновным в сокрытии получаемых ими доходов с целью увеличения размера пенсии или пособия, и подвергать их «в первый раз лишению свободы от 6 месяцев до 1-го года и лишению пенсии на тот же срок; при повторных случаях — лишению свободы от 2-х до 3-х лет и лишению пенсии навсегда», тому же наказанию должны были подвергаться должностные лица, выдавшие заведомо неправильное удостоверение о неимении пенсионерами средств к существованию.

Декрет «О Народном суде РСФСР (положение)» предоставлял народным судам право назначать наказание по своему убеждению, а также уменьшить наказание или совсем освободить от него в тех случаях, когда в Декрете установлено наказание не ниже известной нормы, мотивировав основания смягчения приговора. Таким образом, подразумевается необходимость обоснования меры наказания судом и ее «подкрепления» соответствующей оценкой обстоятельств дела.

Оценивая процитированные нормы о неоконченном преступлении, криминалисты указывают, что «наказуемость покушения как оконченного

преступления означала, что советский законодатель отказывается от обязательного смягчения наказания при покушении и дает возможность суду при определении наказания принять во внимание и стадию развития преступной деятельности, и отсутствие наступления преступного результата» [26, с. 153]. Иными словами, согласно данной позиции правила пенализации лишены свойства обязательности и предоставляют свободу судебного усмотрения.

Таким образом, период 1917–1919 гг. можно охарактеризовать как период образования условий (предпосылок) возникновения специальных правил назначения наказания: формирования принципов права, общих норм о преступлении, наказании, санк-

ций норм. Система специальных правил назначения наказания как таковая отсутствовала.

Существовавшие правила пенализации зачастую были привязаны к отдельным составам преступления.

Законодатель в своем стремлении подчинить правила пенализации социальным и политическим потребностям того времени нередко предопределяет для них место и роль в уголовном праве, отличные от современного понимания. Единообразное применение уголовного закона и точное соответствие между подлежащими оценке обстоятельствами и мерой наказания не было приоритетом для законодателя, поэтому нормы о пенализации были малоэффективны в качестве средства индивидуализации последней.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М. : Политиздат, 1981.
2. Галактионов С. А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004.
3. Бурганов Р. С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.
4. Сборник документов по истории советского уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953.
5. СУ РСФСР. 1917. № 4.
6. СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Уголовное право России. Часть Общая / под ред. Л. Л. Кругликова. М. : БЕК, 1999.
9. Тоскина Г. Н. Становление и развитие системы наказаний в уголовном праве России и СССР в 1917–1926 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2005.
10. Инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // СУ РСФСР. 1917. № 12.
11. Декрет от 28 января 1918 г. «О революционном трибунале печати» // СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 362.
12. Постановление ВЦИК «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» // СУ РСФСР. 1918. № 14. Ст. 202.
13. Декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.
14. Постановление СНК от 30 июля 1918 г. «О набатном звоне» // СУ РСФСР. 1918. № 57. Ст. 628.
15. Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов» // Известия ВЦИК. 1918. 6 окт.
16. Тедеев К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
17. Нигмадянова С. Ф. Стадии совершения преступления в уголовном праве России 1917–1926 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2007.
18. Декрет СНК от 15 июля 1921 г. «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об их обмене» // СУ РСФСР. 1921. № 55. Ст. 346.
19. Декрет СНК от 8 ноября 1917 г. «О государственной монополии на печатание объявлений» // СУ РСФСР. 1917. № 2. Ст. 22.
20. Инструкция НКЮ «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» // СУ РСФСР. 1918. № 19. Ст. 295.
21. Постановление Высшего Совета народного хозяйства РСФСР «О запрещении привоза предметов роскоши» // СУ РСФСР. 1918. № 15. Ст. 221.
22. Постановление СНК РСФСР «Об усилении уголовной репрессии за перевозку помимо почтового ведомства писем, денег и маловесных посылок» // СУ РСФСР. 1918. № 70. Ст. 759.
23. СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.
24. СУ РСФСР. 1920. № 22–23. Ст. 115.

25. Положение о социальном обеспечении трудящихся // СУ РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.
 26. Герцензон А. А. и др. История советского уголовного права. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948.

References

1. Afanasiev V. G. *Society: systemacity, knowledge and management*. M. : Politizdat, 1981.
2. Galaktionov S. A. *Principle of justice (criminal law aspect) : dis. ... cand. legal sciences*. Ryazan, 2004.
3. Burganov R. S. *Principles of criminal law and principles of sentencing : dis. ... cand. legal sciences*. Kazan, 2006.
4. *Collection of documents on the history of the Soviet criminal legislation of the USSR and the RSFSR 1917–1952* / ed. I. T. Golyakova. M., 1953.
5. SU RSFSR. 1917. № 4.
6. SU RSFSR. 1918. № 85. Art. 889.
7. *Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ* // SZ RF. 1996. № 25. Art. 2954.
8. *Criminal law of Russia. Part General* / ed. L. L. Kruglikova. M. : BEK, 1999.
9. Toskina G. N. *Formation and development of the system of punishments in the criminal law of Russia and the USSR in 1917–1926 : dis. ... cand. legal science*. Ulyanovsk, 2005.
10. *Instruction of the NCJU dated December 19, 1917 “On the Revolutionary Tribunal, its composition, the affairs subject to its jurisdiction, the penalties imposed by it and the order of conducting its meetings”* // SU RSFSR. 1917. № 12.
11. *Decree of January 28, 1918 “On the Revolutionary Tribunal of the Press”* // SU RSFSR. 1918. № 28. Art. 362.
12. *Decree of the All-Russian Central Executive Committee “On the recognition as a counter-revolutionary action of all attempts to appropriate the functions of state power”* // SU RSFSR. 1918. № 14. Art. 202.
13. *Decree of the Council of People’s Commissars of May 8, 1918 “On Bribery”* // SU RSFSR. 1918. № 35. Art. 467.
14. *The resolution of the Council of People’s Commissars of July 30, 1918 “On the alarm sound”* // SU of the RSFSR. 1918. № 57. Art. 628.
15. *Circular of the Cassation Department of the All-Russian Central Executive Committee of October 6, 1918 “On the jurisdiction of the revolutionary tribunals”* // *News of the All-Russian Central Executive Committee*. 1918. 6 oct.
16. Tedeev K. T. *Stages of the commission of a crime and the construction of trains : dis. ... cand. legal sciences*. M., 2005.
17. Nigmadyanova S. F. *Stages of committing a crime in the criminal law of Russia 1917–1926 : dis. ... cand. legal sciences*. Yoshkar-Ola, 2007.
18. *Decree of the Council of People’s Commissars dated July 15, 1921 “On the responsibility for violation of the decrees on in-kind taxes and on their exchange”* // SU RSFSR. 1921. № 55. Art. 346.
19. *Decree of the Council of People’s Commissars of November 8, 1917 “On the state monopoly on printing ads”* // SU RSFSR. 1917. № 2. Art. 22.
20. *Instruction of the NCLU “On confiscation of share capital of former private banks”* // SU RSFSR. 1918. № 19. Art. 295.
21. *Decree of the Supreme Council of National Economy of the RSFSR “On the prohibition of the importation of luxury goods”* // SU RSFSR. 1918. № 15. Art. 221.
22. *Resolution of the SNK of the RSFSR “On strengthening criminal repression for the transportation of letters, money and lightweight parcels in addition to the postal department”* // SU RSFSR. 1918. № 70. Art. 759.
23. SU RSFSR. 1917. № 12. Art. 170.
24. SU RSFSR. 1920. № 22–23. Art. 115.
25. *Regulations on social security of workers* // SU RSFSR. 1918. № 89. Art. 906.
26. Gerzenzon A. A. and others. *The history of Soviet criminal law*. M. : Legal. Publishing house of the Ministry of Justice of the USSR, 1948.

СОВРЕМЕННАЯ ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ «ДОПИНГ» — ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В последнее время категория «допинг» вызывает много дискуссий. Все чаще в СМИ звучат сообщения о дисквалификации спортсменов в различных видах спорта за применение допинга. Сегодня данная проблема в спорте является одной из актуальных и стоит достаточно остро. Цель работы заключается в формулировании основных подходов к определению допинга в отношении современного спорта, связанных с юридической ответственностью. Предметом исследования выступают нормы Уголовного законодательства, Всемирного антидопингового кодекса, а также доктринальные источники по исследуемой проблеме. Автор использовал метод анализа и синтеза, формально-юридический и исторический методы исследования. В статье дано авторское определение допинга, проанализированы действия, связанные с допингом и подлежащие уголовной ответственности, выявлены критерии определения запрещенных веществ. На основании проведенного анализа автор приходит к ряду выводов. Во-первых, понятие «допинг» в настоящее время трансформировано из материального в позитивно-правовое, что нашло отражение в основополагающем документе — Кодексе ВАДА. Во-вторых, в текущем сознании сохраняется тенденция называть допингом материальную составляющую (запрещенная субстанция), с дополнением ее «запрещенными методами» (инъекции и инфузии при ряде условий, манипуляции с кровью и др.). В-третьих, основным критерием допинга становится нарушение принципов справедливости и равенства с акцентом, однако, на воздействии, привнесенные извне.

ПАВЛОВ

Владимир Иванович

главный специалист города Москвы по функциональной диагностике спортсменов и физически активных лиц, заведующий отделением Московского научно-спортивного центра медицинской реабилитации, восстановления и спортивной медицины, доктор медицинских наук, профессор (г. Москва),
mnpccsm@mail.ru.

**Допинг;
преступления;
запрещенные вещества;
мельдоний;
ответственность;
антидопинговое законодательство;
спорт;
WADA**

Vladimir I. PAVLOV

Moscow Chief specialist in the field of functional diagnostics of athletes and physically active persons, the head of the Department of Moscow scientific and sports center for medical rehabilitation, recovery and sports medicine, the doctor of medical sciences, the professor (Moscow),
mnpccsm@mail.ru.

**Doping;
crimes;
prohibited substances;
Meldonium;
liability;
anti-doping legislation;
sports;
WADA**

MODERN INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF DOPING — PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Recently the category of doping has provoked a wide discussion. The media report disqualification of athletes in various sports for doping with increasing frequency. Nowadays this problem in sports is one of the most pressing and is quite up-to-date. The purpose of the article is to formulate the basic approaches related to legal responsibility to the definition of doping in regard to modern sports. The subject of the study are the norms of criminal law, the world anti-doping code as well as doctrinal sources on the problem under study. The author uses the method of analysis and synthesis, legalistic and historical research method. The article gives the author's definition of doping, analyses the actions associated with doping and liable to prosecution, identifies the determination criteria for prohibited substances. From the perspective of the conducted research the author comes to a number of conclusions. Firstly, the concept of doping is now transformed from a material notion to a positive legal one, which is reflected in the fundamental document — the WADA Code. Secondly, there is a tendency in public conscience to use the term "doping" to refer to the material component (prohibited substance), with the addition of its "prohibited methods" (injections and infusion under a range of conditions, manipulation involving blood, etc.); and thirdly — the main criterion of doping is now the violation of the principles of justice and equality, with an emphasis, however, on the impact brought from the outside.

В настоящее время, пожалуй, нет ни одного человека, который никогда не слышал слово «допинг». Действительно, этому понятию уделяется большое внимание, и с ним связано много проблем как внутри страны, так и на международном уровне. Однако даже профессионалы в области спорта затрудняются ответить, что означает «допинг», а значительная часть отвечает неверно.

Вплоть до конца XX в. допингом считали любые способы воздействия на организм спортсмена (прием фармакологических препаратов, использование парентеральных методов введения средств и др.), запрещенные действовавшим в то время международным антидопинговым правом.

Справедливо было определение, согласно которому допингом назывались биологически активные вещества, способы и методы искусственного повышения работоспособности, которые оказывают побочные эффекты на организм и для которых, как правило, имеются специальные методы обнаружения.

В настоящее время в значительной мере используется иной подход к определению понятия «допинг» [1, с. 46–57].

Действительно, с созданием системы международного контроля за употреблением веществ или методов, стимулирующих работоспособность и зачастую наносящих непоправимый вред здоровью, значительно усилился контроль, ужесточилась система санкций. В то же время в XXI в. значительно изменилось само определение понятия допинга, ставшего из материального, скорее, позитивно-правовым, т. е. закрепленным на бумаге понятием, означающим нарушение всего того, что предписано международными антидопинговыми правилами. Более того, это уже не только употребление субстанций, вредящих здоровью, но и многочисленные нарушения, связанные с их оборотом, несоответствующие духу спорта.

Действительно, в юридической терминологии и существует много специфических явлений. Но, пожалуй, трудно привести другой такой пример, где термин, отражающий материальный объект, становится абстрактным понятием, означающим правонарушение.

Допингом является совершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил, приводимых в ст. 2.1–2.10 Кодекса ВАДА [2] (ст. 1 Кодекса ВАДА). При этом список нарушений антидопинговых правил (т. е. допинга) достаточно широк.

К нарушениям антидопинговых правил относятся следующие:

1. Наличие Запрещенной субстанции, или ее Метаболитов, или Маркеров в Пробе, взятой у Спортсмена.

2. Использование или Попытка Использования Спортсменом Запрещенной субстанции или Запрещенного метода.

3. Уклонение, отказ или неявка на процедуру сдачи Проб.

4. Нарушение порядка предоставления информации о местонахождении.

5. Фальсификация или Попытка Фальсификации в любой составляющей Допинг-контроля.

6. Обладание Запрещенной субстанцией или Запрещенным методом.

7. Распространение или Попытка Распространения любой Запрещенной субстанции или Запрещенного метода.

8. Назначение или Попытка Назначения любому Спортсмену в Соревновательном периоде Запрещенной субстанции или Запрещенного метода, или Назначение или Попытка Назначения любому Спортсмену во Внесоревновательном периоде Запрещенной субстанции или Запрещенного метода, запрещенных во Внесоревновательный период.

9. Соучастие.

10. Запрещенное сотрудничество.

Заметим, что ключевые дефиниции в Кодексе ВАДА выделены заглавными буквами и оставлены нами в таком же виде.

Определение допинга имеет практическую направленность в отношении современного спорта, связанную с юридической ответственностью.

Допинг (в данной концепции) — это не вещество, способ воздействия или что-то иное материальное, а в том числе правонарушение, влекущее ответственность.

Нарушенным является не что иное, как правила, закрепленные в статьях ВАДА.

Как можно видеть, принципы, определяющие допинг и являющиеся основополагающими для конкретных статей Кодекса, весьма размыты, особенно, что касается всего того, что не затрагивает материальную (узкую) составляющую. Дополнительную неясность вносит перевод с иностранного (английский или французский для кодекса ВАДА), в той или иной степени искажающий смысл изначального термина и формирующий другой ассоциативный ряд. Как итог, затрудненное восприятие того, что составляет «дух спорта». В целом, «дух спорта» согласно общему определению — это прославление человеческого духа, тела и разума и отображение вышеперечисленных ценностей [3, с. 94–98] (см. схему).

Вместе с тем понятие «допинг» дискуссионно прежде всего в материальном (узком) аспекте, т. е. с позиции запрещенных субстанций и методов. Именно в данном аспекте он рассматривается российским законодательством.

В настоящее время принят Федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за

нарушение антидопинговых правил)» [4], который дополняет УК [5] ст. 230 и предусматривает наличие такого специального субъекта, как специалист по спортивной медицине, для которого предусмотрена ответственность за склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, при условии, что эти субстанции не являются наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами (в этом случае ответственность наступает по ст. 230 УК).

Отметим, что данный термин является весьма размытым, а законодательная практика его толкования почти отсутствует. Данный специальный субъект может быть лицом не только с высшим образованием; включать не только непосредственно медицинский персонал, но и проводящих лечебно-диагностические манипуляции лиц других специальностей (методисты, инструкторы и др.), а также не имеющих сертификата по лечебной физкультуре и спортивной медицине врачей других специальностей, оказывающих медицинскую помощь спортсмену. Отягощающим (квалифицирующими) признаком этого преступления является его совершение в отношении несовершеннолетнего спортсмена, неоднократное совершение деяния, летальный исход.

Вместе с тем и правила, касающиеся допинга как материального понятия (запрещенные вещества и методы), несмотря на большую конкретность,

зачастую носят оценочный характер, что особенно ярко проявляется в выдаче разрешения на терапевтическое использование. В Международном стандарте по терапевтическому использованию (МСТИ) ВАДА этот факт отражен в термине «баланс вероятности» (*balance of probability*).

Для того чтобы ориентироваться в каждом конкретном случае выдачи разрешения на Терапевтическое использование (ТИ) и упорядочить оценку баланса вероятности, ВАДА публикуются рекомендации по назначению лечения наиболее актуальных заболеваний (бронхиальная астма, сахарный диабет и др.) в виде медицинской информации для принятия решений комитетом по терапевтическому использованию (*Medical Information to Support the Decisions of Therapeutic Use Exemption Committees — TUECs*). Сложность вероятностной оценки и верной интерпретации находит отражение в каждом из четырех условий МСТИ.

Существуют различные варианты течения того или иного патологического процесса, а также различные группы препаратов и механизмы их действия. Включение в схему лечения того или иного препарата или метода базируется на основе принципов доказательной медицины, предполагающей различный уровень доказанности эффективности и необходимости действия препарата. Наивысший уровень доказанности действия препарата возможен при проведении многоцентровых рандомизированных двойных слепых плацебо контролируемых

исследований, что является затратным в плане времени и ресурсов. В то же время существует менее высокий уровень доказательств, таких как мнение авторитетного специалиста.

Все это имеет рекомендательный, а не обязательный характер. Так, например, субстанция «триметазидин» (коммерческое название препарата — предуктал и др.), согласно представленному механизму действия и мнению авторитетных специалистов, может быть включена в терапию различных форм ишемической болезни сердца (ИБС) и быть эффективной; причем это вещество имеет уникальный способ действия на клеточном уровне, не свойственный другим препаратам при лечении данного заболевания. Тем не менее наивысшего уровня доказательности этот препарат в данном случае не имеет. Учитывая, что препарат входит в Запрещенный список и существуют другие препараты для лечения ИБС с высокой степенью доказанности действия, баланс вероятности склоняется не в сторону его использования. Однако уникальность механизма действия, делающая его потенциально эффективным при некоторых феноменах, свойственных ИБС (например, гибернирующий миокард), может склонять мнение эксперта уже в сторону его применения при, фактически, том же самом диагнозе.

Отсутствие влияния на спортивные результаты препарата или метода, как правило, трудно доказуемо. Здесь ситуация складывается не в пользу спортсмена, учитывая, что он сам должен доказывать этот факт, исходя из концепции «обоснованного подозрения», достаточной для отстранения атлета от спорта высоких достижений.

Обоснованное подозрение может возникнуть уже исходя из высоких результатов, показанных спортсменом, применяющим ту или иную Запрещенную субстанцию или Запрещенный метод по поводу заболевания.

Понятие «допинг» появляется уже в Целях Кодекса ВАДА — основного регулирующего документа. Так, Целью является, в частности, «защищать фундаментальное право спортсменов участвовать в соревнованиях свободных от допинга...» [6], т. е. от нарушения Антидопинговых правил.

На возникший вопрос, зачем понятие «допинг» имеет такую формулировку, как в нынешнем виде, в «Целях» также дается ответ — это охрана и соблюдение того, что значит под терминами «здоровье», «справедливость» и «равенство». Между тем указанные дефиниции не всегда соблюдаются совместно и одновременно. Так, ряд субстанций и методов, внесенных в Запрещенный список ВАДА, не всегда вредят здоровью, а в ряде случаев способны оказывать позитивное влияние на

его состояние и даже оказывать профилактическое влияние, защищающее внутренние органы от неблагоприятных стрессорных влияний, оказываемых присущими спорту сверхнагрузками. Так, триметазидин — относительно недавно (2016 г.) появившаяся в Запрещенном списке Субстанция и числящаяся в нем на данный момент (2018 г.) — является так называемым цитопротектором, т. е. средством, применяющимся для защиты клеток организма от вредных воздействий окружающей среды (от лат. *cytos* — клетка, *protection* — защищать). Более того, данное действующее вещество используется для лечения заболеваний и профилактики осложнений со стороны сердца, которые могут стать причиной внезапной сердечной смерти (ВСС) спортсмена [7, с. 143–157].

В настоящее время ключевым моментом выступает не вред допинга для здоровья, а равенство спортсменов в отношении достижения результата. Однако, несмотря на то, что согласно Всеобщей Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [8], «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах...», в плане морфофизиологических характеристик все люди как биологические существа имеют определенные различия. Эти врожденные различия могут давать преимущество для достижения успеха в определенных видах спорта. Так, есть данные, свидетельствующие о наличии у некоторых спортсменов физиологических отклонений или даже патологий, которые сами по себе могли бы давать преимущество. Так, в прессе неоднократно появлялись сведения о наличии у Michael Fred Phelps, мирового рекордсмена по плаванию, синдрома Марфана — заболевания, характеризующегося в том числе большей длиной конечностей и, соответственно, способного давать некоторые преимущества в данном виде спорта. Также существуют официально декларируемые исследования, исследующие гены, способные давать индивидуумам преимущество в определенных спортивных дисциплинах.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов. Во-первых, понятие «допинг» в настоящее время трансформировано из материального в позитивно-правовое, что нашло отражение в основополагающем документе — Кодексе ВАД. Во-вторых, в текущем сознании сохраняется тенденция называть допингом материальную составляющую (запрещенная субстанция), с дополнением ее так называемыми запрещенными методами (инъекции и инфузии при ряде условий, манипуляции с кровью и др.). В-третьих, основным критерием допинга становится нарушение принципов справедливости и равенства с акцентом, однако, на воздействия, привнесенные извне.

Пристатейный библиографический список

1. Евсеев С. П. Критический анализ базовых понятий антидопингового кодекса // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2016. № 9.
2. Всемирный антидопинговый кодекс. Международный стандарт // World Anti-Doping Agency : сайт. URL: <https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/wada-prohibited-list-2016-ru.pdf> (дата обращения: 28.11.2018).
3. Платонов В. Н. Допинг в олимпийском спорте: кризисные явления и пути их преодоления // Теория и практика физической культуры. 2016. № 10.
4. Федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)» // СЗ РФ. 2016 (Ч. 1). № 48. Ст. 6732.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Всемирный антидопинговый кодекс. 2015 год: Всемирное антидопинговое агентство / пер. с англ. А. А. Анцелович, А. А. Деревоедов. М. : РУСАДА, 2015.
7. McClellan K. J., Plosker G. L. Trimetazidine. A review of its use in stable angina pectoris and other coronary conditions. *Drugs* 1999; №58 (1):143–157.
8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос. газ. 1995. 5 апр.

References

1. Evseev S. P. Critical analysis of the basic concepts of the anti-doping code // Proceedings of the Lesgaft University. 2016. № 9.
2. World Anti-Doping Code. International Standard // World Anti-Doping Agency : site. URL: <https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/wada-prohibited-list-2016-ru.pdf> (date of the application: 11/28/2018).
3. Platonov V. N. Doping in Olympic sports: crisis phenomena and ways to overcome them // Theory and practice of physical education. 2016. № 10.
4. Federal Law of 22.11.2016 № 392-FZ “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (in terms of strengthening liability for violation of anti-doping rules)” // Assembly of the legislation of the Russian Federation. 2016 (P. 1). № 48. Art. 6732.
5. Criminal Code of the Russian Federation, dated 13.06.1996 № 63-FZ // Collected legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
6. World Anti-Doping Code. 2015: World Anti-Doping Agency / Translated from English by A. A. Antselovich, A. A. Derevoedov. M. : RUSADA, 2015.
7. McClellan K. J., Plosker G. L. Trimetazidine. A review of its use in stable angina pectoris and other coronary conditions. *Drugs* 1999; №58 (1): 143–157.
8. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // Russian newspaper. 1995. 5 Apr.

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

Актуальность вопроса об определении компетенции Конституционного Суда РФ в сфере защиты имущественных прав обусловлена отсутствием правовой определенности их отражения в тексте Конституции России, конкуренцией полномочий федерального Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов, наличием пробелов в федеральном конституционном законодательстве, посвященном обращениям граждан и направлению запросов судов общей и арбитражной юрисдикции в высший орган конституционной юрисдикции. Предмет работы составляют законодательные основы определения и разграничения компетенции Конституционного Суда РФ и других органов судебной власти в сфере защиты имущественных прав, правозащитная практика высшего органа конституционного контроля. Цель настоящего исследования связана с разработкой предложений, направленных на восполнение пробелов законодательного регулирования и совершенствование практики осуществления конституционного законодательства, посвященного реализации компетенции Конституционного Суда РФ в сфере защиты имущественных прав. На основе логического, системно-структурного, функционального, статистического и формально-юридического методов авторы сформулировали выводы и предложения, обладающие научной новизной. В числе последних – вывод о дефиците обращений судов общей и арбитражной юрисдикции в Конституционный Суд России. По мнению авторов, одна из причин невысокого количества судебных запросов в Конституционный Суд РФ в отношении защиты имущественных прав заключается в отсутствии юридической ответственности судей за неисполнение требований ст. 101 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», предполагающей обязательное обращение судов в высший орган конституционного контроля при выявлении неконституционных законов, подлежащих применению в конкретном деле.

Konstantin A. ISHEKOV

the professor of the Civil Procedure and the Management Bailiff Service and Enforcement Proceeding Chair of the All-Russian State University of Justice, the doctor of law, the assistant professor (Moscow), ishekov77@mail.ru.

Julia S. ISHEKOVA

the post-graduate of the Civil Procedure and the Management Bailiff Service and Enforcement Proceeding Chair of the All-Russian State University of Justice (Moscow), ulka1414@mail.ru.

**Property rights;
the Constitution
of the Russian Federation;
the Constitutional Court
of the Russian Federation;
competence;
citizens petitions;
judicial inquiry**

ИШЕКОВ

Константин Анатольевич профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент (г. Москва), ishekov77@mail.ru.

ИШЕКОВА

Юлия Сергеевна аспирант кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва), ulka1414@mail.ru.

**Имущественные права;
Конституция Российской
Федерации;
Конституционный Суд
Российской Федерации;
компетенция;
обращения граждан;
судебный запрос**

THE ISSUE OF THE COMPETENCE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS

The relevance of the question of determining the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of protection of property rights stems from the lack of legal certainty of their reflection in the text of the Constitution of Russia, from the competition of powers of the Federal Constitutional Court and constitutional (charter) courts of federation subjects, from the gaps in the federal constitutional legislation regulating petitions of citizens and directing the requests of courts of general and arbitration jurisdiction to the supreme body of constitutional jurisdiction. The subject of the research is legislative basis for determining and delineating the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation and other judicial authorities in the field of protection of property rights, human rights protection practice of the supreme body of constitutional control. The purpose of this study is connected to the development of proposals aimed at filling in the gaps in legislative regulation and improving the practice of implementation of constitutional legislation regulating the implementation of competence of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of protection of property rights. Applying the logical, system-structural, functional, statistical and formal-legal methods, the authors have formulated conclusions and proposals with scientific novelty. Among the latter – the conclusion about the shortage of appeals of courts of General and arbitration jurisdiction to the constitutional Court of Russia. According to the authors, one of the reasons for the low number of court requests to the Constitutional Court referring to the protection of property rights is the lack of legal responsibility of judges for failure to comply with the requirements of the Article 101 of the federal constitutional law 'On the constitutional Court of the Russian Federation' which assumes the obligatory appeal of courts to the supreme body of the constitutional control when revealing any unconstitutional laws which are subject to application in a specific case.

Важнейшим достижением современной российской Конституции [1] является не только провозглашение в ней прав и свобод человека и гражданина, но и возможность их государственной, в том числе судебной, защиты. Судебная защита имущественных прав главным образом осуществляется судами общей и арбитражной юрисдикции, Верховным Судом РФ. При этом весомый вклад в дело обеспечения и защиты имущественных прав также вносит контрольная и интерпретационная деятельность высшего органа конституционной юрисдикции — Конституционного Суда РФ.

Как показывает анализ, в научных кругах и в сфере практической правозащитной деятельности нередко возникают споры о пределах компетенции Конституционного Суда России, в том числе в контексте судебного разрешения споров об имущественных правах.

Известно, что компетенция Конституционного Суда РФ определена в ст. 125 Конституции и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2] (далее — Закон о Конституционном Суде). Отметим, что среди указанных полномочий высшего органа конституционной юстиции сферу защиты имущественных прав могут затрагивать полномочия по осуществлению нормоконтроля, примененного в конкретном деле по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан, а также закона, подлежащего применению по запросам судов; дела о толковании Конституции.

Согласно статистическим данным, размещенным на сайте Конституционного Суда России, поводом к рассмотрению дел, по которым приняты постановления и определения, в подавляющем большинстве случаев выступают жалобы граждан [3]. При этом по количеству обращений дела, связанные с защитой гражданских, в том числе имущественных прав, входят в первую пятерку наряду с обращениями по вопросам уголовного права и процесса, конституционного статуса личности, гражданского судопроизводства и иных обращений [4]. Таким образом, сложившаяся практика свидетельствует, с одной стороны, о доверии граждан к Конституционному Суду РФ как высшему органу судебной защиты, с другой стороны, о невысоком количестве инициатив направления запросов государственными органами, включая суды, в высший орган конституционного контроля, в том числе в интересах граждан, обратившихся за судебной защитой имущественных прав.

Отметим, что полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности закона по жалобам граждан в 2010 г. по инициативе действующего на тот момент Президента РФ Д. А. Медведева были скорректированы законодателем. Суть из-

менений заключалась в том, что согласно новой редакции жалоба гражданина будет признаваться допустимой, если оспариваемая норма закона уже применена в конкретном деле судом, а запрос суда будет допустим лишь в случае, если норма закона еще не применена, а «подлежит применению» [5]. Необходимость изменения конституционного законодательства обосновывалась общей и расплывчатой формулировкой — устранением возможности возникновения коллизий в судебной системе. Однако, как верно отмечено, такая ситуация не может не вызвать новые коллизии и неясности при рассмотрении дел в различных судебных инстанциях внутри самой системы судов общей и арбитражной юрисдикции [6, с. 575]. Прежде всего возникает закономерный вопрос о том, с какого момента и в какой инстанции закон перестает быть «подлежащим применению» и становится «примененным в конкретном деле»? Новая редакция рассматриваемого Закона не дает ответа на этот вопрос. Данная терминологическая неопределенность затрагивает в том числе сферу защиты имущественных прав.

В своем статистическом материале Конституционный Суд РФ не упоминает термин «имущественные права». В нем используются другие формулировки, в частности приводятся сведения об обращениях, связанных с защитой права собственности и иных вещных прав, обязательственных, наследственных и интеллектуальных прав. По мнению отдельных авторов, указанные права в совокупности составляют содержание более общей, родового категории — имущественные права [7, с. 11].

С учетом того, что Конституционный Суд России реализует свои полномочия в целях защиты основных прав и свобод человека и гражданина (ст. 3 Закона о Конституционном Суде), представляется важным определить: относятся ли имущественные права к числу основных прав и свобод и, как следствие, входит ли защита имущественных прав в круг полномочий высшего органа конституционной юстиции? Прежде всего стоит отметить, что сам Конституционный Суд РФ, принимая к рассмотрению обращения, связанные с защитой имущественных прав, своей практической деятельностью утвердительно ответил на данный дискуссионный вопрос. Так, в Постановлении от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца» [8] Конституционный Суд РФ подчеркнул, что согласно Конституции право собственности и иные имущественные права гарантируются посредством права на судебную защиту (ч. 1 ст. 46); под действие таких конституционных гарантий как неприкосновенность собственности и свобода договора подпадают имущественные права лица, владеющего вещью на законных

основаниях. В другом итоговом решении высший орган конституционной юрисдикции установил, что право собственности и иные имущественные права — в силу Конституции и исходя из общеправового принципа справедливости — подлежат защите на основе соразмерности и пропорциональности, с тем чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота [9]. В Постановлении от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества “Глория”» [10] Конституционный Суд России отметил, что имущественные права физических и юридических лиц находятся под защитой конституционного права частной собственности.

В развитие позиции Конституционного Суда РФ, принимающего к производству дела о защите имущественных прав, можно привести следующие аргументы. Несмотря на то что Конституция не содержит упоминания об имущественных правах, отдельные конституционные нормы так или иначе связаны с термином «имущество». Согласно Конституции каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (ч. 2 ст. 35); каждый имеет право наследования (ч. 4 ст. 35), каждый имеет право на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34), каждый обладает правом иметь в частной собственности землю (ч. 1 ст. 36). Обозначенные конституционные права принято относить к категории основных экономических прав [11, с. 7; 12, с. 32; 13, с. 14].

Таким образом, находясь в составе основных экономических прав, имущественные права граждан подпадают под юрисдикцию Конституционного Суда России. При этом в контексте конституционного судопроизводства они приобретают двойственную правовую природу: с одной стороны, выступают как субъективные права личности (частная составляющая), с другой — как объект конституционно-правового регулирования, осуществляемого государством (публичная составляющая). Становится очевидным, что применительно к обеспечению имущественных прав деятельность Конституционного Суда РФ преследует цель правомерного использования материальных ресурсов (в частности, имущества) для поддержания достойного уровня жизни граждан и базируется на приоритете конституционной законности, а также балансе частных и публичных интересов.

Стоит отметить, что вопрос определения конкретного набора имущественных прав, гарантированных Конституцией, до сих пор остается от-

крытым. Конституционный Суд России выразил ключевые позиции только по основному перечню имущественных прав. В целом представляется очевидным, что данный перечень не должен быть исчерпывающим. Это связано прежде всего с развитием экономических отношений в России, их глобализацией, научно-техническим прогрессом, возникновением новых имущественных прав. Как справедливо отметил председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, новые права попадают в спектр действия Конституции при наличии следующих условий: значительной экономической ценности, юридической принадлежности заинтересованному лицу и возможности идентификации в материальной или нематериальной вещи (предмете) [14, с. 9].

Еще один вопрос, возникающий в результате анализа приведенных выше статистических данных, связан с установлением причин достаточно редкого, особенно в сравнении с обращениями граждан, направления судебных запросов в Конституционный Суд РФ. Как видится, один из факторов, препятствующих распространению практики адресации запросов в суд высшего конституционного контроля, — отсутствие у правоприменителей четкой позиции в отношении того, является ли направление соответствующих запросов обязанностью судов общей и арбитражной юрисдикции.

В соответствии со ст. 101 Закона о Конституционном Суде суд при рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции закона, подлежащего применению им в указанном деле, обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности данного закона. Как представляется, данная формулировка не предполагает для судов свободу выбора действий и является императивной. На то, что обращение суда с запросом в высший орган конституционной юстиции не может рассматриваться только как его право, а должно толковаться как обязанность, указывает и сам Конституционный Суд РФ [15].

Несмотря на однозначную трактовку указанной законодательной нормы, у суда, применяющего закон, остаются варианты выбора своего поведения. В частности, суд на этапе рассмотрения конкретного дела может самостоятельно решать, является ли закон, подлежащий применению в конкретном деле, противоречащим Конституции. Фактически суд может сделать вывод о том, что для разрешения дела по существу можно проигнорировать закон, который, возможно, противоречит Конституции, сославшись на конституционную норму, действие которой имеет прямое распространение на спорные правоотношения. По мнению А. Н. Кокотова, суд, находящийся подлежащий применению закон неконституционным, вправе разрешить дело на основе Конституции без обращения с запросом

в Конституционный Суд РФ, если придет к выводу, что нормы Конституции, иных актов и исследованные им фактические обстоятельства необходимы и достаточны для вынесения законного и обоснованного решения [16, с. 2]. При таком подходе возникают резонные вопросы: как определить пределы усмотрения суда при принятии решения о направлении запроса в суд конституционной юрисдикции и самое главное, может ли суд общей или арбитражной юрисдикции, зная, что закон противоречит Конституции РФ, не обратиться с соответствующим конституционным запросом? На наш взгляд, отступления от правовой позиции Конституционного Суда РФ недопустимы. Подобное бездействие судов создает угрозу неисполнения решений высшего органа конституционного контроля. Кроме того, в результате осознанного оставления неконституционных законов в границах правового поля возникают нарушения конституционной законности. Думается, что решению данного вопроса может способствовать установление норм юридической ответственности судей, не применивших закон в связи с его несоответствием Конституции РФ, и при этом не инициировавших процедуру признания такого закона неконституционным в результате обращения в Конституционный Суд РФ.

Еще один противоречивый вопрос связан с разграничением компетенции в сфере защиты имущественных прав между федеральным Конституционным Судом РФ и конституционными (уставными) судами регионального уровня. Как известно, в соответствии со ст. 71 Конституции регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина — предмет исключительного ведения Российской Федерации. При этом в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится защита прав и свобод (ст. 72 Конституции). Установление конкретных конституционных прав и свобод на региональном уровне Конституция не предполагает. Вместе с тем способы конституционного (уставного) регулирования основных прав и свобод, включая имущественные права, в составе экономических конституционных прав имеют широкую вариативность в различных регионах России.

В уставах краев, областей и других субъектов, образованных по территориальному принципу, перечень прав, в том числе имущественного характера, в основном, не устанавливается, тогда как в конституциях субъектов, образованных по национально-государственному принципу, республиках в составе России, как правило, содержится отдельная статья с развернутым содержанием экономических прав, дублирующая аналогичные нормы федеральной Конституции (ст. 33–35 Конституции Республики Ингушетия [17], ст. 27–29 Конституции Республики Крым [18]).

В связи с этим конституционные суды республик, рассматривая обращения граждан, проживающих на территории соответствующих субъектов, фактически разрешают вопросы, входящие в полномочия федерального Конституционного Суда РФ. При этом при рассмотрении индивидуальных обращений граждан прослеживается совпадение компетенции конституционных судов федерального и регионального уровней, поскольку в остальных случаях их подсудность можно установить по различным основаниям (кругу участвующих лиц, правовым основам разрешения вопроса и т. д.). Как видится, с учетом положений ст. 71 и 72 Конституции в конституционном и уставном законодательстве субъектов установление материальных норм, регулирующих социально-экономические и связанные с ними имущественные права, является излишним. Данные конституционные права уже предусмотрены федеральной Конституцией. Полагаем, что этого вполне достаточно. Вместе с тем предоставление дополнительных гарантий защиты социально-экономических прав на уровне субъекта РФ можно только приветствовать.

Воспроизведение базовых положений Конституции об основных правах и свободах в региональных конституциях и уставах — избыточный способ правового регулирования, порождающий нежелательные коллизии в определении подсудности конституционных судов федерального и регионального уровней. Вне сомнений, что проверка закона на конституционность, который затрагивает материальное содержание основных прав и свобод, — безусловная компетенция Конституционного Суда России. Таким образом, есть все основания полагать, что конституционные и уставные суды субъектов Федерации правомочны осуществлять проверку конституционности (уставности) способов защиты прав и свобод, применяемых в регионах, но не правомерность закрепления материальных норм об основных правах в законодательстве субъектов.

Конституционный Суд России — особый судебный орган. Предметом его рассмотрения могут быть законы или другие нормативные правовые акты, а не конкретные дела. Он обязан воздерживаться от установления и исследования фактических обстоятельств дела во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов, т. е. не вправе подменять суды общей юрисдикции или арбитражные суды. Вместе с тем на практике Конституционному Суду РФ, интерпретирующему положения Конституции РФ, не всегда удается избежать толкования законов, относящихся к отраслевому законодательству. К примеру, в Постановлении от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой,

А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева» [19] Конституционный Суд РФ, с одной стороны, утверждает, что в его компетенцию не входит проверка законности и обоснованности правоприменительных решений, с другой стороны, руководствуясь материалами конкретного дела, настаивает на том, что в случае неоднозначного, противоречивого истолкования и применения норм, закрепляющих способы защиты нарушенных прав судами общей юрисдикции, оценка Конституционным Судом РФ проверяемой правовой нормы, а также выявленный им конституционно-правовой смысл правовой нормы являются обязательными как для законодателя, так и для правоприменителя и не могут быть отвергнуты или преодолены в законодательной и правоприменительной практике. Следовательно, в данном случае суды, следуя логике высшего органа конституционного контроля, при разрешении конкретных дел не вправе придавать рассматриваемым положениям ГК [20] какое-либо иное значение, расходящееся с позицией Конституционного Суда РФ.

Конституционный Суд России не обладает правом оценки не только решений судов, рассматривающих конкретные правовые споры, но и правовых позиций Верховного Суда РФ — вышестоящей инстанции по отношению к судам общей и арбитражной юрисдикции. Иллюстрацией тому является Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2011 № 1406-О-О [21]. В своей жалобе в Конституционный Суд РФ заявительница утверждала, что применением п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» были нарушены ее конституционные права, поскольку суд, по ее мнению, незаконно изменил предмет и основание заявленных исковых требований. Рассмотрев представленные материалы, Конституционный Суд РФ отказал в принятии этой жалобы к рассмотрению. Свой отказ он мотивировал тем, что постановления Пленума Верховного Суда РФ, толкующие закон, не могут выступать самостоятельным предметом проверки Конституционного Суда РФ, хотя в силу п. 2 ст. 74 Закона о Конституционном Суде они подлежат учету при принятии им решения по делу. Настаивая же на признании не соответствующим Конституции указанного постановления, заявительница не требует проверить конституционность какого-либо закона, истолкованного данным положением.

Нередко сами граждане, а также их представители, несогласные с решениями судов общей и арбитражной юрисдикции, в том числе в отношении защиты имущественных прав, обращаются в Конституционный Суд РФ с заявлениями о про-

верке неконституционных с их точки зрения решений, тем самым провоцируя его выйти за пределы своей компетенции. Конституционный Суд РФ, как правило, пресекает попытки такого рода. Подтверждением тому служит значительное число определений, в которых Конституционный Суд России отказывает в принятии к рассмотрению жалобы на нарушения конституционных прав граждан судами общей или арбитражной юрисдикции [22].

При этом, как отмечают отдельные исследователи, Конституционный Суд РФ не всегда в должной мере противостоит попыткам некоторых адвокатов превратить его в последнюю (или даже в предпоследнюю) судебную инстанцию по конкретным спорам. По мнению Е. А. Суханова, в области гражданского и, в частности, корпоративного права такие попытки нередко имели место, в результате чего несколько лет назад количество решений, принимаемых Конституционным Судом РФ по гражданским делам, начало превышать количество решений в области конституционного права [23, с. 18].

Подобного рода определения свидетельствуют о том, что граждане Российской Федерации или их представители недостаточно знакомы с компетенцией Конституционного Суда РФ либо обращаются в Конституционный Суд РФ с заведомо неподсудными ему жалобами, пытаясь превратить орган конституционного нормоконтроля в высшую инстанцию над судами общей или арбитражной юрисдикции. Отметим, что и та, и другая ситуация является неприемлемой с позиций конституционного законодательства. Огромный поток «отказных» дел перегружает Конституционный Суд РФ, затрудняет его деятельность по разработке действительно необходимых концептуальных решений, принимаемых в пределах его компетенции.

Один из вариантов разрешения данной проблемы видится в дополнительном информировании граждан о пределах полномочий Конституционного Суда РФ. К сожалению, на официальном сайте Конституционного Суда России в разделе «Порядок обращения в Конституционный Суд Российской Федерации» приводятся только выдержки из Закона о Конституционном Суде и НК [24]. Какие-либо разъяснения порядка реализации права на обращение в Конституционный Суд РФ на сайте отсутствуют. Считаю целесообразным разработать и разместить на сайте Конституционного Суда России, сайтах других органов государственной власти информацию, доступную для понимания граждан, не имеющих юридического образования. Информационные материалы должны содержать сведения о порядке и основаниях обращения граждан в Конституционный Суд РФ, случаи недопустимости обращения с жалобой в высший орган конституционной юстиции.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, как следует из установлений Конституции и правовых позиций Конституционного Суда РФ, имущественные права находятся в составе основных экономических прав граждан и, соответственно, в полной мере подпадают под юрисдикцию Конституционного Суда России.

Во-вторых, перечень имущественных прав, защита которых включена в полномочия Конституционного Суда России, не является закрытым. Расширение компетенции Конституционного Суда РФ напрямую связано с появлением новых имущественных прав, возникновение которых может быть обусловлено развитием экономических отношений в России, их глобализацией, научно-техническим прогрессом и другими явлениями современной жизни.

В-третьих, в отношении защиты имущественных прав компетенция Конституционного Суда РФ реализуется преимущественно по инициативе российских граждан или их представителей, которые нередко предпринимают попытки решить в свою пользу конкретное дело, пытаясь вовлечь в процесс разрешения спора высший орган конституционного контроля. Конституционный Суд РФ пресекает попытки подобного рода, воздерживаясь от исследования фактических обстоятельств дела, однако в некоторых случаях интерпретирует закон, регулирующий отдельную отрасль права, тем самым выходя за пределы своей компетенции.

В-четвертых, по сравнению с обращениями граждан суды общей и арбитражной юрисдикции инициируют рассмотрение дел, связанных с защи-

той имущественных прав в Конституционном Суде РФ значительно реже. Одна из причин пассивного взаимодействия судов общей и арбитражной юрисдикции видится в отсутствии ответственности судей за неисполнение требований ст. 101 Закона о Конституционном Суде. Можно с уверенностью утверждать, что принятие решения о неконституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле, не должно выноситься на субъективное усмотрение судов общей или арбитражной юрисдикции.

В-пятых, компетенцию федерального Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов в сфере защиты конституционных прав, в том числе имущественных прав граждан, следует разграничить следующим образом: если закон затрагивает материальное содержание основных прав и свобод, его проверка на конституционность является исключительной прерогативой Конституционного Суда России. Если речь идет о соответствии конституциям и уставам способов защиты прав и свобод на уровне субъектов, тогда соответствующая категория дел относится к компетенции региональных конституционных и уставных судов.

В целом Конституционный Суд России, не вторгаясь в сферу правозащитной деятельности судов общей и арбитражной юрисдикции, а также Верховного Суда России, создает необходимые конституционно-правовые ориентиры их деятельности и, реализуя свою компетенцию, способствует обеспечению конституционной законности выносимых судебных решений.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 439.
2. СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2018. № 31. Ст. 4811.
3. Заявители, подавшие обращения в Конституционный Суд Российской Федерации // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/NewReference.aspx> (дата обращения: 28.08.2018).
4. Тематика обращений в Конституционный Суд Российской Федерации // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx> (дата обращения: 28.08.2018).
5. Пояснительная записка «К проекту Федерального конституционного закона № 431379-5 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под ред. Г. А. Гаджиева. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012.
7. Семенов В. В. Защита имущественных прав в обязательственных правоотношениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
8. СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 4075.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикинува» // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» // СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7528.

11. Гаврилова Ю. В. Конституционно-правовое регулирование экономических прав граждан в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.

12. Гаджиев Г. А. Основные экономические права: сравнительное исследование конституционно-правовых институтов России и зарубежных государств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.

13. Гвоздева О. М. Конституционные основы обеспечения реализации социально-экономических прав граждан на уровне субъекта Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 14.

14. Зорькин В. Д. Конституционный Суд и развитие гражданского права // Рос. судья. 2012. № 3.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

16. Кокотов А. Н. Запросы судов в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке части 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 6.

17. Конституция Республики Ингушетия от 27.02.1994 // Конституции Республик в составе Российской Федерации. 1995. Ингушетия, 2016. 16 апр.

18. Конституция Республики Крым от 11.04.2014 // Крымские известия. 2014. 12 апр.

19. СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.

20. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.

21. Определение Конституционного Суда от 20.10.2011 № 1406-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чекулаевой Татьяны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 19 и частью второй статьи 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 3 постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 года «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», а также судебными постановлениями» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1350-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гинеевского Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Суханов Е. А. Воодушевляет систематическое принятие Конституционным Судом постановлений, направленных на защиту различных имущественных прав граждан // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 6.

24. Требования к обращению в Конституционный Суд Российской Федерации // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.08.2018).

References

1. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote 12.12.1993 // SZ RF. 2014. № 31. Art. 439.

2. Collection of the legislation of the Russian Federation. 1994. № 13. Art. 1447; 2018. № 31. Art. 4811.

3. Applicants who filed appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation // The Constitutional Court of the Russian Federation : site. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/NewReference.aspx> (date of the application: 08.28.2018).

4. Subjects of appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation // The Constitutional Court of the Russian Federation : site. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx> (date of the application: 08.28.2018).

5. Explanatory note "To the draft of the federal constitutional law № 431379-5 "On amendments to the federal constitutional law on the Constitutional Court of the Russian Federation" // The document was not published. Accessed from reference legal system "ConsultantPlus".

6. Commentary to the federal constitutional law "On the Constitutional Court of the Russian Federation" (article-by-article) / edited by G. A. Gadzhiev. M., 2012.

7. Semenov V. V. Protection of property rights in the legal relations of obligations: author's abstract to the thesis for a Candidate Degree in law. M., 2008.

8. Collection of the legislation of the Russian Federation. 2017. № 27. Art. 4075.

9. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14 May, 2012 № 11-g "With regard to the case on verification of constitutionality of the provision of part 2 of Article 1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation with regard to the claim of F. H. Gumerova and J. A. Shikunov" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2012. № 21. Art. 2697.

10. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from December 10, 2014 № 31-P "With regard to the case on verification of constitutionality of parts 6 and 7 of article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation i with regard to the claim of the private limited company "Glorija" // Collection of the legislation of the Russian Federation. № 51. Art. 7528.

11. Gavrilova Y. V. Constitutional and legal regulation of the economic rights of citizens in the Russian Federation. Author's abstract to the thesis for a Candidate Degree in law. Volgograd, 2006.

12. Gadzhiev G. A. Basic economic rights: a comparative study of the constitutional and legal institutions of Russia and foreign states. Author's abstract to the thesis for a Candidate Degree in law. M., 1996.

13. Gvozdeva O. M. Constitutional framework of the exercise of social and economic rights of citizens at the state level in the Russian Federation. Author's abstract to the thesis for a Candidate Degree in law. Omsk, 2008.

14. Zorkin V. D. Constitutional Court and the development of civil law // *Russkiy Sudya*. 2012. № 3.

15. Decision of the constitutional Court of 16 June 1998 № 19-P "With regard to the case of interpretation of certain provisions of articles 125, 126 and 127 of the Constitution of the Russian Federation" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 1998. № 25. Art. 3004.

16. Kokotov A. N. Requests of courts to the Constitutional Court of the Russian Federation as provided for in part 4 of Article 125 of the Constitution of the Russian Federation // *Journal of constitutional justice*. 2014. № 6.

17. Constitution of the Republic of Ingushetia of February 27, 1994 (as amended on April 13, 2016) // *Constitution of the republics within the Russian Federation*. 1995; Ingushetia. 2016. April 16.

18. Constitution of the Republic of Crimea of April 11, 2014 // *Crimean news*. 2014. April 12.

19. Collection of the legislation of the Russian Federation. 2003. № 17. Art. 1657.

20. Civil Code of the Russian Federation, Part One of 11.30.1994 № 51-FZ // *SZ RF*. 1994. № 32. Art. 3301; Part Two dated January 26, 1996 № 14-FZ // *Ibid*. 1996. № 5. Art. 410; Part Three dated 11.26.2001 № 146-FZ // *Ibid*. 2001. № 49. Art. 4552; Part Four of December 18, 2006 № 230-FZ // *Ibid*. 2006. № 52 (Part 1). Art. 5496.

21. Judgment of the Constitutional Court of October 20, 2011 № 1406-O-O "On refusal to accept to consideration the complaint of Tatyana Yurevna Chekulaeva about the violation of her constitutional rights by part 1 of Article 19 and part 2 of Article 20 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, point 3 of the resolution of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 10, plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 22 of April 29, 2010 "On some issues arising in judicial practice due to resolution of disputes connected with protection of the property rights and other real rights" and by the judicial decisions // Accessed from reference legal system "ConsultantPlus".

22. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 24, 2014 № 1350-O "On refusal to accept to consideration the complaint of Vladimir Aleksandrovich Gineyevsky about violation of his constitutional rights by Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation" // The document was not published. Accessed from reference legal system "ConsultantPlus".

23. Sukhanov E. A. Systematic adoption of the rulings designed to protect various property rights of citizens by the Constitutional Court is encouraging // *Journal of constitutional justice*. 2011. № 6.

24. Requirements for appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation // *The Constitutional Court of the Russian Federation* : site. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/default.aspx> (date of the application: 20.08.2018).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕГИОНОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА КАК ТЕРРИТОРИЙ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

В статье исследуются вопросы совершенствования реализации публично-правовых полномочий на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера. Целью работы является формирование доктринальных предложений об оформлении в нормах российского конституционного законодательства особого публично-правового статуса этих территорий. Авторами на основе использования формально-юридического, исторического и сравнительно-правового методов исследования проанализированы нормативные положения, закрепляющие особенности правового статуса территорий проживания коренных малочисленных народов Севера. В работе сделан вывод о наличии системных недостатков российского законодательства, регулирующего статус территорий традиционного природопользования и права коренных малочисленных народов на природные ресурсы. В статье предложены различные варианты совершенствования правового статуса территорий традиционного природопользования, предоставления коренным народам прав на соуправление этими территориями. Авторы также предлагают создать должность уполномоченного по правам коренных малочисленных народов при Президенте РФ и сформировать орган, специально уполномоченный на реализацию основ государственной политики на Крайнем Севере, Сибири и Дальнем Востоке.

Статья подготовлена на основе исследований, выполненных при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-13-24004 «Правовое регулирование государственного и муниципального устройства северных территорий Красноярского края (включая территории проживания коренных малочисленных народов Севера) в целях их устойчивого социально-экономического развития», а также при правовой поддержке справочно-правовой системы «Консультант-плюс».

**Территории традиционного
природопользования;
коренные малочисленные народы;**

**особенности организации
местного самоуправления
на территориях проживания
коренных народов;**

**КОНДРАШЕВ
Андрей Александрович**
заведующий кафедрой
конституционного,
административного
и муниципального права
Юридического института
Сибирского федерального
университета, доктор юридических
наук, профессор (г. Красноярск),
legis75@mail.ru.

**РОНЬЖИНА
Ольга Викторовна**
доцент кафедры конституционного,
административного и
муниципального права
Юридического института
Сибирского федерального
университета, кандидат
юридических наук (г. Красноярск)
ronzhinakarimova@mail.ru.

**право на землю и природные
ресурсы коренных народов;
общины коренных
малочисленных народов**

**Andrej A.
KONDRASHEV**
the head of the Constitutional,
Administrative and Municipal Law
Chair of the Legal Institute of
the Siberian Federal University,
the doctor of law, the professor
(Krasnoyarsk),
legis75@mail.ru.

**Olga V.
RON'ZHINA**
the assistant professor of the
Constitutional, Administrative
and Municipal Law Chair of the
Legal Institute of the Siberian
Federal University, RhD in law
(Krasnoyarsk),
ronzhinakarimova@mail.ru.

THE SPECIFICS OF THE LEGAL STATUS OF THE FAR NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST REGIONS AS PLACES OF RESIDENCE OF MINORITY INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN THE RUSSIAN FEDERATION: PRESENT AND FUTURE

The article examines the issues of improving the implementation of public authorities in the areas of residence of indigenous minority peoples of the North. The aim of the work is to form the doctrinal proposals for processing of a special public-law status of these areas in the norms of the Russian constitutional legislation. Based on the use of legalistic, historical and comparative legal methods of research the authors analyzed the regulations that reinforce the legal status specifics of residence areas of minority indigenous peoples of the North. The paper concludes that there are systemic shortcomings of the Russian legislation that regulates the status of areas of traditional resource use and the rights of indigenous peoples to natural resources.

The authors of the article offer various options for improving the legal status of the areas of traditional resource use and granting to indigenous peoples the rights to co-management of these areas. The authors also propose to establish the post of the Commissioner for the rights of indigenous peoples to the President of the Russian Federation and a state body that is specifically authorized to implement the basic principles of the national policy in the Far North, Siberia and the far East.

The article has been prepared on the basis of researches which are made with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research, the Government of the Krasnoyarsk Krai, the Krasnoyarsk regional science and technology support fund within the framework of the project № 17-13-24004 "Legal regulation of the state and municipal government of the northern areas of the Krasnoyarsk Krai (including the residence areas of the indigenous minority peoples) in order to facilitate their sustainable social-economic development", and with the legal assistance of reference legal system "Consultant plus".

**Area of traditional resource use;
indigenous minority peoples;**

**specifics of local self-government
organization in the residence areas
of indigenous peoples;**

**the right to land and natural
resources of indigenous peoples;
communities of indigenous minority
peoples**

УДК 340.132.2

В соответствии с Единым перечнем коренных малочисленных народов Российской Федерации [1] на территории страны проживают 47 малочисленных этносов, 40 из них согласно актам Правительства РФ причислены к народам, которые проживают на территориях Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока [2; 3]. Как известно, во времена существования Советского Союза одним из главных принципов охраны и защиты прав малых народов стала организация административной автономии в рамках РСФСР, когда в 1920–1930-х гг. на Севере были созданы вначале национальные, а впоследствии автономные округа [4, с. 174–177]. Дополнительным аспектом советской национальной политики стало вовлечение представителей коренных малочисленных народов в административно-управленческие структуры посредством так называемой политики «коренизации кадров» [5, с. 25.]

В начале 90-х, в годы поздней перестройки, согласно Закону СССР от 26.04.1990 «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» [6] республикам было дано право образовывать в местах компактного проживания национальных групп такие национальные административно-территориальные единицы, как национальные районы, национальные поселки и национальные сельсоветы. Эта практика успешно прижилась, и уже в России в середине 90-х в ряде субъектов РФ также создавались так называемые национальные районы со статусом административно-территориальных единиц (Баунтовский эвенкийский район в Бурятии, Жиганский (эвенкийский) национальный улус в Якутии, Эвено-Бытантайский национальный улус в Якутии и др.).

В настоящее время после процессов объединения субъектов РФ большая часть автономных округов прекратила свое существование (из десяти округов остались четыре), а национальные районы лишены каких-либо самостоятельных властно-распорядительных полномочий в тех или иных сферах жизнедеятельности (фактически стали обычными муниципальными районами), и возник вопрос: а должны ли быть законодательно определены особенности статуса северных территорий, где компактно расселены представители коренных малочисленных народов Севера? Также следует определить необходимость закрепления политических прав коренных народов на участие в принятии решений, касающихся развития территорий их проживания, приоритетных прав на распоряжение землей и природными ресурсами, почти не получивших легализации в российском законодательстве.

Как показывает анализ правоприменительной практики в различных субъектах Федерации, представители коренных народов в России, в отличие,

скажем, от США или Канады, получают доступ к природным ресурсам в основном на общих основаниях (охота, рыболовство и т. д.), несмотря на декларативные нормы Федерального закона от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [7]. Также, если мы обратимся к анализу положений Федерального закона от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (далее — Закон о территориях традиционного природопользования) [8], то увидим, что большая часть его статей носят декларативно-отсылочный характер, а некоторые даже напрямую не соответствуют действующему отраслевому законодательству [9, с. 67–68]. Право получить в безвозмездное пользование земельные участки в границах территорий традиционного природопользования ЗК [10] не предусмотрено, при этом это право не является вещным или правом собственности и в любой момент может быть прекращено по воле государства, без должной компенсации. В России традиционное природопользование в начале 2000-х гг. исторически рассматривалось как универсальное коллективное право, не требовало получения специальных разрешений (лицензий), не подвергалось какому-либо четкому нормированию со стороны государства. Действующее же отраслевое законодательство, хотя в целом и содержит общие положения о традиционном использовании природных ресурсов коренными малочисленными народами, тем не менее, требует получения специальных разрешений, лицензирования (в том числе на основе нормирования), причем в отношении каждого из видов природных ресурсов (выделение лесных участков или земель сельскохозяйственного назначения, предоставление охотничьих угодий или рыбопромысловых участков). Достаточно часто общины коренных народов получают лесные участки или участки под оленьи пастбища в аренду, при этом аренда по своей природе является платной, что не вписывается в концепцию традиционного природопользования» [11, с. 43–44].

Как абсолютно справедливо отмечается в литературе, «традиционный образ жизни и хозяйствование не дают возможности получить доходы, достаточные для приобретения земельных участков наравне с другими участниками торгов» [12, с. 89]. С другой стороны, промышленные компании — недропользователи, по мнению Н. П. Копцевой, уже давно используют значительные территории и проживания коренных народов, что приводит к выведению из оборота огромных территорий оленьих пастбищ, загрязнению рыбопромысловых рек, изменению маршрутов кочевания оленей, а, следовательно, конфликты между персоналом

горнодобывающих компаний и общинами коренных народов будут только нарастать [13, с. 32].

Проблемы административно-территориального и муниципального устройства на Крайнем Севере. Если для территорий субъектов РФ, находящихся в европейской части страны, совершенно справедливо ставится вопрос о выстраивании административно-территориального деления ее субъектов, а также муниципально-территориального устройства на основе единых и универсальных по содержанию принципов, то для территорий Крайнего Севера и Дальнего Востока, наоборот, совмещение территориальных сфер юрисдикции и органов публичной власти по универсальной схеме «субъект Федерации — муниципальное образование» образует серьезные, а зачастую непреодолимые организационные препятствия для реализации властно-публичных полномочий. Одной из наиболее распространенных проблем является повсеместно реализуемое по инициативе как федеральных, так и региональных властей «укрупнение» территорий, в рамках которых функционируют территориальные подразделения органов государственной власти на местах (налоговых органов, органов внутренних дел, военных комиссариатов, ЗАГСов, судов и др.). Причем это «укрупнение» производится без какого-либо учета фактора транспортной доступности предоставляемых услуг для населения, а также необходимой рационализации взаимодействия с ними органов местного самоуправления. Особенно драматично это происходит на севере, когда люди не могут получить заключение судебно-медицинской экспертизы, чтобы похоронить умершего или оформить необходимое разрешение на оружие, ведь для того, чтобы добраться до места нахождения этих органов, им нужно преодолеть от 800 до почти 1 000 км! (Речь идет, например, о ситуации, сложившейся в Таймырском (Долгано-Ненецком) муниципальном районе Красноярского края.)

Несмотря на развитие системы информационно-коммуникационных технологий и создание новых МФЦ, необходимые гарантии жителям северных территорий по обеспечению доступности правосудия реализованы на сегодняшний день не в полном объеме. Житель отдаленного района края, например поселка Диксон, имеет возможность ведения электронного документооборота с Красноярским краевым судом. Но возможность дистанционного ознакомления с материалами дела отсутствует, следовательно, вышеупомянутому жителю села Диксон необходимо будет прибыть в Красноярский краевой суд (2 021 км) либо ходатайствовать об ознакомлении с материалами дела в Дудинском районном суде (500 км), что также повлечет дополнительные временные и стоимостные затраты на пересылку материалов дела.

Полагаем, что система территориальных органов государственной власти в арктических территориях должна учитывать географо-климатические и транспортные особенности арктических территорий и быть максимально приближена к населению. Здесь потребуются правки в десятки законов и подзаконных актов РФ. Для этого, например, необходимо формировать выездные сессии районных и краевых судов, определять графики работ на выездах территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти (Росреестра, Роспотребнадзора и пр.) и в целом рассматривать возможность создания территориальных подразделений федеральных органов даже в относительно небольших населенных пунктах.

Конституционное правомочие субъектов РФ на определение своего административно-территориального устройства также приводит к организации территориальных органов государственной власти субъектов Федерации, по сути, дублирующих имеющиеся на этих территориях органы местного самоуправления. В некоторых субъектах РФ (где ранее существовали автономные округа) были образованы территориальные органы или специализированные министерства, которые де-факто дублируют функции муниципалитетов, созданных на территориях административно-территориальных единиц с особым статусом (например, администрация Усть-Ордынского Бурятского округа в Иркутской области). При этом федеральная власть просто отстранилась от определения основ статуса административно-территориальных единиц с особым статусом, несмотря на то, что в некоторых федеральных конституционных законах, регламентирующих образование новых субъектов, это прямо предписывалось органам федеральной власти.

Изменение правового статуса территорий традиционного природопользования. В качестве одной из дополнительных территориальных единиц можно закрепить в федеральном законодательстве территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов. В соответствии со ст. 1 Закона о территориях традиционного природопользования данные территории — это особо охраняемые территории, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренными малочисленными народами. В состав такой территории могут входить: поселения, в том числе поселения, имеющие временное значение и непостоянный состав населения, стационарные жилища, стойбища, стоянки оленеводов, охотников, рыболовов; участки земли и водного пространства, используемые для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни, в том числе олени пастбища, охотничьи и иные угодья, участки акваторий моря и др. (ст. 10 Закона о территориях традиционного природопользования).

Образование территорий традиционного природопользования не было реализовано во многих субъектах РФ, столкнувшись с явно лоббируемыми интересами нефте-, горнодобывающих и лесозаготовительных корпораций (например, в Красноярском крае). Проводимые по всему Северу полевые исследования показывают, что промышленное освоение не только не обеспечивает роста уровня и качества жизни коренных народов, но подчас приводит к ухудшению их положения [14, с. 5]. Образованные в ряде субъектов РФ территории традиционного природопользования не имеют каких-либо прав на реализацию задач публичного управления: на их территории не могут быть созданы муниципальные образования, они не являются административно-территориальными единицами, в рамках которых могут быть реализованы определенные государственные функции.

Указание места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в настоящее время сводится к элементарному наименованию муниципалитета или какой-либо административно-территориальной единицы, в пределах которой проживают коренные народы, что, на наш взгляд, не является правильным. Многие населенные пункты, где компактно проживают представители коренных народов, не имеют статуса административно-территориальных единиц (например, село Фарково, где традиционно проживают селькупы), поскольку входит в состав межселенной территории Туруханского района Красноярского края.

Несмотря на создание системы территорий традиционного природопользования в субъектах РФ уже к началу 2000-х гг., после принятия Закона о территориях традиционного природопользования в 2001 г. большинство региональных актов (на основе которых они были созданы) были отменены. Федеральное законодательство о территориях традиционного природопользования не закрепило земли за общинами коренных народов на каком-либо вещном праве, что в конечном итоге привело к правовому тупику [15, с. 90–98]. «В результате земли были предоставлены в аренду, проданы, а сейчас сложилась ситуация, которая преподносится как изначальная проблема, — отмечает А. А. Сирина, — что земли потенциальных территорий традиционного природопользования принадлежат разным субъектам природопользования, и мало того продолжается отчуждение земель — охотничьих, оленеводческих, рыболовных угодий под промышленные проекты» [16, с. 283].

Одним из наиболее значимых коллективных прав коренных народов является право безвозмездного пользования земельными участками в пределах территорий традиционного природопользования. Необходимо отметить, что ЗК [17] по факту уравнивает представителей коренных

малочисленных народов и их общин в правах на земельные участки с другими землепользователями. Следует также отметить, что в действующем земельном законодательстве право на приобретение в безвозмездное пользование земельных участков в границах территорий традиционного природопользования до сих пор не предусмотрено, что является, на наш взгляд, значимым недостатком в рамках защиты традиционных прав на землю малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Кроме того, в России не обеспечено должным образом право коренных малочисленных народов на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности. «Федеральное законодательство, — как верно свидетельствует М. Д. Сорокина, — не предусматривает действенного механизма для привлечения к ответственности юридических лиц, оказывающих антропогенное воздействие и причиняющих вред традиционным местам обитания коренных малочисленных народов» [18, с. 43–46].

Представляется необходимым совершенствование статуса территорий традиционного природопользования, а именно дополнение следующими гарантиями, позволяющими защитить права коренных малочисленных народов:

- обязательность создания территории традиционного природопользования в месте проживания коренного малочисленного народа;

- не только признание права коренного малочисленного народа на безвозмездное пользование всеми землями и иными природными ресурсами в границах такой территориальной единицы, но определение и закрепление на федеральном уровне (в ГК, ЗК, ВК, ЛК, Законе РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» [19]) права собственности или иных вещных прав на землю и владение природными ресурсами;

- ограничение предоставления прав на земельные участки и добычу полезных ископаемых без согласия общин коренных народов и заключения специальных соглашений с общинами;

- ограничение по видам и объему иной хозяйственной деятельности на данной территории и запрет ее в отдельных зонах, в том числе с учетом маршрутов кочевания оленя.

Такая защита прав коренных народов на земли исконного обитания, в первую очередь, от добывающих компаний предусмотрена в законодательстве зарубежных государств, имеющих в своем составе арктические территории.

Совершенствование муниципального управления на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера. Возможны два варианта модернизации системы муниципального

управления на территориях проживания коренных малочисленных народов.

Первый путь — это создание в северных территориях особых территориальных единиц (территорий традиционного самоуправления), в которых можно предусмотреть создание органов местного самоуправления на основе особого представительства коренных народов. И это возможно путем принятия специального федерального закона о традиционном самоуправлении коренных малочисленных народов, проживающих на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Ясно, что реализация данного варианта потребует радикальной реформы имеющейся модели местного самоуправления, необходимости переходного этапа реформы и, самое главное, повлечет возникновение серьезных рисков реализации (политических, финансовых, организационных, кадровых) при ее введении на Крайнем Севере, что вряд ли вызовет одобрение федеральной власти.

Другой путь — это выборочная правка законодательства о местном самоуправлении с целью постепенного введения отдельных особенностей организации местного самоуправления в северных территориях, где проживают коренные народы. Представляется рациональным способом идея обновления гл. 11 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [20], определяющей перечень территорий с особенностями организации местного самоуправления. Нужно дополнить перечень таких территорий особо охраняемыми территориями проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. К числу такого рода особенностей можно отнести:

- возможность передачи ряда государственных и муниципальных полномочий общинам коренных народов;

- закрепление вариативности отказа от двухуровневой модели местного самоуправления для северных территорий;

- возможность формирования органов местного самоуправления на основе квотирования мест для представителей коренных малочисленных народов в представительных и исполнительных органах местного самоуправления, а также предусмотреть возможность выдвижения кандидатов соответствующими общественными ассоциациями коренных народов. Например, в КНР Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей распределяет нормы представительства для национальных меньшинств по каждой провинции, автономному району и городу центрального подчинения. При этом особо малочисленные национальности также направляют в данную организацию по меньшей мере по одному депутату. Закон

предусматривает также, что в местах компактного проживания национальных меньшинств каждое из них должно иметь своих представителей в местных собраниях народных представителей [21, с. 332];

- создание представительных органов коренных народов на региональном и муниципальном уровнях с правами законосовещательных структур (например, с полномочиями предварительно рассматривать проект бюджета соответствующего субъекта РФ или муниципального образования, давать рекомендации о расходовании средств на социальную поддержку коренных малочисленных народов, проведение праздников коренных народов, поддержку коренных языков и т. д.) по образцу скандинавских стран (Норвегии, Швеции, Финляндии);

- создание особых, специализированных органов государственного управления (федерального или регионального подчинения) на территориях, где отсутствуют постоянные поселения.

На федеральном уровне необходимо закрепить повышающие коэффициенты и создать методику бюджетной обеспеченности северных (арктических) территорий для применения на региональном уровне в субъектах РФ, а также разработать и внедрить систему «арктических» трансфертов бюджетам соответствующих субъектов РФ.

Полагаем возможным и распространение положительного регионального опыта защиты прав коренных народов посредством учреждения специальной должности омбудсмена на федеральном уровне — уполномоченного по правам коренных малочисленных народов при Президенте РФ с наделением дополнительными юрисдикционными полномочиями. Например, с предоставлением последнему прав приостанавливать деятельность компаний, нарушающих природоохранное законодательство и наносящих ущерб среде обитания коренных народов, а также приостанавливать до рассмотрения в судебном порядке действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, ухудшающих положение коренных народов и нарушающих их гарантированные российским и международным законодательством права.

Еще одной важной проблемой, требующей решения на уровне принятия федерального закона, является отсутствие правового механизма, предусматривающего обязательность для недропользователей заключения соглашений с общинами коренных народов не только о компенсации вреда, причиняемого соответствующей территории, но и о перечислении коренным народам определенной доли от добычи соответствующих полезных ископаемых. При этом это должно быть обязанностью недропользователей, а не благотворительной помощью — как в настоящее время. Кроме того,

в таком законодательном акте нужно предусмотреть и общую методику расчета компенсационных сумм (а не рекомендацию — как в настоящее время). Более того, необходимо предусмотреть по образцу США (штата Аляска) формирование компенсационных фондов в субъектах Федерации, где ведется добыча нефти, газа, металлов и куда должна перечисляться часть прибыли соответствующих недропользователей и ежегодные выплаты всем коренным жителям.

Уже достаточно давно назрел вопрос о создании специализированного федерального государственного органа, ответственного не только за выработку и реализацию государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири

и Дальнего Востока Российской Федерации, но и наделенного конкретными юрисдикционными полномочиями. Так, в числе последних можно выделить такие полномочия, как: распределение федеральных средств, выделяемых для коренных малочисленных народов — от субсидий на голову оленя до выплат на издание учебников, рассмотрение споров между общинами коренных народов и компаниями-недропользователями в части исполнения ими соглашений с коренными народами, участие в разработке и подписании таких соглашений, обязательная экспертиза любых проектов промышленного освоения территорий, где проживают данные народы, ведение государственного реестра представителей коренных малочисленных народов Севера и т. д.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.
2. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 № 536-р «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 17 (Ч. 2). Ст. 1905.
3. Постановление Правительства РФ от 01.10.2015 № 1049 «Об утверждении перечня малочисленных народов Севера и перечня районов проживания малочисленных народов Севера в целях установления социальной пенсии по старости» // СЗ РФ. 2015. № 41 (Ч. 3). Ст. 5660.
4. Базарова В. В. О проблемах коренизации в национальных автономиях Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. // Власть. 2013. № 12.
5. Тэпс Д. Соотношение понятий национальных меньшинств и коренных малочисленных народов // История гос-ва и права. 2006. № 1.
6. ВСНД СССР и ВС СССР. 1990. № 19. Ст. 331.
7. СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.
8. СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.
9. Гарипов Р. Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод // Журнал рос. права. 2012. № 6.
10. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Рос. газ. 2001. 30 окт.
11. Григорьева М. В. Некоторые правовые проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 3 (3).
12. Филант К. Г. Об образовании территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 39 (81).
13. Копцева Н. П. Экспертная оценка экологической ситуации, характерной для коренных малочисленных народов Сибирской Арктики (на материале Красноярского края) // Экология человека. 2017. № 6.
14. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2012.
15. Кряжков В. А. Территории традиционного природопользования как форма реализации права коренных малочисленных народов на земли // «Мир коренных народов — Живая Арктика»: альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. 2009. № 22.
16. Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012.
17. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
18. Сорокина М. Д. Правовые аспекты защиты экологических прав коренных малочисленных народов // Современное право. 2015. № 11.
19. Рос. газ. 1995. 15 марта.
20. Рос. газ. 2003. 8 окт.
21. Иностранное конституционное право / под ред. В. В. Маклакова. М.: Юрист, 1996.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of March 24, 2000 № 255 "On the Unified List of Indigenous Minorities of the Russian Federation" // SZ RF. 2000. № 14. Art. 1493.
2. Order of the Government of the Russian Federation of April 17, 2006 № 536-p "On Approving the List of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation" // SZ RF. 2006. № 17 (P. 2). Art. 1905.
3. Decree of the Government of the Russian Federation of 01.10.2015 No. 1049 "On approval of the list of small peoples of the North and the list of areas of residence of small peoples of the North in order to establish a social old-age pension" // SZ RF. 2015. № 41 (P. 3). Art. 5660.
4. Bazarova V. V. On the problems of indigenization in the national autonomies of Eastern Siberia in the 1920–1930 // Power. 2013. № 12.
5. Teps D. The ratio of the concepts of national minorities and small indigenous peoples // History of state and law. 2006. № 1.
6. VSND USSR and VS USSR. 1990. № 19. Art. 331.
7. SZ RF. 1999. № 18. Art. 2208.
8. SZ RF. 2001. № 20. Art. 1972.
9. Garipov R. Sh. Indigenous peoples in Russia: guarantees of rights and freedoms // Russian law journal. 2012. № 6.
10. Land Code of the Russian Federation dated 10.25.2001 № 136-FZ // Russian newspaper. 2001. Oct. 30.
11. Grigorieva M. V. Some Legal Problems of Traditional Environmental Management of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East // Social and Economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2016. № 3 (3).
12. Philant K. G. On the education of the territories of traditional nature management of the small indigenous peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous District // Problems of modern science and education. 2016. № 39 (81).
13. Koptseva N. P. Expert Assessment of the Ecological Situation Characteristic of the Indigenous Minorities of the Siberian Arctic (on the Material of the Krasnoyarsk Territory) // Human Ecology. 2017. № 6.
14. North and Northerners. The current situation of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia. M., 2012.
15. Kryazkov V. A. Territories of traditional nature management as a form of realization of the right of small indigenous peoples to the lands // "The World of Indigenous Peoples – The Living Arctic" : the almanac of the Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East. 2009. № 22.
16. Sirina A. A. Evenki and Evens in the modern world: self-awareness, nature management, world outlook. M. : Eastern literature, 2012.
17. Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 № 136-FZ // SZ RF. 2001. № 44. Art. 4147.
18. Sorokina M. D. Legal Aspects of the Protection of the Environmental Rights of Indigenous Minorities // Contemporary Law. 2015. № 11.
19. Russian newspaper. 1995. March 15.
20. Russian newspaper. 2003. Oct. 8.
21. Foreign constitutional law / ed. V. V. Maklakov. M. : Yurist, 1996.

ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ ОТ 7 ИЮЛЯ 2017 Г.: ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ

Запрещение ядерного оружия на договорной основе является очень важной проблемой, несмотря на то, что в международных отношениях сложилась устойчивая общая практика государств отказываться от его применения, которая имеет или реально может иметь правовое значение. Несмотря на межгосударственные разногласия, представляется, что в силу своей актуальности положения Договора о запрещении ядерного оружия от 7 июля 2017 г. заслуживают формально-юридического анализа, содержащего некоторые предложения и замечания, в том числе в контексте международно-правовых норм о нераспространении ядерного оружия. Предметом анализа настоящей статьи явились международно-правовые нормы о нераспространении ядерного оружия. Достижение цели предполагается посредством использования таких общенаучных методов, как методы диалектики, системного анализа, формальной логики; специальных методов — формально-юридического и сравнительно-правового. Основное содержание статьи посвящено международно-правовому анализу Договора о запрещении ядерного оружия в свете международно-правовых норм о нераспространении, чем и обусловлена новизна исследования. Проведенный анализ позволил авторам прийти к выводу о том, что этот Договор не подрывает существующие основы ядерного нераспространения и разоружения. Более того, присоединение к данному Договору большинства государств и вступление его в силу укрепит и дополнит международно-правовые нормы о нераспространении ядерного оружия. При этом сохраняет свое действие положение обычного международного права, обязывающее государства не применять ядерное оружие. Оно не препятствует продвижению государств в направлении полного запрета ядерного оружия.

НУЦАЛХАНОВ

Гамзат Нуцалханович
доцент кафедры конституционного права Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук (г. Махачкала), gamzat940@mail.ru.

ИБРАГИМОВ

Ахмед Муслимович
доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Дагестан (г. Махачкала), ahmed63@yandex.ru.

**Договор;
запрещение;
ядерное оружие;
анализ;
международно-правовые нормы;
нераспространение**

Gamzat N. NUTSALKHANOV

the assistant professor of the Constitutional Law Chair of the North-Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, PhD in law (Makhachkala), gamzat940@mail.ru.

Ahmed M. IBRAHIMOV

the assistant professor of the Constitutional and International Law Chair of the Law Institute of Dagestan State University, PhD in Law, the assistant professor, honored lawyer of the Republic of Dagestan (Makhachkala), ahmed63@yandex.ru.

**Treaty;
prohibition;
nuclear weapons;
analysis;
international legal norms;
non-proliferation**

TREATY ON THE PROHIBITION OF NUCLEAR WEAPONS OF JULY 7, 2017: A FORMAL LEGAL ANALYSIS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS ON NON-PROLIFERATION

On the global agenda, the prohibition of nuclear weapons on a contractual basis remains an urgent issue, despite the fact that in international relations there is a stable common practice for the states to refuse to use it, which has or can really have legal significance: it has become customary to renounce nuclear weapons as a source of international law. Despite inter-state disagreements, it seems that, due to their significance, provisions of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons deserve a formal legal analysis containing some proposals and comments, specifically, in the context of international legal norms on non-proliferation of nuclear weapons. The subject of the analysis of this article has been international legal norms on non-proliferation of nuclear weapons. This article aims at conducting a formal legal analysis of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons on July 7, 2017, specifically, in the context of international legal norms on non-proliferation of nuclear weapons. The goal is achieved through the use of such general scientific methods as methods of dialectics, system analysis, formal logic; special methods — formal-legal and comparative-legal methods. The main content of the article is devoted to the international legal analysis of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons in the light of international legal norms on non-proliferation, which accounts for the novelty of the study. The analysis has allowed the authors to come to the conclusion that this Treaty does not undermine the existing basis for nuclear non-proliferation and disarmament. Moreover, joining this Treaty by the majority of states and its entry into force will strengthen and enhance international legal norms on non-proliferation of nuclear weapons. At the same time, the provision of customary international law obliging the states not to use nuclear weapons preserves its validity. It does not prevent advancement of states towards a complete ban on nuclear weapons.

Запрещение ядерного оружия на договорной основе на сегодняшний день является насущным вопросом. Впервые предложения по Договору о запрещении ядерного оружия от 7 июля 2017 г. [1] (далее — ДЗЯО) появились после обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия (далее — ДНЯО) в 2010 г., на которой пять официально признанных ядерных держав — США, Россия, Великобритания, Франция и Китай — отклонили призывы к началу переговоров по всеобъемлющей конвенции о ядерном оружии. Три крупные межправительственные конференции в 2013 и 2014 г. по гуманитарным последствиям применения ядерного оружия в Норвегии, Мексике и Австрии укрепили международную решимость объявить вне закона ядерное оружие [2]. По результатам конференции в Мексике в феврале 2014 г. был сделан вывод о том, что запрещение определенного типа оружия обычно предшествует и стимулирует его устранение [3, р. 20]. В 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН учредила рабочую группу с мандатом на конкретные и эффективные правовые меры, законодательные положения и нормы для достижения и поддержания мира, свободного от ядерного оружия [4]. В августе 2016 г. ООН приняла доклад, в котором рекомендовала провести переговоры в 2017 г. по «юридически обязывающему документу о запрещении ядерного оружия, ведущему к его полной ликвидации» [5]. В октябре 2016 г. первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН принял эту рекомендацию, приняв резолюцию, которая устанавливает мандат на переговоры о договоре о запрещении ядерных испытаний в 2017 г. (на голосовании о принятии резолюции 123 государства проголосовали за, 38 — против, 16 — воздержались). На втором подтверждающем голосовании 23 декабря 2016 г. 113 проголосовали за, 35 — против, 13 — воздержались. На основании результатов голосования Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию с переговорным мандатом договора и постановила созвать Конференцию ООН для согласования положений ДЗЯО. Первый раунд переговоров состоялся в Нью-Йорке с 27 по 31 марта, второй с 15 июня по 7 июля 2017 г. [6]. На первой конференции приняли участие 132 государства — члена ООН, на второй — 124 из 193 [7]. Всего было проведено 20 пленарных заседаний. На последнем из них 7 июля текст разработанного юридически обязывающего документа о запрете ядерного оружия был вынесен на голосование. Его поддержали 122 государства, Нидерланды проголосовали против и Сингапур воздержался. Многие государства не принимали никакого участия в работе Конференции (в том числе все девять стран «ядерного клуба»: США, Россия, КНР, Великобритания, Франция, Индия, Пакистан, КНДР, Израиль). 7 июля 2017 г. 122 государства — члена ООН проголосовали

за принятие ДЗЯО. В сентябре 2017 г. на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке он был открыт для подписания.

Активную позицию при его подготовке и подписании заняли такие страны, как Казахстан, Австрия, Ирландия, Мексика, ЮАР, Иран и Ватикан. Инициаторы ДЗЯО считали, что его принятие заставит ядерные государства внимательнее относиться к своим обязательствам в отношении разоружения. Неудивительно, что в выработке ДЗЯО не участвовали и вступать в него отказались все государства, обладающие ядерным оружием официально или неофициально, все члены НАТО, азиатские союзники США и все члены Организации Договора о коллективной безопасности 1992 г., кроме Казахстана. Во многом это связано с тем, что ядерное оружие является ключевым средством обеспечения безопасности его обладателей. В частности, Директор Департамента по вопросам нераспространения и разоружения МИД России М. И. Ульянов отмечал, что любая попытка «улучшить» ДНЯО может привести к его краху — слишком хрупкая это конструкция, слишком многоплановы противоречия между его государствами-участниками [8]. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров, выступая в Астане 17 марта 2018 г., заявил, что Россия не подпишет ДЗЯО, так как «осуществить полный запрет ядерного оружия в директивном порядке нереально» [9]. Тем не менее здесь следует подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство, которое имеет отношение к этому вопросу. Так, независимо от того, будет введен в действие ДЗЯО или нет, ядерное оружие международным гуманитарным правом отнесено к категории запрещенных средств ведения войны. Также в международных отношениях сложилась устойчивая общая практика государств отказываться от его применения, которая имеет или реально может иметь правовое значение. Другими словами, сложился обычай отказываться от ядерного оружия как источник международного права. Это, в основном, связано с тем, что применение такого оружия может нанести потенциальным жертвам излишние повреждения или причинить чрезмерные страдания [10, с. 150]. Стало быть, хотя и в известной мере, но запрет на ядерное оружие в современном международном праве существует. Он в первую очередь касается ядерных держав.

Однако, несмотря на упомянутые выше межгосударственные разногласия, представляется, что в силу своей актуальности положения ДЗЯО заслуживают формально-юридического анализа, содержащего некоторые предложения и замечания, в том числе в контексте международно-правовых норм о нераспространении ядерного оружия, что собственно и является целью написания данной работы. Для начала коснемся аспектов, составляющих общую характеристику ДЗЯО.

Как и всякое международное соглашение, он начинается с преамбулы, в которой выражена озабоченность по поводу катастрофических гуманитарных последствий любого применения ядерного оружия, отражена необходимость соблюдения норм международного гуманитарного права и международного права человека.

Согласно ст. 1 ДЗЯО каждое государство-участник обязуется никогда и ни при каких обстоятельствах:

- не разрабатывать, не испытывать, не производить, не изготавливать, не приобретать иным образом, не иметь во владении и не накапливать ядерное оружие и другие ядерные взрывные устройства;

- не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над ними ни прямо, ни косвенно;

- не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над ними ни прямо, ни косвенно;

- не применять ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и не угрожать их применением;

- не помогать, не поощрять и не побуждать никоим образом кого бы то ни было к осуществлению любой деятельности, запрещенной ДЗЯО;

- не добиваться и не принимать никоим образом какой-либо помощи от кого бы то ни было в осуществлении любой деятельности, запрещенной ДЗЯО;

- не допускать любое размещение, установку или развертывание любого ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств на своей территории или в любом месте, находящемся под его юрисдикцией или контролем.

В качестве пробела данной статьи ДЗЯО можно отметить отсутствие запрета на финансирование производства ядерного оружия. Данный запрет основывается на понимании того, что предоставление финансирования компаниям, участвующим в производстве ключевых компонентов ядерного оружия, представляет собой косвенную помощь в деятельности по разработке, производству, изготовлению ядерного оружия.

Статьи 2, 4 и 5 касаются обязательств государств, обладавших ядерным оружием в прошлом и уничтоживших их, и государств, которые все еще могут обладать ядерным оружием. Хотя в них излагаются конкретные меры для государств, которые уже уничтожили свои запасы ядерного оружия, данные статьи не предусматривают обязательств по уничтожению существующих запасов ядерного оружия, что возможно оформить дополнительным к ДЗЯО протоколом. Как представляется, для большей гармонизации с иными соглашениями о запрещении

ядерного оружия ДЗЯО должен предусматривать четкое и ясное обязательство по ликвидации любых запасов ядерного оружия проверяемым способом в определенные сроки. Считаем также, что ст. 5 ДЗЯО необходимо дополнить механизмом, посредством которого государства, обладающие ядерным оружием, могут присоединиться к ДЗЯО, принять обязательства по уничтожению ядерного оружия.

В анализируемых статьях не уточняется способ, посредством которого обладавшие ядерным оружием государства смогут подтвердить свой безъядерный статус. Кроме того, не предусмотрена процедура подтверждения того, что в военной стратегии государства отсутствует ядерная доктрина.

В преамбуле и в ст. 6 ДЗЯО содержатся положения, которые обеспечивают прочную основу для оказания помощи лицам, пострадавшим от применения или испытания ядерного оружия: выражается глубокая озабоченность по поводу катастрофических гуманитарных последствий, подтверждается неприемлемость страданий и вреда, которые могут быть причинены жертвам применения или испытания ядерного оружия. Так, каждое государство-участник в соответствии с применимыми нормами международного гуманитарного права и права прав человека оказывает помощь лицам под его юрисдикцией с учетом возрастного и гендерного факторов, без дискриминации, включая медицинскую помощь, реабилитационную и психологическую поддержку, а также обеспечивает социальную и экономическую интеграцию. Однако эти положения следует уточнить с тем, чтобы наилучшим образом служить интересам жертв использования ядерного оружия, отражать гуманитарные основополагающие начала ДЗЯО и выдерживать стандарты, установленные международным правом прав человека. Более того, считаем, что обязательство оказывать помощь и поддержку жертвам применения или испытания ядерного оружия должно применяться ко всем государствам, а не только к участникам ДЗЯО. Это согласуется с ответственными обязательствами государств в области прав человека.

Помимо этого, полагаем, что государства, которые нуждаются в помощи для оказания поддержки находящимся под их юрисдикцией жертвам применения или испытания ядерного оружия, должны обладать правом потребовать такую помощь с корреспондирующей обязанностью государств оказать ее. В ДЗЯО следовало бы также установить принципы оказания помощи пострадавшим, указать способы ее предоставления, отразить необходимость осуществления международного контроля деятельности по оказанию соответствующей помощи и поддержки. Для обеспечения ясности в отношении реализации данной нормы было бы целесообразно включить в текст ДЗЯО определение

того, кто считается жертвой применения или испытания ядерного оружия.

В ч. 2 ст. 6 ДЗЯО отмечено, что каждое государство-участник в отношении находящихся под его юрисдикцией или контролем районов, загрязненных в результате деятельности, связанной с испытанием или применением ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, принимает необходимые и соответствующие меры для восстановления окружающей среды загрязненных таким образом районов. В дополнение данной нормы, как нам представляется, в ДЗЯО должны быть закреплены принципы рекультивации, способы ее осуществления, положение об ответственности государств за непринятие мер по восстановлению водных и земельных ресурсов, положение о защите населения от связанных с восстановлением окружающей среды мероприятий.

Статья 8 ДЗЯО посвящена совещанию государств-участников. В соответствии с ней государства-участники регулярно собираются, где это необходимо, для рассмотрения и решения любых вопросов, связанных с применением или осуществлением Договора, дальнейших мер по ядерному разоружению, включая вопросы, касающиеся осуществления и состояния Договора, мер для проверяемой и необратимой ликвидации программ ядерного оружия в установленные сроки.

Первое совещание государств-участников созывается Генеральным секретарем ООН в течение одного года после вступления ДЗЯО в силу. Последующие совещания созываются на двухгодичной основе. Внеочередные совещания созываются, когда это может быть сочтено необходимым, Генеральным секретарем ООН по письменной просьбе любого государства-участника при условии, что эту просьбу поддерживает, по меньшей мере, одна треть государств-участников данного Договора.

По прошествии пяти лет после вступления ДЗЯО в силу, а в последующем каждые шесть лет Генеральный секретарь ООН созывает обзорные конференции для рассмотрения действия Договора и прогресса в достижении его целей. Государства, которые не являются участниками ДЗЯО, структуры системы ООН, другие международные организации или учреждения, региональные организации, соответствующие неправительственные организации в качестве наблюдателей приглашаются на совещания государств-участников и обзорные конференции.

Признавая преимущества и практическую значимость данных положений, в целях обеспечения большей эффективности в реализации ДЗЯО считаем необходимым проведение ежегодных совещаний государств-участников с целью регулярного обсуждения вопросов его соблюдения. В завершение перечня своих предложений считаем необходимым создать договорный орган для оказания содействия

в реализации положений этого Договора, организации совещания государств-участников, обеспечения процесса ратификации ДЗЯО, разработки механизма проверки и обеспечения его соблюдения, просвещения общественности о нем.

Что касается денонсации ДЗЯО, в соответствии со ст. 17 каждое государство-участник в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если решит, что связанные с содержанием Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы страны. Выход вступает в силу по истечении 12 месяцев после получения депозитарием соответствующего уведомления. Однако если по истечении двенадцатимесячного периода выходящее государство является стороной вооруженного конфликта, это государство продолжает быть связанным обязательствами по ДЗЯО до тех пор, пока оно не перестанет быть стороной вооруженного конфликта. Последствия применения ядерного оружия настолько значительны, что выход из ДЗЯО, как нам это представляется, должен быть одобрен Советом Безопасности ООН и хотя бы относительным большинством государств-участников ДЗЯО как содержащий в себе угрозу международному миру и безопасности.

Наиболее значимым символом режима нераспространения является ДНЯО. На сегодняшний день ДНЯО — самое крупное соглашение, к которому присоединились 189 государств, включая пять государств, официально обладающих ядерным оружием. Нормы ДНЯО заложили прочный правовой фундамент всего международного режима нераспространения ядерного оружия. При последовательном и полном его соблюдении этот Договор закрывает возможные пути распространения ядерного оружия и обеспечивает необходимый международный контроль соблюдения государствами принятых на себя обязательств [11, с. 110]. Анализ содержания ДНЯО посвящено множество публикаций отечественных [12] и зарубежных авторов. Не вдаваясь в их содержание, отметим, что положения ДЗЯО перекликаются с обязательствами неядерных государств — участников ДНЯО не разрабатывать, не производить, не накапливать, не осуществлять исследований в области ядерных военных технологий. Параллели также можно провести и в вопросе получения помощи при осуществлении запрещенной деятельности: и ДЗЯО и ДНЯО запрещают получать и оказывать помощь при осуществлении такого рода деятельности.

Различия ДЗЯО и ДНЯО состоят в следующем: во-первых, в соответствии с ДНЯО не запрещено развертывание на территории стран-участников иностранного ядерного оружия, остающегося под контролем одной из ядерных держав, а ДЗЯО, как было отмечено выше, не допускает любое раз-

мещение, установку или развертывание любого ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств на территории государств-участников или в любом месте, находящемся под их юрисдикцией или контролем; во-вторых, ДНЯО возлагает на государства-участников обязанность способствовать самому полному обмену оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании ядерной энергии в мирных целях, что не предусмотрено в ДЗЯО.

Другим, не менее важным, документом в области нераспространения ядерного оружия является Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Не прибегая к подробной его характеристике, отметим, что ДЗЯО и ДВЗЯИ имеют непосредственную связь, поскольку направлены на предотвращение распространения ядерного оружия и снижение опасности несанкционированного использования ядерных взрывных устройств, дополняют друг друга обязательствами по запрещению ядерных испытаний.

Таким образом, ДЗЯО не подрывает существующие основы ядерного нераспространения и разоружения, а подтверждает большое значение вышеозначенной обычной нормы международного права. Более того, присоединение к данному Договору большинства государств и вступление его в силу укрепит и дополнит международно-правовые нормы о нераспространении ядерного оружия. К тому же одним из важных аспектов ДЗЯО может стать предоставление гарантий безопасности государствам-участникам зон, свободных от ядерного оружия.

Подытоживая проведенный здесь нами комплексный анализ, содержащий некоторые авторские предложения и замечания, можно сделать вывод о том, что ДЗЯО и международно-правовые нормы о нераспространении ядерного оружия имеют как общие, так и различные характеристики, но в целом они дополняют друг друга и укрепляют международно-правовой режим ядерного нераспространения.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о запрещении ядерного оружия // ICAN : сайт. URL: <http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2017/07/TPNW-Russian1.pdf> (дата обращения: 13.03.2018).
2. Достижение критической воли, «Гуманитарное воздействие ядерного оружия» Международная лига женщин за мир и свободу, 10 Июля 2017 // *Reaching Critical Will* : сайт. URL: <http://www.reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/hinw> (дата обращения: 26.11.2018).
3. Wright T. "Nayarit — a point of no return", ICAN April 2014.
4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/33, принятая 7 декабря 2015 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/33> (дата обращения: 19.03.2018).
5. Majority of UN members declare intention to negotiate ban on nuclear weapons in 2017, ICAN media release, 19 August 2016 // ICAN : сайт. URL: <http://www.icanw.org/campaign-news/majority-of-un-members-declare-intention-to-negotiate-ban-on-nuclear-weapons-in-2017/> (дата обращения: 19.03.2018).
6. Taking forward multilateral nuclear disarmament negotiations. 2016. 14 October // ICAN : сайт. URL: <http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2016/11/L41.pdf> (дата обращения: 14.03.2018).
7. United Nations Conference to Negotiate a Legally Binding Instrument to Prohibit Nuclear Weapons, Leading Towards their Total Elimination // UNODA : сайт. URL: <http://www.un.org/disarmament/publications/library/ptnw/> (дата обращения: 19.03.2018).
8. Баклицкий А. Безопасный договор: как в ООН пытаются запретить ядерное оружие // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/10/07/2017/596331a09a7947283d8458d5> (дата обращения: 13.03.2018).
9. Бедняков П. Лавров: РФ не будет подписывать договор о запрещении ядерного оружия // Известия. 2018. 17 марта.
10. Калугин В. Ю. Курс международного гуманитарного права. Минск : Тесей, 2006.
11. Бояркина Д. А. Правовая база и современные проблемы международного режима нераспространения ядерного оружия // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1.
12. Ибрагимов А. М., Нуцалханов Г. Н. К истории создания безъядерной зоны в Центральной Азии: характер международного сотрудничества в свете ее учреждения // Московский журнал международного права. 2012. № 1.

References

1. Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // ICAN : site. URL: <http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2017/07/TPNW-Northern1.pdf> (date of the application: March 13, 2018).
2. Achieving vital will, "Humanitarian impact of nuclear weapons" International Women's League for Peace and Freedom, 10 July, 2017 // *Reaching Critical Will* : site. URL: <http://www.reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/hinw> (date of the application: 26.11.2018).

3. Wright T. "Nayarit – a point of no return", ICAN April 2014.
4. UN General Assembly Resolution 70/33 adopted on December 7, 2015. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/33> (date of the application: 19.03.2018).
5. Majority of UN members declare intention to negotiate ban on nuclear weapons in 2017», ICAN media release, 19 August 2016 // ICAN : site. URL: <http://www.icanw.org/campaign-news/majority-of-un-members-declare-intention-to-negotiate-ban-on-nuclear-weapons-in-2017> (date of the application: March 19, 2018).
6. Taking forward multilateral nuclear disarmament negotiations: PDF. 2016. 14 October // ICAN : site. URL: <http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2016/11/L41.pdf> (date of the application: March 14, 2018).
7. United Nations Conference to Negotiate a Legally Binding Instrument to Prohibit Nuclear Weapons, Leading Towards of Their Total Elimination // UNODA : site. URL: <http://www.un.org/disarmament/publications/library/ptnw/> (date of the application: March 19, 2018).
8. Baklitsky A. Safe treaty: how the UN tries to ban nuclear weapons // RBC : site. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/10/07/2017/596331a09a7947283d8458d5> (date of the application: March 13, 2018).
9. Bedniakov P. Lavrov: The RF will not sign the agreement on the ban of nuclear weapons // Izvestia. March 17, 2018.
10. Kalugin V. U. The course of International Humanitarian Law. Minsk : Theseus, 2006.
11. Boyarkina D. A. The legal basis and modern problems of the international regime of non-proliferation of nuclear weapons // Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East. 2012. № 1.
12. Ibragimov A. M., Nutsalkhanov G. N. On the history of creation of a nuclear-weapon-free zone in Central Asia: the nature of international cooperation in the light of its establishment // The Moscow Journal of International Law. 2012. № 1.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одним из приоритетов государственной политики последних лет является всемерная забота о гражданах России, особенно молодого поколения. Актуальным данное исследование является потому, что нельзя успешно решать вопросы борьбы с преступлениями несовершеннолетних, игнорируя ту социальную среду, в которой происходит формирование личности, и те преступные элементы, которые прямо или косвенно влияют на общее состояние преступности несовершеннолетних. Оно зависит от правовой защищенности подрастающего поколения, поэтому целесообразно комплексно исследовать преступления, совершаемые несовершеннолетними, и преступления против несовершеннолетних.

Предметом исследования являются государственная политика в сфере виктимологических аспектов преступности несовершеннолетних, а также региональная практика субъектов по профилактике преступлений против несовершеннолетних. Цель настоящего исследования состоит в обозначении и раскрытии теоретических и прикладных проблем преступлений против несовершеннолетних; социально-криминологический анализ современного состояния преступлений против несовершеннолетних в Российской Федерации с акцентом на Республику Дагестан. При рассмотрении теоретических и прикладных проблем преступлений против несовершеннолетних автор руководствовался положениями общенаучного диалектического метода познания. Активно использовались методы криминологии, социологии, социальной педагогики, социальной психологии и статистики, такие общенаучные методы, как структурно-функциональный, логический, исторический, сравнительный и др.

Объем и содержание поставленных и разрешенных автором задач позволяют считать данное исследование новым, имеющим самостоятельную значимость научным направлением, носящим, с учетом складывающейся в стране ситуации с преступлениями против несовершеннолетних, актуально прикладной и прогностический характер. Исследование обогащает теоретический потенциал криминологических знаний о девиантном и делинквентном поведении лиц, совершивших преступления против несовершеннолетних, а его результаты непосредственно направлены на совершенствование форм и методов профилактики преступлений против несовершеннолетних.

ХАНОВА

Заира Реймановна

доцент кафедры гражданского права Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук (г. Махачкала), zairka83@mail.ru.

**Преступление;
несовершеннолетний;
право;
семья;
общество;
наказание;
жертва;
личность;
уголовное право;
криминология;
виктимология;
профилактика**

**Zaira R.
KHANOVA**

the assistant professor of the Civil Law Chair of the North-Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, PhD in law (Makhachkala), zairka83@mail.ru.

**Crime;
juvenile;
law;
family;
society;
punishment;
the victim;
the person;
criminal law;
criminology;
victimology;
prevention**

VICTIMOLOGICAL ASPECTS OF JUVENILE DELINQUENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION

One of the state policy priorities in recent years has been utmost care for retention and preservation of the Russians especially that of the younger generation. This research is topical because it is impossible to successfully solve the problem of combating juvenile delinquency while ignoring the social environment in which personality formation takes place and those criminal elements that directly or indirectly influence the overall state of juvenile delinquency. It depends on legal protection of the younger generation, so it is worthwhile to comprehensively investigate crimes committed by the minors and crimes against the minors.

The subject of the study is the state policy in the field of victimological aspects of juvenile delinquency as well as regional practice of the subjects on crime prevention against the minors. The purpose of this study is to identify and disclose theoretical and application-oriented problems of crimes against minors; social and criminological analysis of the current state of crimes against the minors in the Russian Federation with an emphasis on the Republic of Dagestan, its causative aggregate. When examining theoretical and application-oriented problems of crimes against the minors, the author has been guided by provisions of the general scientific dialectical method of cognition. Methods of criminology, sociology, social pedagogy, social psychology and statistics as well as such general scientific methods as structural and functional, logical, historical, comparative, etc. have been dynamically used.

The scope and content of the problems posed and solved by the author make it possible to consider this study as a new, self-determining scientific direction of timely application-oriented and prognostic character, taking into account the situation in the country with crimes against the minors. The study enriches theoretical potential of criminological knowledge on deviant and delinquent behavior of persons who committed crimes against the minors, and its results are directly aimed at improving the forms and methods of preventing crimes against the minors.

Общая характеристика личности преступника, совершившего преступление против нормального развития несовершеннолетних, является одним из факторов личностной виктимности. Здесь, на наш взгляд, необходимо учитывать те данные, которые характеризуют отношение (именно положительное отношение) несовершеннолетнего к совершению правонарушений, а также потребление спиртных напитков и наркотических средств.

Помимо личностной виктимности, большую роль в детерминации несовершеннолетнего потерпевшего играют и факторы ситуативной виктимности, зависящей от степени конфликтности ситуации, особенностей места и времени, в которых эта ситуация развивается, а также от поведения самого несовершеннолетнего потерпевшего.

Общеизвестно, что несовершеннолетним присущи психологические особенности, свойственные детскому и подростковому возрасту, а именно: жажда приключений, любопытство, внушаемость, доверчивость, неумение приспосабливаться к конкретным условиям жизни, беспощадность в конфликтных жизненных ситуациях, порой физическая слабость, в силу чего указанная возрастная группа лиц (несовершеннолетних) становится особенно доступной для вовлечения в совершение антиобщественных действий. Поэтому несовершеннолетний в ряде случаев эксплуатируется взрослым преступником, действует под влиянием подавляющих его волю насилия и угроз. В процессе вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность наряду с фактом совершения преступления приобретают значение эмоции, направленные на его психику, неокрепший интеллект, нарушающие их нормальное функционирование. Такое вовлечение таит в себе повышенную общественную опасность, поскольку вовлекатель, эмоционально вторгаясь в процесс моральной саморегуляции несовершеннолетнего, своим поведением оказывает давление на несовершеннолетнего [1, с. 304]. В этом плане необходимо обратить внимание на виктимологический аспект преступности несовершеннолетних. Как отмечает А. И. Долгова, виктимологические (связанные с анализом поведения личности потерпевшего) характеристики преступности несовершеннолетних представляются необходимым компонентом, без которого не могут быть достаточно полно познаны ни социально-психологические причины преступности, ни основные тенденции ее структуры и динамики [2, с. 368]. В то же время следует согласиться с мнением Д. М. Галушко [3, с. 16–17] о том, что виктимизации несовершеннолетних в большей степени способствуют все же не личностные психологические особенности детей, связанные с их возрастом и развитием, или их поведение, а такие факторы, как неблагоприятное микросоциальное

окружение, в котором они жили и воспитывались, отсутствие должного внимания и присмотра со стороны родителей. Социально-психологические и биофизиологические особенности личности несовершеннолетних используются преступником для осуществления своего умысла на совершение преступления, способствуют преступному посягательству и облегчают его совершение.

Поэтому заслуживает особого внимания установление специфических особенностей проявления повышенной виктимности несовершеннолетних в результате посягательств на их нормальное развитие, особенно таких, как вовлечение их в преступную деятельность, пьянство, занятие попрошайничеством, проституцией. В таком случае несовершеннолетний преступник, как справедливо отмечает В. Е. Эминов [4, с. 112], одновременно выступает и в качестве жертвы (потерпевшего) преступления. Он становится жертвой по той причине, что под воздействием взрослых получает антиобщественную установку, т. е. в нравственном смысле становится калекой. Также он жертва потому, что при совершении преступления, как правило, выполняет наиболее опасные действия, тем самым подвергая себя по воле взрослого повышенному риску. Не будет преувеличением сказать, что несовершеннолетний в ряде случаев эксплуатируется взрослым преступником, действует под влиянием подавляющих его волю насилия и угроз.

Повышенная виктимность несовершеннолетних определяется социально-психологической атмосферой в семье и положением, которое подросток занимает в ней. Именно в семье у несовершеннолетнего весьма часто формируется повышенная виктимность в результате отрицательного воздействия взрослых на его психику, что, в конечном счете, приводит к выработке у него антисоциальной установки личности. Анализ уголовных дел показал, что 46 % несовершеннолетних испытали на себе жестокое обращение, побои и истязания со стороны указанных лиц и 28 % несовершеннолетних пострадали от всевозможных «родственных» ненасильственных сексуальных посягательств. Они чаще становятся жертвами посягательств со стороны сожителя одного из родителей, мачехи, отчима и других родственников [5, с. 82].

Виктимологические аспекты преступности несовершеннолетних заключаются и в учете условий, способствовавших совершению преступления. Изучение дел об убийствах, совершенных несовершеннолетними, свидетельствует о том, что именно по данной категории дел преступлению предшествовали длительные конфликтные отношения между будущей жертвой (чаще всего это отцы или отчима, а также другие взрослые родственники; иные лица по месту жительства несовершеннолетнего) и осужденным. Жертвами по делам об убийстве

и изнасиловании знакомые становились в полтора раза чаще, чем у взрослых.

По данным нашего исследования, у значительной части несовершеннолетних лиц, ставших жертвами семейно-бытовых насильственных преступлений, имеются устойчивые отклонения в эмоционально-волевой, ценностно-нормативной и психологической сферах личности. Опрос преступников и изучение материалов уголовных дел показали, что для рассматриваемых потерпевших свойственны следующие отрицательные черты характера: вспыльчивость, неуравновешенность (27 %), несдержанность (26 %), повышенная раздражительность (24 %), высокий уровень агрессии (24 %), грубость (21 %), вредность (19 %), эгоизм (18 %), лживость (16 %), обостренное чувство собственного превосходства над окружающими, высокомерие (13 %), черствость (12 %), злопамятность (12 %), хитрость (11 %), жестокость (10 %), циничность (9 %), мстительность (9 %).

Отрицательные свойства личности способствуют развитию негативных взглядов и привычек, что, в свою очередь, усугубляет неблагоприятные манеры поведения человека, снижает его самокритичность и притупляет самоконтроль. Носитель отрицательных личностных качеств вероятнее других людей, психологическая структура которых неотягощена подобными свойствами, может допустить неосторожные, а подчас и явно провокационные действия, которые способны в определенных условиях вызвать ответную, далеко не всегда безупречную реакцию окружающих [6, с. 112].

По данным нашего исследования, в момент совершения преступления в семье 12 % потерпевших несовершеннолетнего возраста имели определенный опыт асоциального поведения и были известны ОВД в качестве правонарушителей. В ходе анализа многих уголовных дел установлено, что отдельные совершеннолетние лица, без определенного рода занятий, вели длительное время сомнительный образ жизни.

По данным нашего исследования, 34 % воспитывались в неполных семьях, чаще всего одной матерью. При этом внутрисемейная обстановка характеризовалась пьянством родителей (в основном отца) и использованием непедагогических методов воспитания. Нездоровая нравственно-психологическая обстановка в микросоциальном окружении явилась одним из ведущих факторов, определяющих личностную направленность несовершеннолетнего.

Большинство вовлекаемых зашло в тупик в личностном развитии, который сопровождался невозможностью адаптации их в коллективе сверстников, имеющих правильную с точки зрения общества ориентацию развития.

Психологическую характеристику вовлекаемого можно свести к следующему: отсутствие готовности противостоять аморальным проявлениям, наличие готовности к совершению антиобщественных действий, несформированность механизмов внутренней самозащиты. Плюс к этому вовлекаемым лицам присущи психологические особенности, свойственные детскому и подростковому возрасту, а именно: жажда приключений, любопытство, внушаемость, доверчивость, неумение приспосабливаться к конкретным условиям жизни, беспощадность в конфликтных жизненных ситуациях, порой физическая слабость, в силу чего указанная возрастная группа лиц становится повышено доступной для вовлечения в совершение правонарушений.

Криминогенные свойства личности несовершеннолетних правонарушителей, вовлеченных в преступную или иную антиобщественную деятельность, характеризуются определенной неустойчивостью. Это находит свое отражение и в характере, и в последствиях совершаемых преступлений вместе со взрослыми. Однако в целом социальном-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые признаки личности несовершеннолетнего, вовлеченного в преступную или иную антиобщественную деятельность, находятся в определенной взаимосвязи; их установление имеет принципиальное значение для повышения эффективности предупреждения подобного рода негативных проявлений.

В заключение следует отметить, что положение возможной жертвы, ее образ жизни, «особенности поведения в совокупности с формами и степенью взаимосвязей с потенциальным правонарушителем могут способствовать зарождению в сознании последнего преступного замысла, стимулировать его антиобщественную установку, определять способ и средства совершения преступления» [7, с. 208]. Поэтому для своевременного и эффективного проведения предупредительной деятельности в указанном направлении следует познать не только личности тех, кто совершает преступление против несовершеннолетних, но и личности тех, кто страдает от него.

Пристатейный библиографический список

1. Козаченко И. Я., Корсаков К. В. Криминология : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014.
2. Долгова А. И. Криминология. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016.
3. Галушко Д. М. Ювенальная виктимология: криминологические и социально-психологические проблемы. М., 2003.

4. Эминов В. Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ : монография / М. : Норма : ИНФРА-М, 2015.
5. Зиядова Д. З. Преступность среди учащихся общеобразовательных школ и проблемы ее предупреждения: региональный аспект. Махачкала, 2004.
6. Овчинский А. С., Чеботарева С. О. Матрица преступности : монография / под науч. ред. В. С. Овчинского. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015.
7. Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Преступность в истории человечества : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015.

References

1. Kozachenko I. Ya., Korsakov K. V. *Criminology : a textbook*. M. : Norma : INFRA-M, 2014.
2. Dolgova A. I. *Criminology*. 4 th ed., updated and reviewed. M. : Norma : INFRA-M, 2016.
3. Galushko D. M. *Juvenile victimology: criminological and socio-psychological problems*. M., 2003.
4. Eminov V. E. *Causes of crime in Russia: criminological and socio-psychological analysis : monograph*. M. : Norma : INFRA-M, 2015.
5. Ziyadova D. Z. *Criminality among students of general education schools and problems of its prevention: regional aspect*. Makhachkala, 2004.
6. Ovchinsky A. S., Chebotareva S. O. *Matrix of Crime : monograph / scientific*. Ed. V. S. Ovchinsky. M. : Norma : INFRA-M, 2015.
7. Antonyan U. M., Zvizzhova O. U. *Crime in the history of mankind : monograph*. M. : Norma : INFRA-M., 2015.

ПЕРЕРЫВЫ В ТЕЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ФРГ

ЧУЛКОВА

Екатерина Александровна
аспирант Образовательного
учреждения профсоюзов высшего
образования «Академия труда
и социальных отношений»
(г. Москва),
ekaterina.gneusheva@rambler.ru.

В статье рассматривается правовое регулирование перерывов в работе по законодательству ФРГ и России. Актуальность избранной темы состоит в необходимости проанализировать законодательство ФРГ, регулирующее перерывы в течение рабочего дня, для возможного использования нашей страны положительного опыта ФРГ в правовом регулировании указанной области отношений. Предметом исследования выступают нормы трудового законодательства РФ и ФРГ, регулирующие перерывы в течение рабочего дня. Целью работы является комплексное изучение правового регулирования перерывов в работе в названных странах, сравнение правовых норм РФ и ФРГ, осмысление проблем и особенностей отношений работника и работодателя в данной сфере. Методологию проведенного исследования составляют общенаучный диалектический метод познания объективной действительности, сравнительно-правовой, логико-юридический методы, а также наблюдение, анализ, обобщение и некоторые другие. Что касается содержания статьи, то можно отметить, что автором выделяется несколько критериев, по которым приводится классификация перерывов в трудовом праве ФРГ. Проведен анализ основополагающих нормативных актов ФРГ, регламентирующих вопросы предоставления перерывов в работе. Рассмотрено соотношение положений российского и немецкого законодательства в указанной области; изучен вопрос отнесения перерывов в работе ко времени отдыха, а также случаи включения их в рабочее время — что подчеркивает новизну статьи. Обращено внимание на дискуссионные и наиболее проблемные моменты в указанной теме, приведены основные точки зрения, как российских специалистов, так и немецких ученых. Более детально в статье исследуются вопросы предоставления работникам перерывов для отдыха и питания (обеденных перерывов) в РФ и ФРГ. По итогам статьи автором делается вывод о том, что, как в немецком, так и в российском трудовом законодательстве перерывы в работе являются одним из самых сложных видов отдыха, наиболее тесно связанным с рабочим временем.

**Время отдыха;
перерывы в работе;**

**перерывы для отдыха и питания;
рабочее время;**

**классификация перерывов в работе;
право на отдых**

**Ekaterina A.
CHULKOVA**

the post-graduate of the Educational
Institution of the Trade Unions of
Higher Education "Academy of Labor
and Social Relations" (Moscow),
ekaterina.gneusheva@rambler.ru.

BREAKS DURING WORKING HOURS ACCORDING TO THE LEGISLATION OF RUSSIA AND GERMANY

The article considers the legal regulation of the breaks during the working hours according to the legislation of Germany and Russia. The relevance of the chosen topic demonstrates the necessity to analyze the legislation of Germany which regulates the breaks during working hours for the possible use of the German positive experience in the legal regulation of the mentioned area of relations. The subjects of the research are the norms of labor legislation of the Russian Federation and Germany which regulate the breaks during working hours. The purpose of the work is a comprehensive study of the legal regulation of breaks during working hours in the mentioned countries, the comparison of legal norms of the Russian Federation and Germany, the comprehension of problems and peculiarities of the relationship between the employee and the employer in this area. The methodology of the research consists of the general scientific dialectical method of cognition of objective reality, comparative legal, logical and legal methods, as well as observation, analysis, generalization and some others. Concerning the content of the article, it can be noticed that the author highlights several criteria by which he gives the classification of the breaks in the labor law of Germany. The article demonstrates the analysis of the fundamental normative acts of Germany which regulate the issues of provision with the breaks during working hours. It also considers the correlation between the provisions of the Russian and German legislation in this area and explores the issue of attribution of the breaks during working hours to the resting time as well as cases of their inclusion in the working hours — what emphasizes the novelty of the article. The author pays attention to the controversial and most problematic points in the mentioned topic, the article performs the main points of view of both Russian experts and German scientists. The article examines more detailed the issues of providing the employees with breaks for rest and meals (lunch breaks) in Russia and Germany. According to the results of the article, the author concludes that the breaks during working hours in both German and Russian labor legislation are one of the most difficult types of rest, most closely related to the working hours.

**Resting time;
breaks during working hours;**

**breaks for rest and meals;
working hours;**

**classification of the breaks during
working hours;
the right to the rest**

Одним из самых сложных видов времени отдыха, с точки зрения немецкого трудового права, являются перерывы в работе. Это связано с тем, что в теории перерывы в работе включаются как в рабочее время, так и рассматриваются как отдельный вид времени отдыха [1, с. 909]. В связи с этим вопросы организации и регулирования перерывов в работе (как и в отношении других основных видов времени отдыха) исследуются в немецком праве не только правоведами, но и экономистами, а также специалистами в области охраны труда.

Правовые нормы законодательства, тарифных и коллективных договоров, устанавливающие перерывы в течение рабочего дня, направлены на выполнение как бы двойных функций. Во-первых, с их помощью не допускается непрерывность общего времени выполнения трудовой функции, тем самым обеспечивается охрана здоровья работников и продолжительность работоспособного периода. Во-вторых, перерывы позволяют решать как производственные вопросы, которые, как правило, учитываются при установлении норм труда, так и личные вопросы, которые необходимы для эффективной организации трудового процесса.

Отдельные немецкие экономисты (Д. Садовски, У. Валвей) утверждают, что применение перерывов в работе непосредственно увязывается с целью обеспечения роста производительности труда, поскольку временный отдых в течение дня позволяет восстановить силы работнику и тем самым способствует качественному и результативному выполнению работы на протяжении всего рабочего дня [2, с. 45–46]. Отношение к перерывам в работе, с точки зрения трудового права, как к необходимому периоду в течение рабочего дня преобладает в настоящее время в науке и практике Германии. Это подтверждается также положениями Директив ЕС, регламентирующими перерывы в работе, и внесенными на их основе изменениями в трудовое законодательство ФРГ.

К сожалению, понятие «перерыв в работе» (*Ruhepause*) практически не раскрывается в немецком трудовом законодательстве. Однако его определение можно встретить в специализированных словарях, а также в юридической и иной литературе. В то же время в немецком трудовом праве не наблюдается особых различий в подходах к этому понятию.

Так, перерыв в работе определяется как «заранее определенное временное прекращение работы, которое, как правило, не подлежит компенсации» [3, с. 211]. Некоторые немецкие авторы дают еще более упрощенное определение: «Перерыв — это установленное в течение рабочего дня время для отдыха и питания работников» [4, с. 144]. Перерывы в работе также иногда называют «перерывы в течение рабочего времени» [5, с. 235].

Следует признать, что в большинстве своем указанные определения совпадают с понятием перерывов в работе, применяемом в российском трудовом праве, при аналогичном его отсутствии в ТК [6]. Так, В. А. Болдырев и В. А. Сысоев определяют перерывы как промежуток времени, на период которого прекращается трудовая деятельность [7, с. 93]. В то же время К. Д. Крылов называет перерывы в работе внутрисменными перерывами, установленными в течение рабочего дня (смены) [8, с. 201]. По мнению А. И. Суверневой, перерыв — это приостановка работы, предусмотренная правилами внутреннего трудового распорядка, режимом работы организации, структурного подразделения или конкретного работника [9].

Наиболее развернутое определение предлагает П. В. Ухтинский, который определяет перерывы как отрезок времени в рамках рабочего дня разной продолжительности, закрепленный на централизованном и децентрализованном уровнях, как включаемый, так и не включаемый в рабочее время, представляемый для достижения предназначенной цели работникам всех или определенных категорий либо отраслей производства в регламентированные сроки [10, с. 9]. В предложенном определении не только раскрывается само понятие, но и обозначены его цели и классификация, причем сразу по нескольким основаниям (по уровням установления и по отношению к рабочему времени), что, полагаем, является положительным, поскольку делает данное определение полным и подчеркивающим основные характеристики толкуемого понятия. Однако нельзя не заметить, что в нем (определении) отсутствует прямое указание на тот факт, что перерыв в работе является одним из видов времени отдыха.

В немецком законодательстве в отношении перерывов в работе, в основном, применяются определения, которые даются в актах ЕС. В них перерыв в работе означает период, во время которого работник не может выполнять свою или какую-либо другую работу и который используется только для его отдыха [11]. В нормативных актах ФРГ встречается определение понятия «перерыв», но оно несколько упрощено по сравнению с актами ЕС. Так, в Федеральном законе «О защите труда молодежи» (*Jugendarbeitsschutzgesetz, JArbSchG*) [12] указывается, что перерыв является кратковременной остановкой работы.

В то же время в немецком законодательстве отмечается, что перерывы в работе должны отличаться от всех других видов времени отдыха [13, с. 249]. Поскольку их предоставление связано с отдыхом работника на производстве или вблизи него, то это время должно быть использовано работником исключительно для отдыха (при использовании других видов отдыха, например междусменного или в нерабочие выходные дни, работник может

выполнять отдельные работы по дому, на приусадебном участке, осуществлять спортивную деятельность и т. п.). При этом закрепляется обязанность работодателя заранее устанавливать перерывы в работе (Федеральный закон «О рабочем времени» (*ArbZG*) [14]).

Следует признать, что в отличие от российского в немецком трудовом законодательстве классификация перерывов в работе более широкая, хотя по некоторым основаниям она в целом совпадает. Перерывы в работе можно разделить на установленные:

- законодательством (федеральным и земельным);
- нормативными актами федерального правительства и министерств;
- тарифными договорами;
- коллективными договорами;
- индивидуальными трудовыми договорами.

В федеральном законодательстве Германии перерывы в работе регламентируются как общими (*Arbeitszeitgesetz*, *Kraftfahrernarbeitszeitgesetz* и др.), так и специальными законами (*Arbeitnehmer-Entsendegesetz*, *Seearbeitsgesetz* и др.). На уровне земельного законодательства вопросы установления перерывов в работе в основном касаются служащих (чиновников) [15].

Федеральное правительство и министерства в своих нормативных актах регламентируют общие вопросы установления перерывов в работе, а также общие и специальные перерывы, их продолжительность для отдельных категорий работников, в основном — в сферах (отраслях) с тяжелыми (особыми) условиями труда. Необходимо отметить, что в законах и нормативных актах федерального правительства и министерств закрепляется не только обязанность работодателя по установлению перерывов в работе, но и требования по их организации. Поскольку, как считают в Федеральном министерстве труда и социальных дел Германии, предоставление работнику перерыва для отдыха (особенно для сна и питания) должно сопровождаться мерами по его обеспечению.

Так, в Правилах организации работ на континентальном шельфе (*Festlandssockel-Bergverordnung*, *FIsBergV*) 1989 г. [16], кроме установления обязательных перерывов и их продолжительности, предприниматель обязан обеспечить работникам места отдыха (специальные залы, помещения) для приема пищи, а также создать особые места для курящих.

Стоит отметить, что в трудовом законодательстве России так подробно не регламентировано, что работодатель обязан помимо самого факта предоставления перерыва оборудовать специальные места для отдыха и приема пищи. Так, ч. 3 ст. 108 ТК дословно звучит следующим образом: «На работах, где по условиям производства (работы)

предоставление перерыва для отдыха и питания невозможно, работодатель обязан обеспечить работнику возможность отдыха и приема пищи в рабочее время. Перечень таких работ, а также места для отдыха и приема пищи устанавливаются правилами внутреннего трудового распорядка». Как видим, косвенно обязанность по оборудованию мест для отдыха и приема пищи вытекает из данной нормы. Однако отсутствие прямой императивной нормы на практике дает работодателям возможность, при буквальном толковании, не выполнять данную обязанность.

В ФРГ требование о заранее установленных перерывах в работе можно встретить в тарифных договорах, но конкретизация их видов осуществляется в основном коллективными договорами и отражается во внутреннем трудовом распорядке на предприятии. В отличие от других видов отдыха (еженедельного отдыха, нерабочих праздничных дней, отпуска) перерывы в работе в большинстве своем не являются предметом тарифных и даже коллективных договоров, так как это связано с их регулированием на законодательном уровне и нормативными актами федеральных органов исполнительной власти. Например, в тарифном договоре между Союзом работодателей табачной промышленности и Профсоюзом пищевой и пищевкусовой промышленности, гостиниц и ресторанов (*NGG*) отсутствуют положения о перерывах в работе [17]. Однако в коллективных договорах на предприятиях, входящих в этот тарифный договор, такие положения встречаются [18].

В Германии на уровне индивидуальных трудовых договоров закрепление перерывов в рабочее время происходит крайне редко. Однако допускается, что исходя из особенностей трудовой функции и личных потребностей работника в нем могут быть закреплены какие-либо дополнительные (индивидуальные) перерывы, которые предоставляются с согласия работодателя и которые работник обязан использовать строго в установленных целях [19, с. 298].

По отношению к сфере труда и по особенностям выполнения трудовой функции перерывы в работе в немецком трудовом праве можно классифицировать на общие, обще-специальные и индивидуально-специальные. Хотя такая классификация считается достаточно условной. К общим перерывам относятся перерывы, которые устанавливаются для всех работников предприятия без учета каких-либо особенностей трудовой деятельности. В первую очередь, к ним относятся перерывы для питания (обеденные перерывы) и отдыха.

Одной из проблем в регламентации таких перерывов является включение их в рабочее время. По смыслу § 3 Федерального закона «О рабочем времени», закрепляющего общую продолжительность

рабочего времени не более восьми часов, следует, что превышение ее недопустимо, и в первую очередь за счет времени для перерывов. Поэтому время для таких перерывов должно предоставляться в рамках продолжительности рабочего времени. Отсюда и возникают определенные дискуссии по поводу отнесения перерывов к рабочему времени или к виду отдыха. Не дает точного ответа на этот вопрос и сам вышеуказанный Закон, поставив их как бы в промежуточное положение между рабочим временем и временем отдыха. Хотя в отношении работников горнодобывающей промышленности (при подземных работах) четко прописывается положение о том, что перерывы в работе должны быть включены в рабочее время.

В ряде отраслевых тарифных договоров перерывы в работе для питания и отдыха включаются в разделы о рабочем времени [20]. Аналогичная ситуация просматривается и в коллективных договорах, заключенных, например, на предприятиях химической и электротехнической промышленности. Отсюда можно сделать вывод, что такие перерывы являются одновременно обязательным элементом рабочего времени и видом времени отдыха работника, включаемым в рабочее время.

Однако на практике иногда возникает ситуация, когда работник по своей инициативе продолжает выполнять свою работу в этот период. В немецком трудовом праве существует мнение, что у работника не возникает при этом правопритязание на оплату работы в период перерыва, если он не согласовал это с работодателем. Работодатели, как правило, не идут на такое разрешение, несмотря на определенную выгоду, потому что внесение в трудовой договор этого положения являлось бы прямым нарушением законодательства, даже если сам работник просит об этом. Определенным выходом из этой ситуации, как показывает практика, является перенос перерыва на конец рабочего дня (смены) или сокращение (за счет времени установленного перерыва на отдых и питание) общей продолжительности рабочего дня, но заработная плата работника при этом остается неизменной [19, с. 299]. Однако здесь существует опасность признания такой организации труда как наносящей вред здоровью работника, что в ФРГ считается существенным нарушением трудового законодательства. К тому же труд на немецких предприятиях достаточно четко организован, поэтому работодатели и работники стараются строго придерживаться норм законодательства, положений тарифных и коллективных договоров, а также внутренних правил предприятий [21, с. 59].

Стоит отметить, что в России ситуация, когда перерыв для отдыха и питания, например, предоставляется работнику не в течение рабочего дня, а в конце смены, признается неправомерной. Такие

действия работодателя противоречат нормам трудового законодательства, а значит, признаются нарушающими права и законные интересы работника, даже при наличии согласия на это последнего.

На отдельных предприятиях, осуществляющих непрерывное производство и оказывающих услуги, предоставление перерывов для отдыха и питания должно быть строго регламентировано в коллективных договорах или правилах внутреннего распорядка. При этом регламентация их должна включать не только указание на вид перерыва (для отдыха, питания или других целей), его время использования в течение рабочего времени, но и вопросы его организации (в каком месте, как происходит замена работника на период перерыва и др.). В данном случае перерывы входят в рабочее время и подлежат оплате [22, с. 139].

С одной стороны, разница между перерывами для отдыха и питания, установленными точно по времени, и аналогичными перерывами на предприятиях, где такое установление не представляется возможным, не существенна. Однако в первом случае перерывы не включаются в рабочее время, а во втором — включаются, что ставит работников в неравные условия.

В российском трудовом праве перерывы для отдыха и питания не включаются в рабочее время и, следовательно, не оплачиваются. В то же время на работах, где по условиям производства (работы) предоставление перерыва для отдыха и питания невозможно, работодатель обязан обеспечить работнику возможность отдыха и приема пищи в рабочее время.

В немецком законодательстве имеется такое основание классификации перерывов в работе, как деление их по продолжительности. В трудовом законодательстве Германии и тарифных договорах предусматривается установление стандартных, удлиненных и сокращенных перерывов [1, с. 1883].

К первой группе отнесены перерывы, предусмотренные законодательством и иными нормативными актами, устанавливающими минимальную их продолжительность. Так, в Федеральном законе «О рабочем времени» перерывам в работе посвящена всего лишь одна статья (§ 4), в которой повторяются требования ст. 4 Директивы ЕС № 2003/88/ЕС «О некоторых аспектах организации рабочего времени», устанавливающей, что государства-члены принимают необходимые меры, чтобы любой работник в случае, когда его ежедневное рабочее время превышает шесть часов, пользовался правом на перерыв в работе, порядок осуществления которого и, в частности, его длительность и условия предоставления закреплялись коллективными договорами или соглашениями, заключаемыми между социальными партнерами, а при отсутствии таковых — национальным законодательством.

Так, в немецком законодательстве установлено, что при непрерывной работе в течение шести часов наемные работники не могут работать без перерыва. В то же время на основании § 4 Федерального закона «О рабочем времени» при продолжительности рабочего времени от шести до девяти часов перерыв в работе должен составлять не менее 30 минут, а при работе более девяти часов — 45 минут.

В отношении указанных законодательных положений имеется ряд проблем. Так, если при работе более шести часов продолжительность перерывов определена, то продолжительность перерывов при рабочем дне до шести часов не устанавливается. К тому же неясно, могут ли быть установлены перерывы при рабочем времени в течении четырех-шести часов. Следует предположить, что немецкое трудовое законодательство здесь оставляет право решения данного вопроса специальным нормативным правовым актом или сторонам социального партнерства при заключении тарифных или коллективных договоров.

Однако большинством из них при работе менее шести часов перерывы не предусматриваются, лишь на предприятиях, связанных с непрерывным производством и сменной работой, устанавливается один перерыв от 15 до 30 минут [23]. Это правило не распространяется на предприятия, на которых в соответствии с законодательством или специальными правительственными распоряжениями перерывы в работе обязаны быть предоставлены работникам чаще [24].

Необходимо отметить, что в законодательстве нашей страны перерыв для отдыха и питания может не предоставляться работникам только в первые четыре часа их непрерывной работы (ч. 1 ст. 108 ТК). Данное правило видится более привлекательным по сравнению с немецким законодательством в целях улучшения положения работников.

Немецким трудовым законодательством разрешается деление времени продолжительности перерывов на части, каждая из которых должна быть не менее 15 минут. Таким образом, при рабочей смене продолжительностью от шести до девяти часов работнику могут быть предоставлены два перерыва по 15 минут, а при десятичасовой работе — три перерыва по 15 минут. Это не означает, например, что в каждые последние три часа работы предоставляется 15-минутный перерыв. Распределение этих перерывов в течение рабочего дня на предприятиях осуществляется по-разному [25]. Однако при стандартном восьмичасовом рабочем дне, как правило, устанавливается один перерыв продолжительностью от 45 минут до 1 часа (реже два перерыва по 30 минут), что превышает законодательные нормы.

Одной из проблем в вопросах регламентации продолжительности перерывов является их сум-

мирование. Законодательство предусматривает возможность только разделения перерывов на части, хотя на практике встречаются случаи, когда с согласия работодателя работник объединяет время перерывов, особенно при девятичасовой работе с целью более продолжительного отдыха [26, с. 87].

Удлиненные перерывы в работе устанавливаются в зависимости от вида трудовой деятельности (условий труда) или особенностей категории работников. Указанные перерывы введены для работников транспорта, а также в химической промышленности, медицине и др. В первую очередь, они распространяются на молодых работников, лиц с семейными обязанностями и на некоторые другие категории. Так, для молодых моряков устанавливается 30-минутный перерыв в течение работы от четырех с половиной до шести часов и 60-минутный — если рабочее время превышает шесть часов [27]. Удлиненные перерывы предусмотрены для работающих лиц с ярко выраженными физическими и умственными недостатками.

В тарифных или коллективных договорах могут быть предусмотрены перерывы большей продолжительности, чем определенные федеральным законодательством. Однако за последнее время в Германии удлиненных перерывов становится все меньше.

В течение рабочего дня (смены) работникам могут предоставляться сокращенные (короткие) перерывы для отдыха и личных надобностей, а также для производственной гимнастики, кофейных (чайных) пауз и др. Эти перерывы включаются в рабочее время путем их учета при установлении норм труда (выработки, обслуживания). Оптимальная продолжительность перерыва для отдыха во время рабочей смены зависит от характера производственного процесса и условий труда, но, как показывает практика, они не превышают десяти минут. Такие регламентированные перерывы позволяют рационально чередовать время труда и отдыха в течение рабочей смены.

Короткие перерывы (микропаузы) предусматриваются в том числе для руководящих работников компаний, офисных работников, работников детских и медицинских учреждений, работников в семьях и др. Однако в коллективных договорах практически не встречаются положения о коротких перерывах, в основном они регламентируются внутренними производственными правилами (правилами трудового распорядка). В то же время организация производственного процесса допускает использование коротких перерывов, когда предусматриваются различные технические или организационные паузы.

Проблемой сокращенных (коротких) перерывов является сложность в компенсации времени этих перерывов, с тем, чтобы в течение рабочего

дня работник использовал все установленное для перерывов время. Законодательство ФРГ не указывает на конкретные способы компенсации, а лишь закрепляет возможность «компенсирования за счет другого времени».

Трудовая практика в ФРГ выделяет еще ряд специальных классификационных оснований перерывов в работе. К числу таких оснований следует отнести деление перерывов по месту их проведения (на месте работы, в пределах предприятия и за его пределами), по периодичности установления (каждый час, через три часа и т. п.) и др. [28, с. 288].

Таким образом, как в немецком, так и в российском трудовом законодательстве перерывы в работе

являются одним из самых сложных в контексте правовой регламентации видов отдыха, наиболее тесно связанным с рабочим временем (а определенные виды перерывов и вовсе включаются в него). В большей степени перерывы в работе закрепляются в нормативных правовых актах федерального уровня, в которых вводится обязанность их установления, общая продолжительность и отдельные их виды. В то же время их конкретизация (порядок предоставления, специальные виды для отдельных сфер деятельности и категорий работников) осуществляется коллективными договорами и правилами производственного порядка (правилами трудового распорядка).

Пристатейный библиографический список

1. Schaub G. *Arbeitsrechts-Handbuch*. 15 Auflage. Munchen : C. H. Beck, 2013.
2. Sadowcki D., Walwei U. *Die Okoomische Analyse des Arbeitsrechts*. Nurnberg, 2002.
3. Daubler W. *Arbeitsrecht*. 5 Auflage. Frankfurt, 2003.
4. Spiegelhalter H. J. *Personalhandbuch. Arbeitsrechtslexikon. Band I*. Munchen : C. H. Beck, 2001.
5. Schonfeld W. *Lexikon fur das Lohnburo*. Augsburg : Rehm, 2005.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.
7. Болдырев В. А., Сысоев В. А. *Трудовое право России : учебник для вузов*. М. : НОРМА, 2006.
8. Крылов К. Д. *Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации*. М. : Эльга, 2002.
9. Сувернева А. И. *Перерывы в работе: виды и условия предоставления // Оплата труда: бухгалтерский учет и налогообложение*. 2013. № 9.
10. Ухтинский П. В. *Право работников на отдых: перерывы в течение рабочего дня (смены) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Пермь, 2009.
11. Директива № 561/2006/ЕС Европейского Парламента и Совета от 15.03.2006 «О гармонизации определенного социального законодательства, касающегося автотранспорта» // STUDYLIB : сайт. URL: <https://studydoc.ru/doc/120999/postanovleniya-es-n-561-2006> (дата обращения: 28.11.2018).
12. Gesetz zum Schutz der arbeitenden Jugend (*Jugendarbeitsschutzgesetz, JArbSchG*) vom 12. April 1976 (BGBl. I S. 965), das zuletzt durch Artikel 3 Absatz 7 des Gesetzes vom 20. April 2013 (BGBl. I S. 868).
13. Thusing G. *Europaisches Arbeitsrecht*. Munchen : C. H. Beck, 2011.
14. *Arbeitszeitgesetz (ArbZG)* vom 6. Juni 1994 (BGBl. I S. 1170, 1171), das zuletzt durch Artikel 3 Absatz 6 des Gesetzes vom 20. April 2013 (BGBl. I S. 868).
15. Урьяс Ю. П. *Механизм государственной власти ФРГ*. М. : Политиздат, 1988.
16. *Festlandsockel-Bergverordnung* vom 21. März 1989 (BGBl. I S. 554), die zuletzt durch Artikel 15 des Gesetzes vom 29. Juli 2009 (BGBl. I S. 2424).
17. *Statistisches Taschenbuch Tarifpolitik. WSI-Tarifarchiv*, Dezember 2014 // WSI tarifarchiv : сайт. URL: www.tarifvertrag.de (дата обращения: 21.11.2018).
18. *Tarifvertrag für das Hotel-und Gaststättengewerbe Hamburg* vom 13. Dezember 2010 // Dr-hildebrandt.de : сайт. URL: www.dr-hildebrandt.de/tarifvertrag-hotel-gaststaette (дата обращения: 21.11.2018).
19. Hromadka W., Maschmann F. *Arbeitsrecht Band 1: Individualarbeitsrecht*. 3. Auflage. Springer, 2008.
20. *Обзор содержания тарифного соглашения для ресторанов и гостиниц в Баварии* // Dr-hildebrandt.de : сайт. URL: www.dr-hildebrandt.de/tarifvertrag-hotel-gaststaette (дата обращения: 21.11.2018).
21. Калашникова А. В. *Социально-экономические противоречия партнерских отношений менеджмента и наемного труда в ФРГ : дис. ... канд. социол. наук*. М. : МГУ, 2009.
22. Жулина Е. Г., Иванова Н. А. *Европейские системы оплаты труда*. М. : ИЖ «Управление персоналом», 2007.
23. *Bundesministerium for Arbeit und Soziales. Verzeichnis der fur allgemeinverbindlich erklärten Tarifverträge Stand 1. Juli 2014*. URL: www.bmas.de (дата обращения: 21.11.2018).
24. *Gesetz zur Regelung der Arbeitszeit von selbständigen Kraftfahrern (KrFArbZG)* am 1. November 2012 (BGBl. I S. 839).
25. *Statistisches Taschenbuch Tarifpolitik. WSI-Tarifarchiv*, Dezember 2013. URL: www.tarifvertrag.de (дата обращения: 21.11.2018).

26. Maier A. *Tarif- und Arbeitsrecht in der Gebäudereinigung*. Berlin : O. E. Verlag, 2014.
27. Seearbeitsgesetz (SeeArbG) vom 20. April 2013. Das durch Artikel 3 des Gesetzes vom 26. Juni 2013 (BGBl. II S. 763).
28. Dutz W. *Arbeitsrecht*. 5 Aufl. München : Beck, 2002.

References

1. Schaub G. *Labor law-Handbook*. 15 edition. Munich : S. N. Beck, 2013.
2. Sadowcki D., Walwei U. *Economic analysis of the labor law*. Nürnberg, 2002.
3. Daubler W. *Labor law* 5 edition. W-Frankfurt, 2003.
4. Spiegelhalter H. J. *Human resource handbook. The dictionary of the labor law*. Book I. Munich : S. H. Beck, 2001.
5. Schonfeld W. *The vocabulary for the payroll office*. Augsburg : Rehm, 2005. (832)
6. The Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 № 197-FZ // SZ RF. 2002. № 1 (P. 1). Art. 3.
7. Boldyrev V. A., Sysoev V. A. *Labor law of Russia. The textbook for the universities*. M. : NORMA, 2006.
8. Krylov K. D. *Comments to the labor code of the Russian Federation*. M. : El'ga, 2002.
9. Suverneva A. I. *Breaks during working hours: types and circumstances of the provision // Wage: accounting and taxation*. 2013. № 9.
10. Uhtinskij P. V. *The right of the employees to rest: breaks during working hours (shofts)*. Autoabstract from the thesis of the PhD in law. Perm', 2009.
11. The guideline №561/2006/ES of the European Council of 15th March 2006 "harmonisation of certain social legislation relating to road transport" // STUDYLIB : site. URL: <https://studydoc.ru/doc/120999/postanovleniya-es-N-561-2006> (date of the application: 28.11.2018).
12. The act about the protection of the working youth (The act about the protection of the youth employment) Archived from the primary source at 22th August 2011. I S. 965), the last time in accordance to the article 3 paragraph 7 of 20th April 7 2013 (BGBl. I S. 868).
13. Thusing G. *European Labor law*. Munich : C. H. Beck, 2011.
14. The working hours act (ArbZG) of 6th June 1994 (BGBl. I S. 1170, 1171) which was the last in accordance to the article 3 paragraph 6 of the act of 20th April 2013 (BGBl. I S. 868).
15. Ur'yas Y. P. *Mechanism of the state power of Germany*. M. : Politizdat, 1988.
16. The mining rule on the continental shelf of 21st March 1989 (BGBl. I, p. 554), The last update was made by the article 15 of the act № 29 June 2009 (BGBl. I, P. 2424).
17. Statistic paperback Collective bargaining policy. Archive of tariff plans WSI, December 2014 // WSI tarifarchiv : site. URL: www.tarifvertrag.de (date of the application: 21.11.2018).
18. Tariff agreement for the hotel and restaurant business of Hamburg of 13th December 2010 // Dr-hildebrandt.de : site. URL: www.dr-hildebrandt.de/tarifvertrag-hotel-gaststaette (date of the application: 21.11.2018).
19. Hromadka W., Maschmann F. *Labor law Book 1: Individual labor law*. 3. Puskovaya Ploshchadka. Springer, 2008.
20. The review of the content of the tariff agreement for the restaurants and hotels of Bavaria // Dr-hildebrandt.de : site. URL: www.dr-hildebrandt.de/tarifvertrag-hotel-gaststaette (date of the application: 21.11.2018).
21. Kalashnikova A. V. *Social-economic contradictions of a partnership between management and wage in Germany*. Thesis of the PhD in Sociological sciences: 22.00.03. M. : MGU, 2009.
22. Zhulina E. G., Ivanova N. A. *European wage systems*. M. : IZH "Human resource management", 2007.
23. The framework (industry) tariff contract between the food industry employers trade union of Hamburg and. Look Federal Ministry of labor and social welfare. Application of a contract cancellation of 1st July 2014. URL: www.bmas.de (date of the application: 21.11.2018).
24. The act about the regulation of working hours of autonomous drivers of 1st November 2012 (BGBl. I S. 839).
25. Statistic paperback Collective bargaining policy. Archive of tariff plans WSI, December 2013. URL: www.tarifvertrag.de (date of the application: 21.11.2018).
26. Maier A. *Tariff and labor law of the building cleaning*. Berlin : O. E. Verlag, 2014.
27. Maritime labor act (SeeArbG) of 20 April 2013. In accordance to the article 3 of the act of 26th June 2013 (BGBl. II str. 763).
28. Dutz V. *Labor law*. 5 edit. Munich : Beck, 2002.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В СИСТЕМЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

На сегодняшний день нормативное закрепление административной преюдиции в уголовном законодательстве становится все более часто обсуждаемым, что говорит об актуальности изучения этого института. Предметом изучения являются различные подходы к пониманию административной преюдиции, ее роли и значения для институтов административного принуждения и уголовного наказания. Целью настоящей статьи является изучение возможностей либерализации уголовного законодательства путем применения конструкции некоторых составов преступлений с административной преюдицией. Методология исследования основана на изучении межпредметных связей уголовного и административного права в рамках решения проблемы введения института административной преюдиции. Новизна и актуальность изучения вышеобозначенной конструкции позволили сделать выводы об условиях реализации института административной преюдиции с социальных, криминологических, правовых позиций, которые могут быть полезны как научным работникам, преподавателям, студентам и аспирантам, так и служащим органов исполнительной власти.

ВОРОНОВА

Оксана Сергеевна

доцент кафедры организации
правозащитной
и правоохранительной
деятельности Тульского института
(филиала) ВГУЮ (РПА Минюста
России), кандидат юридических
наук (г. Тула),
ksushaj2009@mail.ru.

**Административная преюдиция;
Кодекс об административных
правонарушениях РФ;
Уголовный кодекс РФ;
уголовное законодательство;
административное
правонарушение**

**Oksana S.
VORONOVA**

the assistant professor of the
Human Rights
and Law Enforcement Chair
of Tula Institute (branch)
of the All-Russian State University
of Justice, Rhd in law (Tula),
ksushaj2009@mail.ru.

**Administrative prejudice;
Code of Administrative Offenses
of the Russian Federation;
Criminal Code
of Russian Federation;
criminal legislation;
administrative offence**

ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN THE SYSTEM OF LIBERALIZATION OF CRIMINAL LEGISLATION

Now, the normative consolidation of administrative prejudice in criminal legislation is becoming increasingly discussed, which indicates the relevance of the study of this institution. The subject of the study is different approaches to understanding administrative prejudice, its role and importance for the institutions of administrative coercion and criminal punishment. The purpose of this article is to study the possibilities of liberalization of criminal legislation by applying the construction of some of the compositions of crimes with administrative prejudice. The methodology of the study is based on the study of intersubjective relations of criminal and administrative law in the framework of solving the problem of the introduction of the institution of administrative prejudice. The novelty and relevance of the study of the above design allowed us to draw conclusions about the conditions for the implementation of the Institute of administrative presumption from social, criminological and legal positions, which can be useful both to researchers, teachers, students and postgraduates, and employees of executive bodies.

УДК 342.9

Право, выступая основным регулятором общественных отношений, призвано обеспечить наиболее оптимальные условия реализации данных отношений. Как правило, это позитивное регулирование, однако в ряде случаев государство вынуждено прибегать к принудительному воздействию. И в этой связи возникает вопрос, насколько принудительное воздействие эффективно? Насколько результат его применения соответствует ожиданиям?

Обеспечивая репрессивный потенциал принуждения, государство осуществляет различные мероприятия, круг которых широк в зависимости от целей и задач принудительного воздействия. Анализ изменений законодательства свидетельствует о том, что государство идет по пути ужесточения санкций. Это связано с формированием достаточно высокого уровня как общей, так и специальной превенции, значение которой сложно переоценить. Говоря о предупреждении и профилактике (борьбе с преступностью), необходимо учитывать множество факторов, и в первую очередь детерминацию преступлений и правонарушений. Необходимо заметить, что ужесточение наказания не является первым и единственным способом превенции преступности в части снижения детерминации. Это особенно актуально в тот период, когда современная либерализация уголовного законодательства достигла высочайшего уровня и продолжает претворяться в жизнь.

Соответственно, постоянное ужесточение наказаний не только невозможно, но и нецелесообразно. Необходимо сформулировать качественно новое решение, т. е. найти компромисс между ужесточением санкций с одной стороны и декриминализацией отдельных преступлений — с другой. В этой связи в настоящее время достаточно актуальным остается вопрос о повышении репрессивного потенциала административного принуждения путем применения административной преюдиции.

Отправной точкой явилось заседание президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» в феврале 2009 г., на котором Президент РФ высказался о том, что «является правильным вернуться к вопросу административной преюдиции, то есть предварительных решений, которые являются основанием для наступления уголовной ответственности. Потому что мы в какой-то момент отказались от этой конструкции из-за каких-то общетеоретических соображений, но жизнь подсказывает, что она была эффективной» [1]. Также п. «б» ст. 43 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента РФ от 09.06.2010 № 690 [2], указывает на «целесообразность более широкого

использования административной преюдиции в уголовном законодательстве».

В случае если административное наказание не работает при повторном применении, то его дальнейшее применение представляется нецелесообразным. Считаем, что в таких случаях необходимо привлечение к уголовной ответственности через институт административной преюдиции, которая обладает наиболее существенным предупредительным потенциалом в отношении как преступлений, так и смежных с ними административных правонарушений.

Иными словами, возникает необходимость закрепления в одной из отраслей (скорее уголовной) института административной преюдиции и активизации ее правоприменения, что неоднократно отмечали в своих трудах такие ученые, как А. С. Дугенец, М. Я. Масленников, Ю. П. Соловей, Б. В. Россинский, А. П. Шергин, А. Ю. Якимов и другие авторы [3; 4; 5, с. 54]. Трудно не согласиться с мнением вышеуказанных авторов, что ужесточение административной ответственности в отношении лиц, повторно совершающих однородные правонарушения, приведет в итоге к сокращению количества правонарушений, в том числе станет предупреждающим (превентивным) фактором совершения преступлений.

Однако следует заметить, что преюдиция — это сложное и в настоящее время не в полной мере изученное явление, несмотря на достаточно большое количество научных публикаций по этой теме. Оно остается полисемантическим в своем понимании для теории современного права.

Термин «преюдиция» (от лат. *praejudicium*) — обстоятельство, позволяющее судить о последствиях, судить вперед. Так, например, в уголовном праве — это возможность применения уголовной ответственности, если лицо, совершив несколько административных правонарушений, за которые назначены административные наказания, в течение определенного периода времени совершит аналогичное деяние. Другими словами, неоднократные административные правонарушения влекут применение к виновному лицу более строгого (уголовного) наказания. Таким образом, введение института административной преюдиции позволяет трансформировать юридическую ответственность.

Неоднозначность толкования понятия административной преюдиции предопределяет отсутствие ее единой концепции, что подтверждается рядом характерных признаков.

Во-первых, многие авторы считают, что институт административной преюдиции стирает рамки между преступлением и административным правонарушением. Например, В. Л. Зуев считает, что «сущность института административной преюдиции заключается в том, что состав преступления образуется за счет

признаков административного правонарушения, а в качестве критерия разграничения преступления и проступка выступает факт предшествующего применения административного наказания за такое же деяние» [6, с. 3]. Однако даже не единожды повторяющееся административное правонарушение не приобретает признаков преступления. Повторность и повторяемость совершения административного правонарушения не перерастет в новое, более строго наказуемое правонарушение. По мнению М. И. Ковалева, иное противоречило бы органическому принципу нашей правовой системы, согласно которому разграничение различных правонарушений производится по предмету регулирования [7, с. 11–12]. Следует согласиться, что повторяемость совершения административного правонарушения не может изменить суть этого деяния и, следовательно, предмет правового регулирования. «Признание некоторых проступков преступными, — пишет А. А. Гогин, — в силу повторности противоречит принципу уголовного права, согласно которому преступлением считается только общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава, независимо от иных обстоятельств, в частности, от того, было ли лицо подвергнуто мерам административного характера за совершенный ранее проступок» [8, с. 27]. Повторность и повторяемость различных действий или бездействий не может образовывать новое качество (поменять суть), т. е. приобрести и / или поменять характер и степень общественной опасности, которая, кстати, в административном праве не является признаком правонарушения. Соответственно, необходимо нормативно закрепить состав преступлений с административной преюдицией именно в уголовном законодательстве и признать значимость и эффективность уголовного наказания при повторяющихся деликтах. Данная норма будет иметь и профилактирующий характер, как уже отмечалось выше.

Так как нормы уголовного и административно-деликтного права не всегда согласованы и не в полной мере отвечают требованиям системности права, установление смежности составов преступлений и административных правонарушений достаточно затруднительно. Соответственно, «административная преюдиция могла бы оказаться эффективным средством отграничения преступлений от административных правонарушений, выполняя роль своеобразного буфера между двумя видами юридической ответственности» [5, с. 6–8]. При этом следует учитывать, что само право может существовать только в согласованности разных норм различных отраслей права, в особенности это касается границ, сферы действия и правового регулирования норм административного и уголовного права.

Противники административной преюдиции в уголовном праве говорят о количестве административных правонарушений, которые не могут образовать качество преступления («сто мышей не образуют одну овцу, а двести зайцев — одного слона» [9, с. 17]); нет отличия в материальной правовой природе правонарушений и преступлений. Однако единая материальная конструкция уголовного и административного права дифференцирует юридическую ответственность и ведет к перерастаню составов от административно-деликтных к уголовным.

Во-вторых, доводами против включения административной преюдиции в уголовное право называют нарушение принципа “non bis in idem” («не дважды за одно и то же») [10, с. 45–47] и чрезмерное расширение границ уголовно-правовой репрессии [11, с. 45]. Иначе говоря, гражданин РФ не может быть осужден за те преступления, за которые уже был привлечен к ответственности. Этот принцип закреплен в Конституции [12] и УК [13]. Следует учесть, что при введении в 2009 г. административной преюдиции в ч. 1 ст. 178 УК состава недопущения, ограничения или устранения конкуренции споры о конституционности введения преюдиции уже возникли. Далее Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [14] в УК была введена ст. 158.1 с составом мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию. В пользу введения административной преюдиции в уголовное право говорит и принятие Конституционным Судом РФ к производству жалобы гражданина И. И. Дадина, в которой оспаривалась конституционность одного из составов с административной преюдицией (ст. 212.1 УК).

Конституционный Суд РФ 10 февраля 2017 г. вынес Постановление № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» [15] — судьбоносное для уголовного правотворчества и в первую очередь для конструирования составов с административной преюдицией. В данном документе он пришел к выводу о том, что введение в уголовный закон таких составов соответствует Конституции, что, на наш взгляд, достаточно аргументированно: «Законодатель правомочен прибегать к институту уголовной ответственности в интересах надлежащей защиты конституционно значимых ценностей (ч. 3 ст. 55 Конституции) и в тех случаях, когда противоправное деяние совершается лицом, ранее уже подвергавшимся административно-деликтному

преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т. е. имеющим специальную административную наказанность, используя в указанных целях так называемые составы преступлений с административной преюдицией. Повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкуче с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить серьезный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона».

В-третьих, признак общественной опасности характерен только лишь для преступлений. Поэтому высказывается мнение о том, что «ни одно административное правонарушение не обладает специфическим криминальным свойством деяния — общественной опасностью. Поэтому количество правонарушений не способно перерасти механически в новое качество — преступление» [16, с. 142].

В основе понятия «общественная опасность» лежит возможность неблагоприятных последствий для человека и общества, т. е. возникает потенциальная опасность для изменения строя общества в целом. Таким образом, каждое преступление либо уже причиняет вред конкретному объекту, либо создает угрозу и возможность причинения такого вреда. Подавляющее большинство ученых в области уголовного права именно в этом видят общественную опасность преступления. Однако причинение вреда охраняемым уголовным законом объектам есть еще не общественная опасность, а только ее угроза или предпосылка.

Вред общественным отношениям причиняет и правонарушение, но признак общественной опасности отсутствует в дефиниции административного правонарушения, поэтому определение степени общественной опасности или вредности административного правонарушения в теории административного права остается до настоящего времени дискуссионным. Например, часто при анализе состава административного правонарушения не замечают его материальный признак — общественный вред (опасность). Так, П. П. Серков считает, что говорить о вредности административного правонарушения обоснованно, но этот признак имеется и у других правонарушений, например в сфере гражданско-правовой или дисциплинарной ответственности [17, с. 49].

В целом суть подхода к рассматриваемой проблеме может быть изложена следующим образом: общественная опасность — это качественная характеристика противоправного административного деяния, т. е. оно либо уже причинило, либо создает потенциал причинения вреда общественным отношениям (опасно для них). Однако большинство административных правонарушений в силу их формального характера представляют опасность для охраняемых общественных отношений и обладают признаком общественной вредности, а отдельные административные правонарушения имеют такие явные признаки общественной опасности, как размер ущерба (ст. 7.27, 12.24 КоАП [18]).

Таким образом, для административных правонарушений определяющим фактором является вредность — причинение вреда охраняемым общественным отношениям. В то же время в соответствии с п. 2 ст. 14 УК не считается преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Иными словами, отдельные преступления, утрачивая признаки общественной опасности, перестают быть таковыми, но не теряют таких свойств, как вредность. Соответственно, между преступлением и административным проступком существует взаимосвязь. Это касается постоянного процесса декриминализации с переходом преступных деяний в деликты.

Необходимо учитывать и тот факт, что в некоторых случаях законодатель сам проводит разграничение проступка и преступления, например, путем описания характера деяния или закрепления в статьях КоАП и УК различных размеров последствий противоправного деяния. Так, ч. 1 ст. 20.1 КоАП под мелким хулиганством понимает нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества. Пункт «а» ч. 1 ст. 213 УК, предусматривающий уголовную ответственность за хулиганство, определяет данное преступление как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования. Таким образом, законодатель подробно описывает общественно

вредные деяния, что дает возможность четко ограничить мелкое хулиганство от хулиганства преступного. В приведенных конструкциях четко определены границы предмета правового регулирования административного и уголовного права.

Необходимо также обратить внимание и на последние тенденции в уголовно-правовом законодательстве. Так, Верховным Судом РФ внесено в Государственную Думу предложение о введении категории «уголовный проступок» (см. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» [19]). Считаем, что разграничение административного правонарушения, уголовного проступка и преступления по степени общественной опасности позволит сократить количество направляемых в суды уголовных дел, и они (суды) смогут сосредоточиться на других, более тяжких преступлениях. Это, в свою очередь, позволит сосредоточиться органам дознания и предварительного следствия на раскрытии более тяжких преступлений, в чем сейчас явно ощущается необходимость.

В-четвертых, важным доводом против административной преюдиции в уголовном праве является указание на недопустимость использования личностных признаков в качестве основания для криминализации деяния. Так, например, Н. А. Лопашенко, считает, что в основу преступления ложится деяние, а не признаки субъекта, которые могут повлиять в целом на общественную опасность деяния, но не могут быть основой криминализации, поскольку в противном случае лицо привлекается к уголовной ответственности за общественную опасность своей личности [20, с. 69].

Однако следует принять во внимание формальность границ уголовного и административно-деликтного права. В основе преступления с административной преюдицией в любом случае лежит противоправное деяние, которое является основанием юридической ответственности (административной или уголовной), но эту ответственность несет конкретная личность, признаки опасности которой должны учитываться при индивидуализации и дифференциации наказания.

Представляется верным подход, в соответствии с которым ответственность личности должна равным образом учитывать в совокупности и опасность деяния, и общественно-опасный характер личности нарушителя норм. Лицо привлекается к уголовной ответственности не за неотъемлемую общественную опасность этого деяния, а за неединственное отражение этой общественной опасности в делик-

тах. Некоторые ученые (например, А. Г. Безверхов, Т. А. Костырева) считают, что в основании юридической ответственности и ее дифференциации лежат как деяние, так и лицо, его совершившее, и необходимо соблюдать баланс между этими составляющими, с чем мы не можем не согласиться.

Далее необходимо обратить внимание на то, что не требуется наличие заранее возникшего умысла для административно-деликтного поведения для того, чтобы образовался субъект преступления с административной преюдицией. Общественно-опасный характер такой личности не в том, что лицо заранее имеет умысел на совершение нескольких противоправных деяний, а в том, что налицо стабильная антиобщественная направленность такой личности. Такое положение неизбежно приводит к тому, что на момент совершения преступления оно является общественно опасным.

На сегодняшний день обоснованы решение и цель нашего государства в ограничении числа таких деяний, которые не имеют высокой степени общественной опасности, характерной для преступлений, но широко распространенных и потому мешающих нормальной работе различных институтов государства, представляющих в силу обширности угрозу причинения вреда. Это, как правило, происходит как раз в тех случаях, когда административное правонарушение совершается повторно. При этом основой понятия административной преюдиции в уголовном праве является то, что деяние становится «как-бы преступлением» в силу его социальной опосредованности и невозможности (недостаточности) обеспечения превенции административно-правовыми средствами такого деликта.

Укрепление союза между административным и уголовным законодательством видится в разумном возрождении административной преюдиции, которая, «с одной стороны, позволит пресечь на достаточно раннем этапе развитие общественно опасной «карьеры» правонарушителя, а, с другой, без ущерба для интересов законопослушного населения даст возможность сэкономить уголовную репрессию» [21, с. 34–35]. Такую преюдицию целесообразно устанавливать в сфере общественных отношений, которые охраняются как мерами административной, так и уголовной ответственности. Она будет выступать как один из эффективнейших факторов превенции не только административных правонарушений, но и преступлений. Соответственно, составы с административной преюдицией и дальше будут той важной и, что самое главное, работающей правовой дефиницией, которая будет предупреждать различные виды деликтов, в том числе и преступления.

На наш взгляд, в современных условиях реализация института административной преюдиции обоснована со многих позиций: социальных, криминологических, правовых.

Во-первых, административная преюдиция позволяет предупредить совершение повторных правонарушений. Ведь принцип неотвратимости ответственности является предупреждающим фактором в силу их высокой латентности.

Во-вторых, борьба, например, с коррупционной преступностью во многом не имеет успеха из-за слишком высокой репрессивности отечественного уголовного законодательства. Соответственно, возможность привлечения к административной ответственности вместо уголовной позволит избежать противостояния различных социальных групп и органов государственной власти. Такие меры позволят, по нашему мнению, решить вопрос о том, что эти деяния перестают быть безнаказанными, а у нарушителя появляется возможность привлечения к уголовной ответственности вместо административной. В этом плане административная преюдиция представляет собой частичную декриминализацию.

В-третьих, административная преюдиция создает благоприятную возможность для детерминации преступлений и должной реакции на них со стороны органов и лиц, ведущих профилактическую работу.

В четвертых, введение административной преюдиции в уголовное право исключит случаи объективного вменения, когда у виновного отсутствует предвидение последствий в виде причиненного имущественного ущерба гражданам или государству.

Таким образом, необходимость административной преюдиции очевидна с учетом соблюдения основных требований данной правовой категории. Дальнейшее развитие нашего законодательства в этом направлении невозможно без выработки единого подхода к конструкции основы преступлений с административной преюдицией и уголовного проступка, а также согласования положений административного и уголовного права.

Пристатейный библиографический список

1. Стенограмма заседания президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Президент России : сайт. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/3149> (дата обращения: 15.03.2017).
2. СЗ РФ. 2010. № 24. Ст. 3015.
3. Соловей Ю. П. Концепция административной ответственности требует уточнения // Актуальные проблемы административной ответственности : мат. Всерос. науч.-практ. конф. Омск : Омск. юрид. ин-т, 2009.
4. Дугенец А. С., Масленников М. Я. Правоприменение по делам об административных правонарушениях: реалии и перспективы оптимизации : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2011.
5. Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6.
6. Зуев В. Л. Особенности доказывания по делам о преступлениях с административной преюдицией. М. : УМЦ, 1995.
7. Ковалев М. И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982.
8. Гогин А. А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. Nota Bene. 2004. № 5.
9. Кузнецова Н. Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Моск. ун-та. 1993. № 4.
10. Шемякин Д. В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Рос. следователь. 2015. № 15.
11. Гулько А. Л. История уголовной ответственности за хулиганство в России // Адвокатская практика. 2006. № 5.
12. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
14. Рос. газ. 2016. 8 июля.
15. Рос. газ. 2017. 28 февр.
16. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002.
17. Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2012.
18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 дек.
19. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23).

21. Милуков С. Ф. О социально-правовом единстве некоторых институтов административного и уголовного права // Кодекс об административных правонарушениях: вопросы охраны социалистической собственности и общественного порядка : сб. науч. тр. Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1985.

References

1. The transcript of the meeting of the Presidium of the State Council "On the state criminal Executive system of the Russian Federation" // The President of Russia : site. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/3149> (date of the application: 15.03.2017).

2. Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. № 24. St. 3015.

3. Solovey Y. P. The Concept of administrative responsibility requires clarification // Actual problems of administrative responsibility : Materials of the all-Russian scientific-practical conference. Omsk : Omsk law Institute, 2009.

4. Dugnets A. S., Maslennikov M. J. law Enforcement on cases of administrative offences: challenges and perspectives of optimization : the monograph. M. : VNII MVD of Russia, 2011.

5. Bavsun M. V., Bavsun I. G., Tikhon I. A. Administrative prejudice and prospects for its application at the present stage // Administrative law and process. 2008. № 6.

6. Zuev V. L. Features of proof in cases of crimes with administrative prejudice. M. : UMTS, 1995.

7. Kovalev M. I. The Crime and Infraction // Problems of improving the legislation by strengthening the rule of law and strengthening the fight against the offences, and the amounttions: interuniversity collection of scientific papers. Sverdlovsk, 1982.

8. Gogin A. A. Responsibility for violation of the Federal law "on advertising" // Law and policy. Nota Bene. 2004. № 5.

9. Kuznetsova N. F. Codification of norms on economic crimes // Vestnik Moscow University. 1993. № 4.

10. Shemyakin D. V. Problem questions of using of administrative prejudice in criminal law // Russian investigator. 2015. № 15.

11. Gulko A. L. The History of criminal responsibility for hooliganism in Russia // Law practice. 2006. № 5.

12. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote 12/12/1993 // SZ RF. 2014. № 31. Art. 4398.

13. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 №. 63-FZ // SZ RF. 1996. № 25. Art. 2954.

14. Russian newspaper. 2016. July 8th.

15. Russian newspaper. 2017. February 28.

16. The course of criminal law. Common part. Vol. 1 : doctrine of crime / Rev. N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. M. : Zertsalo, 2002.

17. Serkov P. P. Administrative responsibility in Russian law: co-temporal understanding and new approaches : monograph. M. : Norm : Infra-m, 2012.

18. The Code of the Russian Federation on Administrative Violations No. 195-FZ dated December 30, 2001 // Rossiyskaya gazeta. 2001. December 31st.

19. The document has not been published. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

20. Lopashenko N. Say no to administrative prejudice in criminal law! // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's office of the Russian Federation. 2011. № 3 (23).

21. Milyukov S. F. On social and legal unity of some institutions of administrative and criminal law // Code of administrative offences: issues of protection of socialist property and public order. Collection of proceedings. Gorkiy : Publishing house GUS USSR Ministry of internal Affairs, 1985.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ И ПОСЛЕДСТВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что уголовно-правовое воздействие необходимо оценивать с точки зрения его юридического эффекта и достигнутых результатов. Именно с позиции, какие изменения произведены с помощью отрасли уголовного права в социальной действительности и правовой системе, необходимо анализировать правотворческую и правоприменительную деятельность уполномоченных органов и должностных лиц, а также фактическое поведение граждан в сфере противодействия преступности. Предметом исследования являются правовые и социальные результаты функционирования российского уголовного права. Цель исследования состоит в формулировании рекомендаций, позволяющих спрогнозировать направления развития отрасли уголовного права, корректно определять пути ее совершенствования и получать ожидаемые последствия ее функционирования. В качестве методологической основы исследования выступает системный подход. Кроме того, при подготовке статьи использованы диалектический метод научного познания и частнонаучные методы: социологический, формально-логический и др. Автором определено понятие юридического эффекта функционирования российского уголовного права, проведен краткий анализ его правовых и социальных последствий, в том числе непредвиденных. Изучены критерии эффективности уголовно-правового воздействия, сделан вывод о необходимости совершенствования отраслевой системы в целях повышения юридического эффекта ее действия и увеличения результативности процессов ее функционирования. Результаты исследования возможно использовать в законодательной и иной правотворческой деятельности, в научной и учебной работе.

ДЕНИСОВА

Анна Васильевна

доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, кандидат юридических наук (г. Самара),
anden2012@yandex.ru.

**Уголовное право;
юридический эффект;
реализация права;
эффективность права;
цели уголовного права**

**Anna V.
DENISOVA**

the assistant professor of the
Criminal Law and Criminology Chair
of the Samara National Research
University named after academician
S. P. Korolev, PhD in Law (Samara),
anden2012@yandex.ru.

**Criminal law;
legal effect;
implementation of law;
effectiveness of law;
objectives of criminal law**

THE LEGAL EFFECT AND CONSEQUENCES OF FUNCTIONING OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

The relevance of the article arises from the fact that the criminal law's impact must be assessed in terms of its legal effect and achieved results. It is necessary to analyze the legislative and law-enforcement activity of the authorized bodies and officials as well as the actual behaviour of citizens in the sphere of crime prevention with regard to the changes which have been made with the help of the criminal law branch in social reality and the legal system. The object of the research is legal and social results of functioning of the Russian criminal law. The aim of the article is to formulate recommendations that would allow to anticipate the possible directions of further development of criminal law, to correctly determine the ways of its improvement and to obtain the expected effects of its functioning. The methodological basis of the research is the systematic approach, as well as the dialectical method of scientific knowledge and specific scientific methods (sociological, formal and logical). The author defines the concept of the legal effect of the functioning of Russian criminal law, makes a brief analysis of its legal and social consequences, including the unforeseen ones. The criteria for evaluating the effectiveness of criminal law enforcement are studied. It is concluded that there is a need to improve the sectoral system in order to increase the legal effect of its action and the effectiveness of its functioning was made. The results of the research can be used in legislative and other law-making activities, in research and academic activities.

УДК 343.01

Как правило, под эффектом понимается результат, следствие каких-либо действий или причин. Очевидно, что в результате действия отрасли уголовного права тоже возникает определенный эффект юридического характера, который включает в себя результаты влияния функционирования отрасли как на правовую систему, так и на социальную действительность. Юридический эффект функционирования российского уголовного права как системного образования представляет собой комплексное явление, которое возникает в результате реализации составляющих его элементов (т. е. уголовно-правовых норм, субинститутов, институтов и уголовно-правовых отношений), а также их взаимодействия с национальной правовой системой и другими социальными явлениями. Юридический эффект выражается в создании множества условий для системных преобразований в различных сферах деятельности, т. е. подразумевает как правовые, так и социальные последствия.

Правовые последствия функционирования российского уголовного права заключаются в установлении, изменении или отмене уголовно-правовых норм, субинститутов и институтов, возникновении, изменении или прекращении уголовно-правовых отношений; в появлении правовых оснований для генезиса иноотраслевых правовых норм и институтов, правоотношений, для совершения юридически значимых действий, а также для обеспечения реального действия правовых актов иной отраслевой принадлежности.

В отличие от правовых последствий функционирования системы российского уголовного права, которые, как правило, представляют собой итоговый продукт уголовно-правового регулирования, социальные последствия создают условия, предпосылки для дальнейших преобразований общественных отношений. Соответствующие социальные последствия возникают благодаря тому, что различные результаты реализации системообразующих элементов отрасли уголовного права взаимодействуют между собой, воспринимают влияние внешней среды и обуславливают комплексные, системные изменения общественных отношений. Очевидно, что анализ социальных последствий функционирования российского уголовного права требует серьезного криминологического и социологического «инструментария».

Влияние российского уголовного права на национальную правовую систему и на внешнюю среду начинается с момента становления соответствующей отрасли. Даже отдельная уголовно-правовая норма еще до начала ее реализации в правоприменительной деятельности и наступления каких-либо результатов способна создавать определенные предпосылки (юридические условия) для возникновения новых правоотношений либо изменения

существующих правовых норм и институтов. Так, запрещающие уголовно-правовые нормы, будучи введенными в действие, порождают возникновение новых предупредительных уголовно-правовых отношений между государством и гражданами. Или другой пример — введение в 2016 г. уголовно-правовой нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа повлекло за собой череду изменений уголовно-процессуальных норм и даже целого процессуального института прекращения уголовного преследования.

Значительную часть такого комплексного явления, как юридический эффект, составляют результаты реализации уголовно-правовых норм как первичных и важнейших составляющих отраслевой системы. Они являются наиболее изученными элементами юридического эффекта, так как благодаря показателям государственной статистической отчетности доступны для анализа. Результаты реализации уголовно-правовых норм подлежат оценке и изучению в рамках многообразных технологий и процедур, например при мониторинге правоприменительной практики, оценке регулирующего воздействия, в ходе проведения правовой и антикоррупционной экспертиз и т. д.

В связи с этим возникает вопрос, что представляет собой реализация уголовно-правовых норм? Очевидно, что она свидетельствует о функционировании отрасли, отражает ее проактивность, ее действительное влияние на общественные отношения. Следовательно, сущность реализации уголовно-правовых норм заключается в воплощении в существующих общественных отношениях тех правил и ориентиров, которые провозглашаются государством в качестве правовых норм. Отметим, что данные правила и ориентиры не всегда прямо формулируются законодателем и иными правотворческими органами, могут быть логическим путем выведены из текста соответствующих правовых актов. Например, с помощью запретительных уголовно-правовых норм через описание уголовно наказуемых деяний государство указывает пределы правомерного, желательного и (или) допустимого поведения для граждан. Иначе говоря, при реализации уголовно-правовых норм воплощается и государственная воля, в них выраженная, и соотнесенная с ней индивидуальная воля непосредственных участников общественных отношений. Согласованность этих волеизъявлений, их общая направленность способствует обеспечению претворения намеченного законодателем и иными правотворческими органами в реальную жизнедеятельность общества. Таким образом, под реализацией уголовно-правовых норм следует понимать воплощение в регулируемых ими общественных отношениях всего того, что в этих нормах заложено их создателем (государством). Общественные

отношения приобретают юридическую форму, становятся значимыми для отрасли уголовного права в тот момент, когда их участники, сообразуя свое поведение / фактическое волеизъявление с предусмотренными в уголовно-правовых нормах правами и обязанностями, совершают правомерное или противоправное деяние. Поэтому, на наш взгляд, реализация уголовно-правовых норм также включает в себя и реализацию предусмотренных ими субъективных прав и юридических обязанностей, которыми наделяются и обладают участники регулируемых отраслью уголовного права общественных отношений.

Представляется, что в зависимости от характера поведения участников общественных отношений, регулируемых уголовно-правовыми нормами, можно выделить несколько различных форм их реализации. В юридической литературе данный вопрос относится к весьма дискуссионным. Так, В. Н. Кудрявцев писал, что запретительные уголовно-правовые нормы реализуются в двух формах: соблюдение, при котором граждане сознательно выполняют требования уголовного закона о несовершении преступлений, и применение, в рамках которого реализуется вторая функция нормы — предоставление права суду на применение к преступнику наказания [1, с. 12]. А. В. Наумов признает три формы реализации права: исполнение гражданами обязанности не нарушать требования, содержащиеся в уголовно-правовой норме; осуществление прав, предоставленных уголовным законом; применение нормы уголовного права к лицу, нарушившему запрет [2, с. 37]. По мнению Ю. Е. Пудовочкина, единственно возможными формами реализации уголовно-правовых норм целесообразно признавать соблюдение, использование и применение; исполнение не входит в данный перечень ввиду специфики содержания соответствующих норм и их социального предназначения [3, с. 133]. Традиционно теоретиками права исполнение правовой нормы трактуется как активное претворение в жизнь возложенных на кого-либо обязанностей, предусмотренных соответствующей нормой. Предусматривают ли уголовно-правовые нормы юридические обязанности для рядовых граждан? Многие нормы исследуемой отрасли предусматривают обязанности для государства в лице его органов и должностных лиц (например, ч. 3 ст. 60, примечание к ст. 126 УК [4] и др.), однако их реализация осуществляется в форме применения. Представляется, что юридические обязанности, как и воля государства, не всегда прямо прописываются в нормативных предписаниях, могут быть выведены логическим путем из их текста, в том числе и сформулированы через запреты. Каждая запретительная уголовно-правовая норма возлагает на граждан юридическую обязанность воздержи-

ваться от противоправного поведения, описанного в ее диспозиции, не совершать соответствующих преступных деяний, запрещенных уголовным законодательством. Следовательно, при согласовании своего поведения с требованиями уголовно-правовых норм гражданин одновременно и соблюдает их, и может исполнять, так как в данном случае его проактивность заключается в том, что он не просто воздерживается от преступного поведения (в силу привычки, из-за страха уголовного преследования и т. п.), а осознанно в силу развитого правосознания, убежденности демонстрирует социально-активное правомерное поведение.

Еще более ясно возможность выделения такой формы реализации для уголовно-правовых норм, как исполнение, можно проследить на примере юридической обязанности лиц, совершивших преступление, подвергнуться уголовной ответственности, быть осужденными, наказанными и пребывать в состоянии судимости. Данная юридическая обязанность опосредованно закреплена в тексте уголовного законодательства и иных формально-юридических источниках отрасли (ст. 4, ч. 1 ст. 5, ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 7, ст. 8, 43, ч. 1 ст. 86 и др. УК, в п. 5.1, 5.2, 5.9 и др. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» [5]). Исполняя данную юридическую обязанность, правонарушитель участвует тем самым в реализации уголовно-правовых норм или их части (в данном случае санкции). По мнению Ю. Е. Пудовочкина, в данном случае исполнение уголовно-правовой нормы отождествляется с исполнением решения суда, является продолжением применения правовой нормы [3, с. 133]. Однако юридическая обязанность подвергнуться уголовной ответственности, быть осужденным возникает до вынесения обвинительного приговора суда и, соответственно, начинает исполняться в процессе осуществления правоприменительной деятельности государством. Параллельное существование двух форм реализации уголовно-правовых норм несколько не умаляет их самостоятельности. По аналогии с другой формой реализации уголовно-правовых норм — использованием — осуществление индивидуумом права на необходимую оборону всегда впоследствии сопровождается властной деятельностью следственных органов, направленной на установление соответствующего обстоятельства, исключения преступности содеянного, и вынесением в связи с этим особого индивидуально-правового акта, т. е. применением уголовно-правовой нормы.

На наш взгляд, представляется возможным указать еще одну специфичную лишь для реализации уголовно-правовых запретительных норм форму — несоблюдение, которая имеет место при нарушении уголовно-правовых запретов гражданами, которые

вместо того, чтобы воздержаться от запрещенных видов поведения, предусмотренных соответствующими нормами, совершают противоправные и уголовно наказуемые деяния, игнорируют требования уголовного законодательства. Чаще всего несоблюдение уголовно-правовых норм гражданами влечет за собой их применение со стороны уполномоченных государством органов и должностных лиц, т. е. проявляется специфичная организационно-правовая форма государственной деятельности, направленная на реализацию правовых предписаний уголовно-правового характера в жизнь уже со стороны государства и его органов, должностных лиц. Однако в случае совершения латентных преступлений, на наш взгляд, имеет место именно несоблюдение соответствующих уголовно-правовых норм. Представляется, что в таких случаях реализация уголовно-правовой нормы в поведении конкретного физического лица состоялась, было совершено деяние, содержащее в себе все признаки, предусмотренные запретительной нормой, только воплотилась данная норма в реальные общественные отношения не в том виде, в каком желало государство, а сугубо в соответствии с индивидуальной волей лица, совершившего преступление. Получается, что реализация уголовно-правовой запретительной нормы в форме несоблюдения ее гражданами в отдельных случаях (например, при совершении латентных, не выявленных преступлений) не влечет за собой ни реализации уголовной ответственности (при ее объективном возникновении), соответственно, ни исполнения юридических обязанностей правонарушителя, ни правоприменения.

Совокупность различных результатов действия отрасли уголовного права и множества факторов внешней среды приводят к возникновению правовых и иных последствий, которые являются важнейшим элементом юридического эффекта. Учитывая обозначенный подход, рассмотрим подробнее составные части юридического эффекта функционирования российского уголовного права.

Прежде всего, юридический эффект выражается в том, что системообразующие элементы отрасли представляют собой определенные правовые явления, которые создают предпосылки для реализации прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц в уголовно-правовой сфере, исполнения соответствующих обязанностей гражданами и должностными лицами, соблюдения положений иноотраслевых правовых актов или осуществления каких-либо юридически значимых действий. Системообразующие элементы российского уголовного права предусматривают потенциал реализации прав и исполнения обязанностей через практическую деятельность людей — через соблюдение / несоблюдение, применение,

использование, исполнение. Как правило, отрасль уголовного права создает гарантии и необходимые условия для осуществления прав и использования законодательно предусмотренных возможностей их реализации в соответствующей сфере общественных отношений. Таким образом, отраслевой системой формируются необходимые условия и возможности для реализации прав и свобод граждан, возникновения / изменения правоотношений в сфере борьбы с преступностью.

Влияние и изменения, к которым приводит действие отрасли уголовного права, являются составной частью юридического эффекта. Данное действие можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, с «формальной» точки зрения, действие данной отрасли права можно рассматривать с момента возникновения юридической силы у ее формально-юридических источников. Во-вторых, с «реальной» точки зрения, акцентируется фактическая способность вышеуказанной отрасли оказывать юридически значимое действие (влияние на общественные отношения), выступать в качестве социального регулятора или применяться при разрешении конкретного уголовного дела, жизненного случая, определенной правовой ситуации (действие отрасли, заключающееся в использовании прав или исполнении обязанностей, предусмотренных уголовно-правовыми нормами или во властном применении соответствующих нормативных положений специально уполномоченными на то субъектами).

Комплексное действие системообразующих элементов уголовного права можно охарактеризовать как способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном направлении, заданном государственной волей, способствовать достижению поставленных государством целей. Уголовно-правовое регулирование, отражая динамическую роль отраслевых элементов, организует поведение участников уголовных правоотношений и заставляет их действовать активно в соответствии с возлагаемыми на них обязанностями. Отрасль уголовного права стимулирует определенное желаемое поведение через установление уголовно-правовых запретов и мер уголовной ответственности, а также иных уголовно-правовых последствий за их нарушение, закрепляя юридические обязанности и субъективные права участников уголовных правоотношений.

С понятием юридического эффекта функционирования отрасли уголовного права тесно связаны показатели эффективности / неэффективности уголовно-правового воздействия. Сущность определения эффективности любого управленческого решения состоит в сопоставлении фактически достигнутого с его помощью и намеченного результата (цели) [6, с. 28]. Поэтому эффективность уголовно-правового

воздействия можно рассматривать как соотношение между фактическим результатом действия отрасли уголовного права и теми целями, которые поставлены перед соответствующей отраслью государством.

Несмотря на то что отраслевые цели не закреплены в отечественном уголовном законодательстве, проведенный опрос (было опрошено 539 специалистов в области уголовного права, из них — 135 судей и их помощников; 106 прокурорских работников; 177 следователей; 75 дознавателей и 46 преподавателей и научных работников Самарской области и других субъектов РФ) позволил выявить две главные цели российского уголовного права — обеспечение безопасного сосуществования людей в обществе и поддержание правопорядка в стране [7, с. 39].

Очевидно, что фактический результат действия отрасли уголовного права — это урегулированная общественная деятельность, поведение людей в соответствии с волей государства, о чем следовало бы судить по статистическим данным, характеризующим показатели преступности, в том числе коэффициентам преступной интенсивности, преступной активности и динамике преступности, темпам ее прироста или сокращения. Однако, по мнению криминологов, в Российской Федерации совершается преступлений в несколько раз больше, чем регистрируется, число обращений граждан в правоохранительные органы за последние годы возросло на 10 млн, ежегодный прирост количества соответствующих заявлений граждан составляет порядка 1 млн [8]. Иначе говоря, официальные статистические данные не являются «надежным помощником» при определении степени эффективности уголовно-правового воздействия на территории Российской Федерации.

Для того чтобы иметь достаточно объективное представление об эффективности российского уголовного права, необходимо обратиться к мнению населения по данному вопросу, выяснить степень его согласия с достижением отраслевых целей. Проведенные опросы 552 граждан по шкале Лайкерта (специальная методика, которая выражает степень согласия или несогласия респондентов с рядом утверждений, что, в свою очередь, позволяет оценить с максимальной точностью оценочных значений уровень эффективности функционирования отрасли российского уголовного права и степень удовлетворенности этим процессом российских граждан) свидетельствуют о том, что 44,2 % опрошенных нами граждан считают, что российское уголовное право в большинстве случаев обеспечивает безопасное сосуществование людей в обществе; 34,4 % — уголовное право в большинстве случаев не обеспечивает этого; 14,5 % — затруднились с ответом; 3,6 % опрошенных полагают, что исследуемая отрасль права совершенно не обеспечивает достижение вышеуказанной цели,

и 3,3 % респондентов указывают на максимальное достижение данной отраслевой цели.

Относительно достижения второй отраслевой цели были получены следующие данные: 60,2 % опрошенных граждан считают, что российское уголовное право в большинстве случаев обеспечивает поддержание правопорядка в стране; 26,5 % — уголовное право в большинстве случаев не обеспечивает поддержание правопорядка в стране; 10,8 % — затруднились с ответом; 1,8 % опрошенных полагают, что исследуемая отрасль права совершенно не обеспечивает достижение вышеуказанной цели, и 0,4 % респондентов указывают на максимальное достижение отраслевой цели [7, с. 340].

Таким образом, примерно треть опрошенных граждан считает, что российское уголовное право недостаточно эффективно, а, следовательно, это «тревожный сигнал» законодательным и правоприменительным органам о том, что отраслевая система нуждается в определенных мерах по совершенствованию и реорганизации, способствующих повышению юридического эффекта ее действия, увеличению результативности процессов ее функционирования.

Однако юридический эффект функционирования российского уголовного права характеризуется не только процессами реализации отраслевых элементов и достижения вышеуказанных целей, но и влиянием на индивидуальное, групповое, общественное сознание и поведение. Д. А. Керимов указывал на то, что «действие — это не всегда еще реализация права, но во всех случаях юридическая возможность такой реализации» [9, с. 171]. Другими словами, функционирование уголовного права может иметь определенный латентный (скрытый) эффект. Если оно не влечет фиксируемых изменений в правовой системе или социальной среде, то оно может удовлетворять определенные потребности общества путем официального выражения каких-либо важных принципов, идеалов. Такого рода действие отрасли можно определить как «символический эффект». Благодаря определению направлений развития общественных отношений (или как в большинстве случаев уголовно-правового воздействия — указания вариантов недопустимых или нежелательных направлений развития) могут быть предотвращены различные социальные и иные конфликты. Так, в специальной литературе указывалось на существование «спящих» уголовно-правовых норм в российском уголовном праве — они определяются как нормы, целесообразность и необходимость которых не вызывает сомнений, однако не применяются по причине объективно редчайшего совершения описанных в них преступлений, тем не менее они выполняют важную предупредительную роль [10, с. 7]. К данным нормам можно отнести уголовно-правовые нормы об ответственности

за преступления против мира и безопасности человечества, пиратство и некоторые другие.

Кроме того, юридический эффект функционирования уголовно-правовой отрасли не ограничивается достижением или недостижением планируемых государством результатов. В связи с тем, что уголовно-правовые нормы, субинституты, институты и уголовно-правовые отношения образуют систему и действуют комплексно, правовое воздействие под влиянием других правовых явлений и ряда факторов может иногда привести к непредвиденным результатам. Зачастую побочные результаты не входят в планы правотворческих органов и не учитываются при совершенствовании системы российского уголовного права. Такого рода косвенные результаты действия отрасли могут носить положительный, нейтральный или отрицательный характер. Если первые два являются относительной редкостью, то косвенные результаты отрицательного характера выявляются достаточно часто. Так, непредвиденным косвенным результатом введения Федеральным законом от 13.02.2009 № 20-ФЗ [11] новых квалифицирующих признаков в ст. 264 УК стало создание преимущественного положения для лиц, управлявших транспортными средствами в состоянии опьянения, нарушивших правила дорожного движения и скрывшихся с места ДТП, по сравнению с лицами, управлявшими транспортными средствами и оставшимися на месте ДТП, в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежало образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Ибо последние оказываются в неравном (худшем) положении по сравнению с лицами, скрывшимися с места ДТП, в их отношении возможность подтвердить состояние опьянения на момент совершения преступления в соответствии с п. 2 примечаний к ст. 264 УК фактически утрачивается. Данный дискриминационный просчет законодателя был выявлен только в 2018 г. Конституционным Судом РФ, который постановил устранить выявленные неконституционные аспекты уголовно-правового регулирования соответствующих общественных отношений (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» [12]).

Представляется целесообразным заранее просчитывать возможные «побочные» результаты функционирования отрасли российского уголовного

права и определять их характер с тем, чтобы эти последствия в дальнейшем становились предвиденными и могли оказывать только благоприятное влияние на государственную защиту прав и свобод граждан, на правовую и социальную системы в целом. Такого рода прогностические работы, на наш взгляд, были бы под силу специальным комиссиям криминологов, которые следует сформировать из авторитетных ученых и официально закрепить за каждым государственным органом, обладающим правом законодательной инициативы и (или) осуществляющим правоприменительную деятельность в сфере противодействия преступности. Данные комиссии осуществляли бы обязательное криминологическое сопровождение законопроектов, имеющих отношение к отраслям уголовно-правового цикла (в форме заключений), проводили бы эмпирические исследования правоприменительной деятельности в сфере противодействия преступности и формулировали бы свои выводы в ежегодных отчетах соответствующих государственных органов, в необходимых случаях давали бы квалифицированные ответы по поставленным перед ними вопросам.

Подытоживая вышеизложенное, можно заключить, что юридический эффект функционирования отрасли уголовного права представляет собой совокупность различных изменений, полученных вследствие комплексного влияния ее системобразующих элементов (уголовно-правовых норм, субинститутов, институтов и уголовно-правовых отношений) на правовую систему государства и существующие в социуме отношения. Результаты функционирования уголовного права выражаются не только в наступлении определенных правовых и социальных последствий, следует еще выделить так называемый символический эффект, заключающийся в официальном выражении и признании со стороны государства каких-либо идей, установок, ориентиров. Кроме того, уголовно-правовое регулирование зачастую приводит к возникновению непредвиденных «побочных» результатов, которые не учитывались правотворческими органами при совершенствовании уголовно-правовых норм, однако оказывают серьезное влияние на правоприменительную деятельность и качество государственной защиты прав и свобод граждан на территории РФ. Сформулирован вывод о целесообразности проведения «прогностических работ» специальными комиссиями криминологов, которые следует создать при государственных органах, обладающих правом законодательной инициативы и осуществляющих правоприменительную деятельность в сфере противодействия преступности.

Пристатейный библиографический список

1. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999.
2. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). Волгоград, 1973.
3. Пудовочкин Ю. Е. Учение об уголовном законе. М., 2014.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Рос. газ. 2011. 30 дек.
6. Гутштейн А. И. Кибернетика в экономическом регулировании производства. М., 1972.
7. Денисова А. В. Системность российского уголовного права. М., 2018.
8. Стенограмма научно-практического семинара «Какая криминология сегодня нужна стране? (проблемы преподавания и практического применения)» (НИУ ВШЭ, 19 апреля, 2011 г.) // Научная сеть [Crimpravo.ru](http://www.crimpravo.ru) : сайт. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/conference/1885.html> (дата обращения: 01.07.2018).
9. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972.
10. Бабаев М., Пудовочкин Ю. «Мертвые нормы» в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6.
11. Рос. газ. 2009. 18 февр.
12. Рос. газ. 2018. 11 мая.

References

1. Kudryavtsev V. General theory of the qualification of crimes. M., 1999.
2. Naumov A. Application of the norms of criminal law (based on materials of the investigatory and prosecutorial-judicial practice). Volgograd, 1973.
3. Pudovochkin Yu. The doctrine of the criminal law. M., 2014.
4. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ // SZ RF. 1996. № 25. Art. 2954.
5. Russian newspaper. 2011. December 30th.
6. Gutshtein A. Cybernetics in the economic regulation of production. M., 1972.
7. Denisova A. The systemic nature of Russian criminal law. M., 2018.
8. Transcript of the scientific practice-oriented seminar "What kind of criminology does the country need today? (problems of teaching and practical application)" (HSE, April 19, 2011). [Crimpravo.ru](http://www.crimpravo.ru) : site. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/conference/1885.html>.
9. Kerimov D. Philosophical problems of law. M., 1972.
10. Babayev M., Pudovochkin Yu. "Dead" norms in the Criminal Code: problems and solutions // Criminal law. 2010. № 6.
11. Russian newspaper. 2009. February 18.
12. Russian newspaper. 2018. May 11th.

ВОПРОСЫ КОМПЕТЕНЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Актуальность статьи связана с тем, что в настоящее время отсутствует единая нормативно-правовая регламентация компетенции различных государственных инспекций, что не позволяет выделить общий подход к содержанию их компетенции. Предмет статьи составляют правовые нормы законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих цели, задачи, функции, полномочия, организационные и правовые формы и методы деятельности федеральных государственных инспекций. Цель статьи состоит в научном обобщении нормативно-правового регулирования правового статуса федеральных государственных инспекций для выявления сходства и различия в содержании их компетенции. При подготовке статьи использованы общие и частные научные методы познания объективной действительности, к которым относятся анализ, синтез, абстрагирование, формально-юридический метод, а также иные методы научного познания. В результате проведенного исследования сформулирована авторская позиция о том, что федеральные государственные инспекции представляют собой органы, в чью компетенцию входит как осуществление государственного контроля и надзора, обеспечение безопасности, законности и правопорядка, так и иных второстепенных функций, которые обусловлены целями и задачами данных органов. В качестве вывода сформулировано предложение о совершенствовании компетенции государственных инспекций, которое видится в устранении терминологических неточностей в нормативных актах, определяющих их цели, задачи, функции и полномочия.

ГАВРИЛКИНА

Юлия Владимировна

соискатель кафедры административного и муниципального права СГЮА, советник министра Саратовской области — руководителя представительства Правительства Саратовской области при Правительстве РФ (г. Саратов), yulya.gavrilkina@mail.ru.

**Федеральные государственные инспекции;
государственный контроль и надзор, компетенция, органы исполнительной власти, территориальные органы**

Yuliya V.

GAVRILKINA

the post graduate of the Administrative and Community Law Chair of the Saratov State Academy of Law, the advisor to the Minister of Saratov region — head of the Government office of Saratov region under the Government of the Russian Federation (Saratov), yulya.gavrilkina@mail.ru.

**Federal state inspectorates;
state control and supervision;
competence;
Executive authorities;
territorial bodies**

ISSUES OF THE FEDERAL STATE INSPECTORATES COMPETENCE

The relevance of the article arises from the fact that there is currently no single legal regulation of various state inspectorates competences, which does not allow to identify a common approach to the sphere of their competence. The subject of the study is the legal norms of legislative and subsidiary regulatory legal acts that regulate the goals, tasks, functions, powers, organizational and legal forms and methods of federal state inspectorates. The aim of the article is to summarize scientifically the legal regulation of the Federal state inspectorates status to identify similarities and differences in the spheres of their competence. While preparing the article the author applied general and specific scientific methods including analysis, synthesis, abstraction, formal legal method and other methods of scientific knowledge. Concluding the research, the author states that the Federal state inspectorates are the bodies whose competence includes not only the implementation of state control and supervision, provision of security, law and order, but also a number of secondary functions which are determined by the goals and tasks of these bodies. As a conclusion it is proposed to improve the competence of state inspectorates, specifically to eliminate terminological inaccuracies in regulations that define the inspectorates' goals, tasks, functions and powers.

УДК 342.51

Исследование вопросов компетенции имеет особое значение для тех органов, которые обладают правом применения мер административного принуждения, полномочиями по предупреждению, пресечению правонарушений и привлечению виновных лиц к административной ответственности. Самостоятельность этих органов, в том числе федеральных государственных инспекций, ограничивается пределами, которые устанавливаются государством путем наделения их соответствующей компетенцией.

Отсутствие в Указе Президента РФ от 15.05.2015 № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [1] понятия «государственные инспекции» порождает вопросы о месте данных органов в системе федеральных субъектов государственного управления. Для того чтобы понять сущность данных органов, следует обратить внимание на то, какие общие цели, задачи и функции выполняют данные органы, каковы их полномочия, организационные и правовые формы и методы деятельности.

Цели, задачи и функции, которые выполняют данные органы, являются одними из ключевых моментов для понимания административно-правовых основ их компетенции. Понятие цели согласно толковому словарю представляет собой то, что необходимо или желательно осуществить, предмет стремления. Под задачей понимается вопрос или проблема, которые требуют решения или разрешения. Задачи представляют собой «суть цели» [2, с. 43], достижение которой необходимо государственному органу. Под функцией понимаются круг деятельности, работа, которая осуществляется органом. Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих статус государственных инспекций, показывает, что в них имеется терминологическая путаница, в которой одно понятие фактически представлено в качестве другого, не тождественного с ним. Например, в п. 11 Положения о Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденного постановлением Правительства РФ от 23.12.2004 № 835 [3], (далее — Положение о ГИМС МЧС России) некоторые функции данного органа представлены в качестве обязанностей. В связи с этим одно из направлений совершенствования компетенции государственных инспекций видится в устранении терминологических неточностей в нормативных актах [4, с. 244–250].

Следует отметить, что цель является одним из важнейших системообразующих элементов, который является определяющим признаком любого управляющего воздействия [5, с. 380]. Таким

образом, цели любых государственных органов, в том числе государственных инспекций, являются важным элементом их статуса, который, тем не менее, не регламентирован должным образом.

Так, например, согласно п. 2 Положения о ГИМС МЧС России деятельность данного органа государственной власти осуществляется в целях «охраны жизни, здоровья и имущества граждан, защиты их прав и законных интересов, а также интересов общества и государства». Согласно официальной политике данного органа основной целью Госавтоинспекции является обеспечение безопасности участников дорожного движения. Она осуществляется по двум направлениям: повышение эффективности деятельности данного органа и снижение количества лиц, пострадавших в ДДП. Следует отметить, что в указанном Положении прямая регламентация целей не содержится. Однако, исходя из толкования понятия «цель», видится, что перед данным органом поставлены именно вышеуказанные цели.

В других положениях об инспекциях также, как правило, не перечисляются цели. Вместе с тем если исходить из определения понятий целей и задач, поставленные перед данными органами, отчасти обозначены в задачах, что характерно для Положения о ГИМС МЧС России. Согласно п. 4 данного Положения можно обозначить следующие цели ГИМС МЧС России: совершенствование государственного и технического надзора в установленной сфере деятельности и обеспечение безопасности людей на водных объектах.

Если обратиться к мнению М. А. Лапиной о целях государственного управления, то можно отметить, что вышерассмотренные цели государственных инспекций раскрыты не в полном объеме [6, с. 21–25]. Так, к целям государственного управления, по мнению ученого, относятся социально-экономические, политические, обеспечительные, организационно-правовые цели. Государственные инспекции, будучи частью системы органов государственного управления, также должны обеспечивать достижение вышерассмотренных целей.

Таким образом, можно отметить, что общей для всех государственных инспекций целью является обеспечение экономической, общественной и иных видов безопасности, соблюдение законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, совершенствование правовой системы, общества и государства и т. д. Помимо этого, защита основ конституционного строя, обеспечение территориальной целостности и безопасности Российской Федерации также могут быть рассмотрены как цели данных органов [7, с. 52]. Вместе с тем следует указать, что в связи с особенностями деятельности, осуществляемой государственными инспекциями, главенствующие цели данных

органов заключаются в обеспечении безопасности, законности и правопорядка.

Некоторые государственные инспекции в своей деятельности могут преследовать и иные специфические цели, например исправление осужденных, правовое и нравственное воспитание граждан, профилактика правонарушений.

С другой стороны, задачи, которые поставлены перед государственными инспекциями, как правило, обозначены весьма подробно. Например, согласно п. 4 Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и нормативах их штатной численности, утвержденного постановлением Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 [8], (далее — Положение об УИС) к задачам данных инспекций относятся: исполнение уголовных наказаний; контроль поведения осужденных и лиц, имеющих статус подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления; предупреждение преступлений и иных правонарушений и иные задачи.

Также ряд задач поставлен и перед ГИМС МЧС России. К ним относятся обеспечение безопасности человека на водных объектах и осуществление государственного контроля в установленной сфере деятельности.

Согласно ст. 355 ТК [9] основными задачами Федеральной инспекции труда являются: защита и обеспечение соблюдения трудовых прав и свобод граждан; обеспечение соблюдения норм трудового права со стороны работодателей; доведение до сведения компетентных органов о фактах нарушения законодательства, ответственность за нарушение которого наступает не по нормам трудового права; доведение до участников трудовых отношений информации о средствах и методах соблюдения норм трудового права.

Таким образом, рассмотрев ряд задач, стоящих перед государственными инспекциями, можно отметить, что общей для всех органов данного типа является задача осуществления государственного контроля и надзора, а также применение мер административного принуждения. Исследование нормативных источников, регламентирующих статус данных органов, не позволяет в полной мере сформировать представление о задачах, которые стоят перед ними. Более полное раскрытие их статуса возможно путем обращения к теории управления. Так, например, Ю. Н. Старилов [10, с. 163–165] выделяет ряд задач, которые могут быть характерны и для государственных инспекций. Такие задачи, как обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, защита прав и свобод граждан, создание кадровой базы органов, регулирование общественных процессов, относящихся к установленной сфере деятельности, могут относиться и к государственным инспекциям.

В свою очередь, категория функции нашла широкое закрепление в нормативных правовых актах,

регламентирующих статус государственных инспекций. Понятие функции не сводится к таким терминам, как права и обязанности [11, с. 50]. Функция государственного органа — это его назначение в государственном механизме [2, с. 41].

Например, согласно п. 5 Положения о ГИМС МЧС России последняя осуществляет следующие функции: организация контроля и надзора в установленной сфере деятельности; разработка правил классификации маломерных судов; классификация, освидетельствование, государственная регистрация и учет маломерных судов, выдача документов на маломерные суда и др.

Таким образом, можно отметить, что осуществление государственного контроля и надзора является одной из первостепенных функций. Данная функция определяет сущность данных органов. Контрольно-надзорная деятельность была приоритетным направлением функционирования государственных инспекций в период существования Союза ССР. Для ее осуществления предназначалось абсолютное большинство государственных инспекций. Однако в ряде случаев предусматривалась реализация ими функций государственного надведомственного контроля, которые выполнялись прежде всего рабоче-крестьянскими инспекциями (см. Декрет ВЦИК от 08.02.1920 «О Рабоче-Крестьянской Инспекции (Положение)» [12]).

Выполнение контрольно-надзорных функций характеризует государственные инспекции, создаваемые не только в Российской Федерации, но и в зарубежных государствах. Например, государственные инспекции Республики Беларусь осуществляют значительный объем полномочий в рамках контрольно-надзорной деятельности, применяя широкий спектр мер административного принуждения предупредительного, пресекающего и административно-наказательного характера. В частности, должностные лица ГАИ МВД Республики Беларусь вправе выдавать организациям и гражданам обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений законодательства в области дорожного движения; останавливать транспортные средства, самоходные машины и проверять их техническое состояние; направлять на освидетельствование водителей транспортных средств на предмет употребления алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ; осуществлять административное задержание граждан, совершивших административное правонарушение, их личный обыск, досмотр находящихся при них вещей, транспортных средств и иные процессуальные действия в рамках производства по делам об административных правонарушениях (см. постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31.12.2002 № 1851 «Об утверждении Положения о Государственной автомобильной ин-

спекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь» [13]).

Вместе с тем, помимо осуществления государственного контроля и надзора, данные органы могут осуществлять и иные функции. Так, среди функций государственного управления обычно выделяют планирование, анализ ситуаций, прогнозирование, программирование, информационное обеспечение, регулирование, организацию, координацию, контроль [14, с. 8–12]. В то же время государственные инспекции не могут осуществлять функции по разрешению споров, что отражается в судебной практике. Так, Московский городской суд в апелляционном определении от 24.08.2015 по делу № 33-29858/2015 [15] указал, что трудовые споры, в том числе неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, не входят в компетенцию Государственной инспекции труда и подлежат рассмотрению в судебном порядке.

В научной литературе высказываются мнения о том, что государственные инспекции должны осуществлять только контрольно-надзорные функции и иные функции, связанные с обеспечением безопасности в установленной сфере деятельности. Например, В. В. Головкин, О. И. Бекетов, В. И. Майоров справедливо полагают, что Госавтоинспекция обладает рядом функций, которые ей не свойственны [16, с. 47]. Они считают, что такие функции, как подготовка и обучение водителей, принятие экзаменов, могут быть изъяты из компетенции Госавтоинспекции и переданы другим органам. Ученые полагают, что главными функциями данной инспекции должны быть осуществление государственного контроля и надзора, а также обеспечение безопасности в установленной сфере деятельности.

Функции государственных инспекций по контролю и надзору являются универсальными [17, с. 11]. Данный характер их функций заключается в том, что инспектирование осуществляется в рамках установленной сферы деятельности и может производиться на объектах, контролируемых иными органами. Например, инспекции труда осуществляют проверку соблюдения норм трудового законодательства на объектах, которые могут быть подконтрольны иным службам или инспекциям.

Реализация функций возможна, если орган наделен достаточными полномочиями [11, с. 50]. Под термином «полномочия» следует понимать права и обязанности органа [18, с. 22; 19, с. 571]. Таким образом, определение прав и обязанностей государственных инспекций представляет собой еще один шаг к определению компетенции данных органов, а также их сущности.

Так, например, обязанности Госавтоинспекции предусматриваются в п. 11 Положения о ГИМС МЧС России. Госавтоинспекция обязана: осуществлять государственный контроль и надзор в установленной сфере деятельности; принимать квалификационные экзамены, осуществлять выдачу удостоверений; осуществлять регистрацию и учет подконтрольных объектов; организовывать и проводить государственный технический осмотр; регулировать дорожное движение; участвовать в мероприятиях по охране общественного порядка и обеспечивать общественную безопасность; применять меры государственного принуждения; осуществлять производство по делам об административных правонарушениях и др.

Несколько иным объемом прав и обязанностей обладает федеральная инспекция труда. Так, согласно ст. 356 ТК к основным обязанностям данной инспекции относится осуществление федерального государственного надзора в установленной сфере деятельности, неразглашение охраняемой законом тайны, а также сведений о лице, подавшем жалобу, на основании которой осуществляется контрольно-надзорная деятельность.

Исходя из вышеперечисленных полномочий ряда государственных инспекций, можно отметить, что осуществление государственного контроля и надзора (инспектирования), применение мер государственного принуждения, выявление и пресечение правонарушений, включая привлечение виновных к административной ответственности, выдача обязательных для исполнения предписаний об устранении нарушений законодательства и некоторые другие полномочия осуществляются любыми государственными инспекциями. Данные полномочия можно условно назвать общими. Конкретизация этих полномочий государственных инспекций обусловлена их предметом ведения, целями и задачами.

С другой стороны, существуют определенного рода специальные, неповторяющиеся полномочия, которые осуществляются только одной из инспекций. К таковым можно отнести, например, поиск и спасение людей на водных объектах, розыск имущества (транспортных средств) и людей, а также многие другие. Следует отметить, что каждая государственная инспекция обладает собственным узкоспециализированным предметом ведения, задачами, поставленными целями. Кроме того, деятельность государственных инспекций заключается в контроле соблюдения требований определенных норм и институтов, которые содержатся в различных отраслях законодательства, обладающих собственной спецификой. Именно по данной причине полномочия государственных инспекций обладают данными различиями.

Еще одним моментом, заслуживающим внимания, является выявление особенностей полномочий

инспекций, имеющих статус государственных учреждений. Большинство государственных инспекций представляют собой территориальные органы какого-либо министерства или службы, в системе которых они находятся [20, с. 183–186]. Вместе с тем существуют государственные инспекции, которые имеют статус государственных учреждений. Одной из них является уголовно-исполнительная инспекция. Так, согласно п. 1 Положения об УИС данная инспекция является учреждением. В соответствии с п. 7 к его основным обязанностям относятся: ведение учета осужденных; разъяснение данным лицам порядка и условий отбывания наказаний; организация и проведение воспитательных работ; контроль поведения осужденных; проведение мероприятий по розыску условно осужденных; внесение в суды представлений по вопросам отбывания осужденными наказания и освобождения от наказаний; выявление причин и условий, которые способствуют совершению осужденными повторных преступлений, нарушений общественного порядка, трудовой дисциплины, и принятие мер по их устранению.

Таким образом, можно отметить, что полномочия данной инспекции имеют некоторые отличия от полномочий инспекций, которые являются территориальными органами. Основное различие их полномочий определяется подходом к пониманию контроля и надзора. Инспекции, которые являются территориальными органами, проверяют соответствие действий подконтрольных субъектов действующему законодательству. Уголовно-исполнительная инспекция проверяет соответствие поведения заключенных или лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, как законодательству, так и вступившему в силу приговору суда.

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность государственных инспекций, позволяет выявить наличие ряда групп полномочий данных органов. Полномочия государственных инспекций как органов исполнительной власти включают контрольно-надзорные, исполнительно-распорядительные, юрисдикционные (правоохранительные) полномочия, а также осуществление действий, принятие решений, которые влекут юридические последствия [21, с. 217]. К последним можно отнести, например, действия и решения, имеющие целью удовлетворение нужд инспекции, однако полномочия по осуществлению нормотворческой деятельности им не присущи.

В заключение следует отметить, что федеральные государственные инспекции представляют собой органы, в чью компетенцию входит как осуществление государственного контроля и надзора, обеспечение безопасности, законности и правопорядка, так и иных второстепенных функций, которые обусловлены целями и задачами данных органов. Функция осуществления государственного контроля и надзора является характерной особенностью данного вида государственных органов. Можно отметить, что компетенция данных органов обладает как общими элементами, так и особенностями, которые обусловлены целями, задачами и местом данных органов в системе субъектов государственного управления. Особенность компетенции государственных инспекций заключается в том, что данные органы обладают частью компетенции органа, в системе которого они функционируют. Цели, задачи и функции государственных инспекций также включаются в функции, цели и задачи того органа, в системе которого находится инспекция.

Пристатейный библиографический список

1. СЗ РФ. 2018. № 21. Ст. 2981.
2. Ковачев Д. А. Функция, задачи, компетенция и правоспособность государственного органа // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1985. № 4.
3. СЗ РФ. 2004. № 52 (Ч. 2). Ст. 5499; 2013. № 46. Ст. 5949.
4. Муратулы А. Вопросы разработки стандартов исполнения функций в государственных органах // *Вестник университета Туран*. 2015. № 3 (67).
5. Глазунова Н. И. Система государственного управления : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
6. Лапина М. А. Административное право : курс лекций. М. : КонсультантПлюс, 2009.
7. Демидов Ю. Н., Костеников М. В., Куракин А. В. Административная деятельность органов внутренних дел : учебник : в 2 ч. Домодедово : ВИПК МВД России, 2016. Ч. 1 : Общая часть.
8. СЗ РФ. 1997. № 25. Ст. 2947; 2012. № 18. Ст. 2224.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3; 2018. № 7. Ст. 968.
10. Стариков Ю. Н. Курс общего административного права : в 3 т. М. : Норма, 2002. Т. 1 : История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты.
11. Малый А. Ф. Функции органов государственной власти: институционализация правовой категории // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2012. № 4.

12. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 16. Ст. 94.
13. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. № 8, 5/11800.
14. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России : учебник. М. : ИКД «Зерцало-М», 2013.
15. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 августа 2015 г. по делу № 33-29858/2015 // Гарант.ру: сайт. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/137879155/> (дата обращения: 14.11.2018).
16. Головки В. В., Бекетов О. И., Майоров В. И. Реформирование контрольно-надзорных функций Государственной инспекции безопасности дорожного движения: история и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2 (61).
17. Попова О. И. Место и роль государственных инспекций труда в системе государственного надзора и контроля Российской Федерации : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
18. Авакян С. А. Правовое регулирование деятельности Советов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1993.
20. Чиркова А. А. Понятие территориального органа государственной власти // Известия БГУ. 2011. № 6.
21. Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учебник. 4-е изд. М. : Норма, 2009.

References

1. Collected legislation of the Russian Federation. 2018. № 21. Art. 2981.
2. Kovachev D. A. Function, tasks, competence and legal capacity of the state body // Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence. 1985. № 4.
3. Collected legislation of the Russian Federation. 2004. № 52 (P. 2). Art. 5499; 2013. № 46. Art. 5949.
4. Muratuly A. Issues of developing the standards of performing the functions in state bodies // Bulletin of the University of Turan. 2015. № 3 (67).
5. Glazunova N. I. The system of public administration: textbook for universities. M., 2003.
6. Lapina M. A. Administrative law: a course of lectures. M., 2009.
7. Demidov Yu. N., Kostennikov M. V., Kurakin A. V. Administrative activities of internal affairs agencies : textbook : in 2 parts. P. 1 : Common part. Domodedovo, 2016.
8. Collected legislation of the Russian Federation. 1997. № 25. Art. 2947; 2012. № 18. Art. 2224.
9. Labour code of the Russian Federation of 30 December 2001 № 197-FZ (as amended on 5 February 2018) // Collected legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (P. 1). Art. 3; 2018. № 7. Art. 968.
10. Starilov Yu. N. General administrative law course : in 3 vol. I : History. Science. Object. Standards. Subjects. M., 2002.
11. Malyy A. F. The functions of state authorities: the institutionalisation of legal categories // Scientific proceedings of Kazan University. Series: Humanities. 2012. № 4.
12. Assembly of laws and regulations of the Workers' and Peasants' government of the RSFSR. 1920. № 16. Art. 94.
13. National register of legal acts of the Republic of Belarus. 2003. № 8, 5/11800.
14. Alekhin A. P., Karmolitskiy A. A. Administrative law of Russia : textbook. M., 2013.
15. Appellate decision of the Moscow city court of August 24, 2015 in the case No. 33-29858/2015 // Garant.ru : site. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/1b078dd3-c109-48d2-b3ac-4a11c4b7a105?caseNumber=33-29858/2015> (date of application: 22.08.2018).
16. Golovko V. V., Beketov O. I., Mayorov V. I. The reform of control and supervisory functions of the State inspection of road safety: history and prospects // Scientific Bulletin of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2 (61).
17. Popova O. I. Place and role of the labour state inspectorates in the system of state supervision and control of the Russian Federation : abstract ... candidate of legal sciences. M., 2009.
18. Avakyan S. A. Legal regulation of activity of Soviets. M., 1980.
19. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Russian definition dictionary. M., 1993.
20. Chirkova A. A. The concept of territorial body of state authority // Proceedings of Belgorod State University. 2011. № 6.
21. Rossinsky B. V., Starilov Yu. N. Administrative law: textbook. M., 2009.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАНДАРТОВ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ ИЛИ ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ?

ДИК

Максим Александрович
проректор ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва),
dma@rpa-mjust.ru.

Актуальность исследования обусловлена модернизацией законодательства в сфере образования, необходимостью преодоления коллизий и пробелов действующих федеральных базисных учебных планов для всех уровней общего образования и требований федерального компонента государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования.

Предметом научной работы является действующее законодательство, регламентирующее механизм стандартизации начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования. Поставлена цель выявить недостатки правового регулирования сферы общего образования, сформулировать предложения, направленные на совершенствование государственного образовательного стандарта и требований федерального базисного учебного плана общего образования.

Используя метод анализа и синтеза, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, автор пришел к выводу о том, что требования федеральных базисных учебных планов для всех уровней общего образования к структуре и составу учебных планов и требования федерального компонента государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования к минимальному содержанию основных образовательных программ являются обязательными к исполнению в части, не противоречащей предписаниям вновь изданных федеральных государственных образовательных стандартов, всеми без исключения образовательными учреждениями Российской Федерации, реализующими программы общего образования.

**Правосознание;
правовое поведение;
правовой нигилизм;
общее образование;
Федеральный базисный
учебный план;
федеральные государственные
образовательные стандарты**

**Maxim A.
DIK**

the vice-rector of the All-Russian
State University of Justice
(Moscow),
dma@rpa-mjust.ru.

PROBLEMS OF APPLICATION OF GENERAL EDUCATION STANDARDS: LEGAL NIHILISM OR VICIOUS CIRCLE?

The relevance of the study stems from the modernisation of legislation in the field of education, the need to overcome the conflicts and gaps of the existing federal basic curricula for all levels of general education and of the requirements of the federal component of the state educational standards of primary, basic general and secondary general education.

The subject of research is current legislation regulating the mechanism of standardisation of primary general, basic general and secondary general education. The aim of the research is to identify the weaknesses of legal regulation in the sphere of general education, to formulate proposals to improve the state educational standard and the requirements of the federal basic curriculum of general education.

Applying the methods of analysis and synthesis, comparative legal and formal legal methods, the author comes to the conclusion that the requirements of the federal basic curricula for all levels of general education to the structure and composition of curricula, and the requirements of the federal component of the state educational standards of primary general, basic general and secondary general education to the minimum content of the basic educational programs are mandatory in so far as it does not contradict the requirements of the newly issued federal state educational standards, and for all educational institutions of the Russian Federation, implementing general education programs.

**Legal consciousness;
legal behavior;
legal nihilism;
general education;
federal basic curriculum;
federal state educational
standards**

УДК 37.01

Повышение уровня правового сознания и правового поведения в обществе является одной из важных стратегических задач государства. Усилия, направляемые государством на постоянную работу по повышению правосознания и правового просвещения граждан, отражены во многих научных изысканиях, монографиях, статьях и проводимых научно-практических конференциях в настоящее время [1, с. 67–71].

Появление в 2004 г. в Федеральном базисном учебном плане (далее — ФБУП) [2] предмета «право» явило собой насущную потребность в преподавании этой науки на уровне общего образования. Предмет «право» на основании ФБУП должен преподаваться как отдельно, так и в составе компонентного предмета «обществознание». В 2014 г. органы государственной власти в целях развития в обществе правомерного поведения граждан, преодоления правового нигилизма, поддержания устойчивого уважения к закону принимают государственную программу Российской Федерации «Юстиция» [3]. Однако в настоящее время мы наблюдаем незаслуженное исключение этого предмета из учебных планов общего образования. «Во-первых, на сегодняшний день право является дисциплиной по выбору и на практике преподается далеко не во всех школах. В связи с этим большинство подростков не имеют даже малейшего представления о своих правах, обязанностях и ответственности» [4, с. 103].

В определении Верховного Суда РФ от 20.05.2009 № 74-Г09-7 [5] отмечается, что государственные образовательные стандарты (далее — ГОС) признаны утратившими силу в связи с внесением от 01.12.2007 изменений в Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» [6]: «Государственные образовательные стандарты признаны утратившими силу в связи с внесением ч. 3, пп. “б” ч. 13 ст. 1 Федерального закона от 01.12.2007 № 309-ФЗ изменений в ст. 7, пп. 8 п. 1 ст. 29 Закона РФ “Об образовании”». Таким образом, до разработки и введения в действие в начале 2010 г. федеральных государственных образовательных стандартов (далее — ФГОС) начального общего образования ГОСы были уже отменены. Но вот о каких именно ГОСах идет речь?

Основой для разработки ГОСов был Закон «Об образовании». Были разработаны и утверждены ГОСы для высшего профессионального [7] и среднего профессионального образования [8]. На основании ст. 7 Закона РФ «Об образовании» в ГОСы входил федеральный и региональный (национально-региональный) компоненты, а также компонент образовательного учреждения. Редакцией от 01.12.2007 в Закон РФ «Об образовании» было введено понятие «Федеральные государственные образовательные стандарты» вместо «государственные образовательные стандарты», а также

понятие «Основные образовательные программы». Указанный Закон был отменен в 2013 г., но введенные им новые понятия продолжили свое действие в пришедшем ему на смену Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [9]. Как таковых ГОСов общего образования не появилось, были лишь отдельно утверждены и действуют до сегодняшнего дня федеральный компонент государственного образовательного стандарта (далее — ФКГОС) [10] и федеральный базисный учебный план. Косвенное упоминание о ГОСе общего образования имеется в Модельном законе о среднем общем образовании [11], на основании которого определено, что «государственный стандарт среднего общего образования — свод норм и положений, определяющих государственные требования к образованности учащихся и выпускников школ на уровне начального, базового и полного среднего общего образования и гарантии государства в его достижении», но опять без разработки отдельного документа.

Приказом Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373 [12] утверждается ФГОС начального общего образования и предписывается введение его в действие с 1 января 2010 г. Приказом Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 [13] утверждается ФГОС основного общего образования и предписывается введение его в действие со дня вступления в силу настоящего приказа. Приказом Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 [14] утверждаются ФГОС среднего общего образования и предписывается введение его в действие со дня вступления в силу настоящего приказа. Ни в одном из этих документов не говорится об отмене ни полностью, ни в части применения в отношении того или иного уровня общего образования, ранее утвержденного ФКГОСа начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования. Также вышеназванные приказы не отменяют действия утвержденного ранее ФБУПа и примерных учебных планов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования ни полностью, ни в части касающейся того или иного уровня общего образования.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в п. 6 ст. 2 раскрывает понятие «федеральный государственный образовательный стандарт» как совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня и (или) к профессии, специальности и направлению подготовки, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования. Однако он не отсылает нас к нормативным правовым актам, в которых бы эти требования были закреплены или описан механизм

их реализации. Исходя из данного понятия, ФГОС для уровней общего образования представляет собой совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня. Это не один единственный Приказ, Требование, Стандарт, а совокупность Требований, Распоряжений, Предписаний, Приказов и Стандартов.

Из чего следует вывод, что требования ФКГОСа и ФБУПа после введения понятия «федеральный государственный образовательный стандарт» стали составляющей частью, компонентом ФГОСов общего образования.

Логiku законодателя можно проследить в положениях, формирующих искомый механизм стандартизации школьного образования, отраженный в принятых позднее правовых нормативных документах.

Приказом Минобрнауки России от 14.02.2014 № 115 [15] утверждается Порядок заполнения, учета и выдачи аттестатов об основном общем и среднем общем образовании. В ч. «б» п. 5.3 Порядка заполнения аттестата предписывается в том числе указывать сведения о результатах освоения выпускником образовательной программы соответствующего уровня по каждому учебному предмету инвариантной части базисного учебного плана.

Приказом Минобрнауки России от 03.06.2011 № 1994 [16] в ФБУП начального общего образования вносятся изменения, которые касаются в том числе часов нагрузки по предметам, по годам освоения образовательной программы, по максимальной учебной нагрузке уровня образования.

Приказом Минобрнауки России от 16.02.2012 № 118 [17] утверждается Перечень показателей качества государственных услуг. В строках трех приложений № 4–6 приводится расчет показателя качества государственной услуги «Уровень соответствия учебного плана общеобразовательного учреждения требованиям федерального базисного учебного плана».

Приказом Рособрудзора от 27.07.2017 № 1283 [18] утверждается перечень нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по федеральному государственному надзору в сфере образования, одним из которых является «федеральный базисный учебный план и примерные учебные планы для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования».

Отдельного внимания заслуживает приказ Минобрнауки России от 03.06.2011 № 1994, который вносит изменения в ФБУП, но не отменяет полностью требования ФБУПа для уровня начального общего образования, хотя согласно п. 2 ст. 17 Федерального закона от 01.12.2007 № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законода-

тельные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» [19] с 30 декабря 2010 г. прекращается прием на обучение в соответствии с ГОСаами.

Письмом Минобрнауки России от 19.04.2011 № 03-255 [20] законодатель дает пояснение о введении в действие ФГОСа, утвержденного приказом Минобрнауки России № 373, следующего содержания:

«Обучение лиц, зачисленных до 31 декабря 2010 года, будет осуществляться до завершения их обучения в соответствии с государственными образовательными стандартами, утвержденными Приказом Министерства образования Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1089.

Поэтому если дети начали обучение 1 сентября 2010 года по стандартам 2004 года, то 1 января 2011 года они не должны переходить на обучение по ФГОС. Обучение по ФГОС они могут начать со следующей ступени общего образования.

Обязательным будет обучение по ФГОС:

- на ступени основного общего образования с 2015 / 2016 учебного года;

- на ступени среднего (полного) общего образования с 2020 / 2021 учебного года.

Переход на ФГОС может осуществляться и поэтапно, по ступеням общего образования, после утверждения соответствующих стандартов и по мере готовности образовательных учреждений к введению ФГОС: в 5 классах начиная с 2012 / 2013 учебного года, в 10 классах — с 2013 / 2014 учебного года».

Прекращение приема на обучение по стандартам 2004 г. означает то, что начиная с 1 января 2011 г. образовательное учреждение должно руководствоваться при ведении образовательной деятельности требованиями не только приказов Минобрнауки 2004 г. (требованиями ФКГОС и ФБУП), так как они не были отменены, но и требованиями ФГОС, в том числе и по приему на обучение.

Министерство образования и науки Российской Федерации обеспечивает разработку проектов стандартов и вносимых в стандарты изменений с привлечением учебно-методических объединений в системе образования, образовательных, научных и иных организаций, представителей работодателей, а также органов исполнительной власти и иных заинтересованных лиц. После публичного обсуждения и проведения независимой экспертизы Минобрнауки России принимает решение относительно утверждения стандарта. Как мы видим, в текстах приказов, утвердивших ФГОСы, нет указаний относительно ранее изданных приказов № 1089 и 1312, утвердивших ФКГОС и ФБУП. Следовательно, введением в действие новых стандартов предусматривалось расширение области нормирования в сфере общего образования, а не их замена.

Требование ФГОСов общего образования предусматривает применение новых подходов к обучению, которые указываются в образовательных программах по уровням образования, которые образовательная организация самостоятельно разрабатывает и утверждает. Законодатель в своем письме отразил именно такой подход к введению в действие ФГОСа общего образования, как «переход», учитывая продолжающееся действие федерального компонента ГОСа и требований ФБУП. С другой стороны, формулировка слова «переходить» может истолковываться как отказ от действующих стандартов и требований. Данная трактовка, на наш взгляд, ошибочна, так как она противоречит духу закона и самой идее развития общего образования, правовые нормы, требования и стандарты, указанные в ФБУП, ФКГОС и ФГОС, не пересекаются, а дополняют друг друга. Однако именно такое, ошибочное, понимание мы увидели при проведении опроса специалистов, занятых разработкой, утверждением и контролем за исполнением требования основных образовательных программ общего образования.

Авторы статьи «Федеральные государственные образовательные стандарты как элемент регулирования образовательных услуг в России» [21], рассматривая вопрос регулирования образовательной деятельности в России ФГОСами, приходят к одному из интересных выводов: «Стандарты предыдущих

поколений по существу были компонентами федеральных государственных образовательных стандартов». Следовательно, неотмененный и действующий ФБУП и компонент ФГОС обязательны к выполнению, повторимся, в части, непротиворечащей вновь издаваемым стандартам.

Федеральные образовательные государственные стандарты вводят понятие обязательных предметных областей: «Русский язык и литературное чтение», «Родной язык и литературное чтение на родном языке», «Иностранный язык», «Математика и информатика», «Обществознание и естествознание (Окружающий мир)», «Основы религиозных культур и светской этики», «Искусство», «Технология», «Физическая культура» и раскрывают их основные задачи реализации содержания, но не уточняют обязательные предметы, входящие в эти предметные области.

Таким образом, требования ФБУПов для всех уровней общего образования к структуре и составу учебных планов и требования федерального компонента ГОСов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования к минимальному содержанию основных образовательных программ являются обязательными к исполнению в части, не противоречащей предписаниям вновь изданных ФГОСов, всеми без исключения образовательными учреждениями Российской Федерации, реализующими программы общего образования.

Пристатейный библиографический список

1. Никитин А. А. Правовые аспекты взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации со средствами массовой информации // Следственный комитет Российской Федерации: место и роль в обеспечении национальной безопасности : сб. ст. науч.-практ. конф. М., 2016.
2. Приказ Минобрнауки России от 09.03.2004 № 1312 «Об утверждении федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования» // Вестник образования РФ. 2004. № 8.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»» // СЗ РФ. 2014. № 18 (Ч. 2). Ст. 2158.
4. Соколова М. А. Дефекты юридических документов : монография // М. : Юриспруденция, 2016.
5. Судебная система Российской Федерации : сайт. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_42396.htm (дата обращения: 29.11.2018).
6. СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 150.
7. Постановление от 12.08.1994 № 940 «Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования» // СЗ РФ. 1994. № 18. Ст. 2085.
8. Постановление Правительства РФ от 18.08.1995 № 821 «Об утверждении государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования» // СЗ РФ. 1995. № 34. Ст. 3464.
9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.
10. Приказ Минобрнауки России от 05.03.2004 № 1089 «Об утверждении федерального компонента государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования» // Вестник образования России. 2004. № 12–15.
11. Модельный закон о среднем общем образовании от 17.04.2004 (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.04.2004 Постановлением 23-13 на 23-ем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2004. № 34.

12. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 12.

13. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 9.

14. Приказ Минобрнауки России от 07.06.2012 № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» // Рос. газ. 2012. 21 июня.

15. Приказ Минобрнауки России от 14.02.2014 № 115 «Об утверждении Порядка заполнения, учета и выдачи аттестатов об основном общем и среднем общем образовании и их дубликатов» // Рос. газ. 2014. 7 марта.

16. Приказ Минобрнауки России от 03.06.2011 № 1994 «О внесении изменений в федеральный базисный учебный план и примерные учебные планы для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования, утвержденные Приказом Министерства образования Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 1312» // Вестник образования России. 2011. № 13.

17. Приказ Минобрнауки России от 16.02.2012 № 118 «Об утверждении перечней показателей качества государственных услуг, оказываемых подведомственными Министерству образования и науки Российской Федерации федеральными государственными учреждениями в качестве основных видов деятельности» // Администратор образования. 2012. № 12.

18. Приказ Рособрнадзора от 27.07.2017 № 1283 «Об утверждении перечней нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю в рамках отдельных видов государственного контроля (надзора), отнесенных к компетенции Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки» // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Федеральный закон от 01.12.2007 № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6070.

20. Письмо Минобрнауки России от 19.04.2011 № 03-255 «О введении федеральных государственных образовательных стандартов общего образования (вместе с «Положением о Координационном совете при Департаменте общего образования Министерства образования и науки Российской Федерации по вопросам организации введения федеральных государственных образовательных стандартов общего образования», утв. распоряжением Минобрнауки РФ от 06.07.2010 № НД-1/03)» // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Лосева Н. А., Петрова Н. П. Федеральные государственные образовательные стандарты как элемент регулирования образовательных услуг в России // Трудовой договор и трудовые отношения : сайт. URL: <http://трудоые-договоры.рф/article/1525> (дата обращения: 11.04.2017).

References

1. Nikitin A. A. The legal aspects of the interaction of the Investigation Committee of the Russian Federation with the media // 'The Investigative Committee of the Russian Federation: its role for the national security': collection of articles of the scientific and practical conference. M., 17.02.2016.

2. Order of the Ministry of Education and Science № 1312 of 09.03.2004 "On approval of the federal basic curriculum and sample curricula for educational institutions of the Russian Federation implementing general education programs" // Bulletin of Education of the Russian Federation. 2004. № 8.

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 № 312 // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2014. № 18 (P. 2). Art. 2158.

4. Sokolova M. Defects of legal documents // M. : Legal Studies, 2016.

5. The judicial system of the Russian Federation : the site. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_42396.htm (date of the application: 29.11.2018).

6. Law of the Russian Federation of 10.07.1992 № 3266-1 "On education" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 150.

7. Resolution of 12.08.1994 № 940 "On approval of the state educational standard of higher professional education" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 1994. № 18. Art. 2085.

8. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 18, 1995 № 821 "On approval of the state educational standard of secondary professional education" // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. № 34. Art. 3464.

9. Federal law of 29.12.2012 № 273-FZ "On education in the Russian Federation" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2012. № 53 (P. 1). Art. 7598.

10. Order of the Ministry of Education and Science of 05.03.2004 № 1089 "On approval of the federal component of the state educational standards of primary general, basic general and secondary (full) general education" // *Bulletin of Education of Russia*. 2004. № 12–15.

11. Model Law on Secondary General Education, adopted on 17.04.2004 in St. Petersburg by Resolution 23-13 at the 23rd plenary session of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS member states // *Newsletter. Inter-Parliamentary Assembly of the member states of the Commonwealth of Independent States*. 2004. № 34.

12. Order of the Ministry of Education and Science of 06.10.2009 № 373 "On approval and implementation of the federal state educational standard of primary education" // *Bulletin of normative acts of federal executive authorities*. 2010. № 12.

13. Order of the Ministry of Education and Science of 17.12.2010 № 1897 "On approval of the federal state educational standard of basic general education" // *Bulletin of normative acts of federal executive authorities*. 2011. № 9.

14. Order of the Ministry of Education and Science of 07.06.2012 № 413 "On approval of the federal state educational standard of secondary education" // *Rossiyskaya Gazeta*. 2012. № 139.

15. Order of the Ministry of Education and Science of 14.02.2014 № 115 "On approval of the order of filling, registration and issuance of certificates of basic general and secondary education and their duplicates" // *Rossiyskaya Gazeta*. 2014. № 54.

16. Order of the Ministry of Education and Science of 03.06.2011 № 1994 "On amendments to the federal basic curriculum and approximate curricula for educational institutions of the Russian Federation implementing general education programs approved by the Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of March 9, 2004 № 1312" // *Bulletin of education of Russia*. 2011. № 13.

17. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 16.02.2012 № 118 "On approval of lists of quality indicators of public services provided by the subordinated Ministry of Education and Science of the Russian Federation Federal public institutions as their main activities" // *Administrator obrazovaniya*. 2012. № 12.

18. Order of Federal Education and Science Supervisory Service of 27.07.2017 № 1283 "On approval of lists of laws and regulations containing mandatory requirements, compliance with which is assessed during the control measures within the framework of certain types of state control (supervision), referring to the competence of the Federal Service for Supervision in Education and Science" // Accessed from the legal reference system "ConsultantPlus".

19. Federal Law of 01.12.2007 № 309-FZ "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of changes in the concept and structure of the state educational standard" // *Collection of the legislation of the Russian Federation*. 2007. № 49. Art. 6070.

20. Letter № 03-255 of the Ministry of Education and Science of 19.04.2011 "On the introduction of federal state educational standards of general education (together with the "Regulations on the Coordination Council of the Department of General Education of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on the issues of organisation of introduction of federal state educational standards of general education", approved by order of the Ministry of Education of the Russian Federation from 06.07.2010 № ND-1/03)" // Accessed from the legal reference system "ConsultantPlus".

21. Loseva N. A., Petrova N. P. Federal state educational standards as an element of regulation of educational services in Russia // *Employment contract and labor relations* : site. URL: <http://трудоые-дoгoвoры.pф/article/1525> (date of the application: 11.04.2011).

КОНЦЕПЦИЯ «ВЗВЕШИВАНИЯ» Р. АЛЕКСИ: ПОПЫТКА РАЦИОНАЛЬНОГО ОБОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ВЫБОРА В СИТУАЦИИ КОНКУРЕНЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме поиска оптимального механизма разрешения коллизий прав человека в конституционном процессе. Предметом исследования является анализ и оценка предложенной Робертом Алексом концепции, которая содержит модель преодоления конкуренции прав человека в суде. Целью работы является рассмотрение достоинств и недостатков предложенной Р. Алексом теории, которые должны быть использованы при принятии решения об использовании предложений на практике. В основу исследования легла гипотеза применимости на практике концепции «взвешивания» в рамках конституционного процесса. Описание основных тезисов Р. Алексом и привлечение основных принципов построения судебной логики позволили опровергнуть заявленную возможность использования теории на практике.

Для достижения поставленных целей авторы использовали следующие научные методы: аналитический, аксиоматический, гипотетико-дедуктивный метод, аналогия.

Авторами выделяются и описываются характерные особенности судебной оценки прав человека в ситуациях их коллизионности. Авторы дают обобщенную характеристику идеи Р. Алексом, которая направлена на преодоление коллизий прав человека.

Новизна работы состоит в оценке концепции Р. Алексом в свете теории прав человека, ценности прав и их важности для человечества. Именно высокая ценность каждого права не позволяет производить «взвешивание», так как заставляет выстраивать иерархию из прав и признавать какие-то из них менее ценными.

Анализ концепции позволяет сделать выводы, отражающие недостаточную проработку Р. Алексом своей концепции, что негативно скажется на ее применении всеми судьями единообразно.

На основе проведенного исследования автор делает вывод, что концепция «взвешивания» Р. Алексом не может быть принята за основу в ситуациях преодоления конкуренции прав человека.

БАХОВ

Андрей Андреевич

студент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, юрист в филиале Ленинградской коллегии адвокатов «Нартекс» (г. Санкт-Петербург), andrey.andreevich1994@mail.ru.

ЕФИМОВА

Елизавета Андреевна

студентка кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, юрист в представительстве ООО «Медконтракт» (г. Санкт-Петербург), eflee350@gmail.com.

**Судебное толкование;
принципы права;
права человека;
методология судебного толкования;
конкуренция норм;
взвешивание;
конституционная юстиция;
толкование права;
Р. Алексом**

Andrey A. BACOV

the student of the Theory and History of State and Law Chair of the Saint Petersburg State University, the lawyer of the Branch of the Leningrad Bar Association "Narteks", andrey.andreevich1994@mail.ru.

Elizaveta A. EFIMOVA

the student of the Theory and History of State and Law Chair of the Saint Petersburg State University, the lawyer of the Saint Petersburg branch of LLC "Medcontract", eflee350@gmail.com.

**Judicial interpretation;
legal principles;
human rights;
methodology of judicial
interpretation;
competition of norms;
weighting;
constitutional justice;
interpretation of law;
R. Alexy**

THE CONCEPT OF "WEIGHING" BY ROBERT ALEXI: AN ATTEMPT TO RATIONALLY JUSTIFY THE VALUE CHOICE IN THE SITUATION OF HUMAN RIGHTS COMPETITION

The article is devoted to the actual issue of the search of optimal mechanism of solution of human rights conflicts in the constitutional process. The object of the research is the analysis and evaluation of the conception proposed by Robert Alexy which contains the model of resolution of human rights conflicts in a court. The aim of paper is to examine pros and cons of Alexy's theory, that are to be used while deciding whether to refer to this theory in practice or not.

The research is based on hypothesis of practical application of a conception of weighing in terms of the constitutional process. The depiction of Robert Alexy's basic principals and application to main principals of judiciary practice of building judiciary logics have allowed to disprove the claimed possibility to exercise theory on practice.

Certain methods are used to achieve set goals: analytical, axiomatic, hypothetic-deductive, analogue.

The novelty of work is in evaluating of theory of Robert Alexy within the framework of human rights and their value and importance for humanity.

Authors highlight and describe crucial particularities of human rights estimation in cases of colliding.

The very high value of every right doesn't allow to perform "weighing", because it forces to build the rights hierarchy, thus to recognize some of them as less valuable.

Authors provide the generalized view on Robert Alexy's ideas, which is aimed to overcome collisions of human rights.

The analysis of concept allows to draw conclusion that the content of Alexy's theory is incomplete which has a negative impact on its application by all the judges in a uniform manner.

On the basis of conducted research the author makes a conclusion that the conception of "weighing" by Robert Alexy can't be taken as a basis in situations of resolution of human rights conflicts.

Перед судом, особенно в рамках конституционного судопроизводства, в процессе толкования норм зачастую возникает проблема поиска баланса прав и свобод человека в ситуациях их конкуренции друг с другом.

Рассматривая данную проблематику, важно отметить, что ценность правового регулирования состоит в его определенности, предсказуемости актов применения права. В связи с этим в теории возникает целый ряд вопросов, касающихся специфики правил толкования норм о правах человека конституционными судами при вынесении ими решений. Чем следует руководствоваться суду при оценке допустимости ограничения прав человека? Как возможно найти баланс между двумя конкурирующими правами? Где тот общий критерий, позволяющий определить степень ограничения прав в случае их коллизии?

Признавая возможность судов толковать нормы в весьма широких пределах при отсутствии объективных правил выстраивания рациональной аргументации, можно прийти к выводу о допустимости произвола со стороны судебной власти, «судебному активизму», когда судьи привносят в интерпретацию собственные политические взгляды и мнения [1, с. 141].

Попытка выработать рациональные критерии ограничения прав человека, которые бы позволили избежать широких пределов судебного нормотворчества, добиться предсказуемости судебного решения, была предпринята немецким теоретиком права Р. Алекси.

Целью данной работы является анализ концепции «взвешивания» Роберта Алекси как возможный вариант разрешения конкуренции прав человека. По результатам проведенного анализа авторы приводят сильные и слабые стороны теории выстраивания рациональной аргументации Роберта Алекси и доказывают несостоятельность концепции в применении ее на практике.

Говоря о теории рациональной аргументации Р. Алекси, в первую очередь, необходимо обратиться к теоретическому разграничению норм на правила и принципы, которому следовал ученый.

Согласно его представлению правила — это такие правовые нормы, которые содержат конкретное предписание определенного варианта поведения. Давая определение нормам-правилам, Роберт Алекси писал: «Правила — это нормы, которые при наличии обстоятельств, установленных гипотезой данной нормы, предусматривают наступление определенного правового последствия, то есть при выполнении определенных предпосылок с достаточной степенью определенности что-то требуют, запрещают, разрешают или наделяют какими-либо полномочиями» [2, с. 88–89]. Соответственно, нормы права, понимаемые как нормы-правила, предполагают возможность их соблюдения или

несоблюдения, регламентируя подробным образом модель поведения субъекта права в конкретной правовой сфере.

Исходя из особой правовой природы норм-правил, Роберт Алекси делает вывод о том, что их можно или соблюдать или не соблюдать в тех случаях, когда правила действительны и применимы [3, с. 209]. Иначе говоря, нормы-правила обладают таким существенным свойством, как наличие фиксированного объема возможного поведения субъекта права, предполагающего возможность выполнения ровно тех действий, которые предписаны ее диспозицией. Отсюда проистекает правило абсолютной полноты реализации содержания правовой нормы.

В таком случае, по мнению Р. Алекси, при возникновении конфликта двух норм-правил, его необходимо разрешать с помощью выбора одной из норм, которая регулирует отношения наиболее подходящим способом. Соответственно, при такой логике в случае конкуренции норм-правил должна действовать только одна норма, приоритет которой отдается в соответствии с формальными правилами разрешения коллизий норм права (приоритет более позднего закона, приоритет специального закона, приоритет закона, имеющего большую юридическую силу).

В результате преодоления коллизии правило, не подлежащее применению, должно быть исключено из процесса принятия судебного решения: «Коллизия между двумя правилами может разрешаться либо путем внесения в оба коллидирующих правила соответствующих исключений, либо путем признания по меньшей мере одного из правил недействующим» [4, с. 21].

В отличие от норм-правил природа норм-принципов в теоретико-правовых построениях Роберта Алекси совершенно иная: принципы характеризуются высокой степенью абстрактности, «принципы требуют, чтобы нечто должно быть претворено в жизнь наиболее полным образом в зависимости от фактических и правовых возможностей» [2, с. 89]. Отсюда нормы-принципы характеризуются им как «требования оптимизации» [2, с. 209], что означает на практике возможность их реализации только до определенной степени.

Применение принципов предполагает поиск баланса, определение меры действия каждого из них применительно к конкретной ситуации конфликта. Уравновешивание принципов предполагает реализацию каждого из них настолько полно, насколько это возможно.

Права человека, понимаемые как абстрактные правовые принципы, имеющие абсолютный характер, неразрывно связанные с другими правами и коллективными благами, такими как защита окружающей среды и общественной безопасности [5, с. 24], должны быть подвергнуты процедуре

«взвешивания». В свою очередь, такая процедура является, по мнению Алекси, необходимой для выстраивания судами рациональной аргументации при поиске баланса между нормами-принципами.

Уравновешивание, т. е. определение, какой из конкурирующих принципов имеет наибольший вес, происходит при помощи оценки фактических и юридических возможностей реализации данных принципов.

Таким образом, нормы-принципы в доктрине Роберта Алекси закрепляют фундаментальные права человека, которые могут быть реализованы в разной степени в зависимости от фактических и юридических обстоятельств. При этом не предусматривается предоставление приоритета одного принципа над другим.

При отправлении конституционного правосудия нормы-принципы получают судебскую оценку. Процедура теста на пропорциональность в теории конституционного права является одним из способов оценки судами степени нарушений прав человека. Данная оценка предполагает выяснение ряда вопросов, которые касаются, в частности: цели вводимой меры ограничения, легитимности такой цели, соответствия принятого судом решения поставленной цели. Вторым этапом является оценка на предмет возможного достижения той же конституционно значимой цели другими средствами, проверка эффективности этих средств. Заключительным этапом является сопоставление ущерба, вытекающего из ограничения прав с той пользой или тем благом, достигаемых посредством применения данной ограничительной меры [6, с. 67]. Последняя стадия теста на пропорциональность предполагает взвешивание конкурирующих интересов и ценностей с целью поиска наиболее приемлемого рационального решения.

Для того чтобы результатом взвешивания явилось максимально объективное согласование противоборствующих прав, необходимо каждый раз подчинять данную процедуру единообразным правилам. В качестве таковых Р. Алекси предлагает ввести трехэтапную процедуру «взвешивания».

На первом этапе предполагается установить степень ограничения первого принципа, на втором этапе — оценить важность реализации конкурирующего принципа, а на третьем — проанализировать, соответствует ли важность реализации второго принципа степени ограничения первого принципа [6, с. 210]. Таким образом, конкурирующие нормы-принципы должны быть приведены к максимально возможному с учетом фактических обстоятельств равновесию. В свою очередь, первые два этапа ученый характеризовал как требование оптимизации по отношению к фактическим возможностям. При этом принцип пропорциональности в узком смысле рассматривается им непосредствен-

но как оптимизация применительно к юридическим возможностям, что является областью «взвешивания» как такового [3, с. 209].

Последняя стадия является ключевой, поскольку позволяет оценить ограничение прав человека, сопоставив их с конституционно значимой целью ограничения, с интенсивностью вмешательства в право. Именно проверка ограничения права на пропорциональность в строгом смысле позволяет раскрыть содержание процедуры балансирования или «взвешивания» двух норм-принципов в процессе разрешения возникшего конфликта.

Сам закон «взвешивания» определяется Робертом Алекси так: «Чем больше степень несоответствия одному принципу или ущерба для него, тем больше должна быть важность соответствия другому принципу» [3, с. 209].

Закон балансирования функционирует в теории Р. Алекси на основе арифметических правил. Для обозначения степени вмешательства в один принцип и реализации при этом другого принципа дается оценка «легкая», «умеренная», «серьезная» степень вмешательства или нарушения [3, с. 214]. В соответствии с такой классификацией в последующем происходит соотнесение двух норм-принципов друг с другом.

В своей работе «Формула веса» Роберт Алекси приводит пример сопоставления права на свободу профессиональной деятельности и права на защиту общественного здоровья в ситуации, когда производители табачной продукции обязаны размещать на упаковках предупреждения о вреде курения, о возможных рисках для здоровья. Такое ограничение, по мнению Р. Алекси, является оправданным тем, что вмешательство в свободу экономической деятельности является «незначительным» и помогает, в свою очередь, обеспечить защиту общественного здоровья, которая наделяется «высокой» степенью важности и тем самым перевешивает первый принцип. «Серьезное основание для вмешательства служит для обоснования интерференции незначительной» [3, с. 211]. Получается, основания для вмешательства оказываются весьма существенными, что, в конечном итоге, позволяет осуществить ограничение первого принципа.

Закон коллизионности принципов сформулирован Р. Алекси следующим образом: «Условия, при которых один принцип имеет приоритет перед другим, образуют фактический состав (Tatbestand) правила, выражающего наступление правовых последствий, предписанных более значимым (весомым) принципом» [4, с. 22]. В данной связи суду предлагается при разрешении коллизии двух принципов установить «условный относительный приоритет» одного принципа над другим, непосредственным образом учитывая объективные обстоятельства конкретного дела.

Конституционные нормы-принципы, согласно мнению Р. Алекси, могут быть соизмеримыми друг с другом с общей точки зрения, выраженной в конституции: «вопрос не в прямой соизмеримости отдельных сущностей, а в сравнимости по отношению к их важности для конституции» [3, с. 218]. Иначе говоря, речь идет о том, что с позиций рационального дискурса правоприменитель должен занять общую точку зрения конституции, с позиции которой можно прийти к объективному результату. В результате этого достижение оптимального баланса конституционных принципов становится возможным, когда происходит апелляция к конституционным ценностям как к неизменным и аксиоматичным.

Ценность такой теоретической конструкции в том, что она обязывает суд в процессе «взвешивания» двух ценностей максимально подробно изучать всю индивидуальную специфику фактических обстоятельств дела при оценке допустимости ограничения реализации одного принципа в целях проведения в жизнь другого.

Другими словами, процедура балансирования в теории способствует всесторонней оценке и изучению материалов дела, полноценный анализ которых происходит в ходе попытки выстраивания рациональной аргументации. Отчасти можно согласиться с тем, что преимуществом концепции пропорциональности является обязанность суда всесторонне изучить все доводы при принятии окончательного решения [6, с. 74].

Таким образом, в теории, применяя тест на пропорциональность, правоприменительный орган оценивает допустимость ограничения прав, соотнося пользу и вред от вмешательства в реализацию нормы о правах человека, каждый раз должен убедительно аргументировать свое решение, детально оценивая все социально значимые обстоятельства дела.

В своих работах Роберт Алекси отстаивал идею о том, что рациональное принятие решений требует учета всех сталкивающихся конституционных ценностей, поиск баланса между которыми для избежания субъективности должен по возможности быть максимально формализован [6, с. 67]. Следует сказать о том, что в концепции Р. Алекси оказывается ценной идея оптимизации разнонаправленных правовых принципов, что, в свою очередь, способствует гармонизации общественной жизни, поскольку показывает путь сосуществования принципов о правах человека и выражаемых ими конституционных ценностей в единой системе.

Кроме того, Р. Алекси к преимуществам концепции «взвешивания» относил то, что суд, применяя процедуру балансирования в сложных конституционных делах, способствует формированию судебной практики, которая позволяет говорить о стандартах в подходах к пониманию прав чело-

века. В качестве примера он приводит судебное решение Федерального конституционного суда Германии по делу сатирического журнала «Титаник», где наличествовал конфликт между правом на свободу выражения мнения и правом на защиту личных немущественных прав, а также судебное решение о производителях табачной продукции, и пишет, что «подобные решения подразумевают наличие стандартов, которые сами по себе не могут быть обнаружены в законе взвешивания» [3, с. 213], «такие стандарты выстраиваются из последовательности прецедентов» [3, с. 214]. Получается, что путем использования данной процедуры формируется судебная практика, которую возможно использовать в дальнейшем в качестве примера при согласовании принципов друг с другом. Однако в этом стоит усомниться хотя бы потому, что фактические обстоятельства дела, от которых зависит наделение принципов относительным весом, не будут схожи друг с другом, в результате чего судебная практика не будет единообразной и стабильной.

Однако концепция «взвешивания» конфликтующих норм в том виде, в каком она представлена в работах Р. Алекси, поднимает ряд дискуссионных вопросов и, несмотря на лишь кажущиеся плюсы, оказывается несостоятельной по ряду причин.

Во-первых, нельзя не задаться вопросом: что является общей мерой, позволяющей оценить «вес» каждого принципа в отдельности, в дальнейшем соотнеся их друг с другом? Где тот единообразный критерий, на основании которого нормы о правах человека оказываются в итоге сбалансированными?

Представляется, что такого критерия не существует, и, применяя подобную методологию, суд будет исходить из заранее заданных ценностных ориентиров и убеждений.

О таком изначальном пороке в аргументации в свете рационального дискурса пишет С. А. Белов в одной из своих статей: «В случае, когда судьи выстраивают систему обоснования своего решения, они могут сформулировать исходные основания своих рассуждений, однако, предполагая их очевидность, неоспоримость и действительность, они едва ли могут предположить несогласие с этими очевидными для них посылками. Конструирование таких посылок базируется на ценностных суждениях, которые чаще всего недоступны для критического анализа, представляя собой исходные убеждения» [7, с. 230].

Отсюда логично вытекает проблема субъективизма судей в случае их обращения к процедуре «взвешивания». К примеру, Бернард Шлинк признает, что «придание конфликтующим интересам и правам, а также принципам и ценностям определенного веса, а равно их сравнение неизбежно влекут за собой известную долю субъективности» [8, с. 63].

Действительно, необходимо понимать, что оценка степени вмешательства в право, исходя из

учета фактических обстоятельств дела, каждый раз будет производиться заново, что в итоге открывает неограниченное поле для судебной дискреции, делая результат «взвешивания» произвольным и нерациональным. Отчасти с этим соглашается и сам Р. Алекси, когда пишет, что «градация по степеням — легкой, умеренной или серьезной — как таковая часто достаточно сложна. В некоторых случаях можно лишь приблизительно отличить легкое посягательство от серьезного, а в некоторых случаях, конечно, и этого невозможно» [4, с. 220].

Следует подчеркнуть, что использование триадической шкалы ограничений прав — «легкое», «умеренное», «серьезное» — не позволяет в дальнейшем применить результаты «взвешивания» для аналогичных случаев, поскольку не существует точных критериев ограничения прав. Суд каждый раз будет придавать одним и тем же принципам разный относительный вес, подменяя правовые аргументы ценностными оценками, что, в конечном счете, позволяет говорить о политизированности процедуры «взвешивания» [9, с. 6].

Защищая свою концепцию от критики, Р. Алекси полагает, что «допущения, лежащие в основе судебных решений и касающиеся интенсивности вмешательства и степени важности, не являются произвольными. Им даются обоснования, и такие обоснования могут быть довольно здравыми» [3, с. 213–214]. В таком случае, получается, что сам характер аргументации суда является гарантом от субъективного и ложного понимания содержания норм о правах человека. Если характер ограничения прав таков, что ни у кого не возникает споров относительно необходимости защиты права, то процедура «взвешивания» утрачивает свое значение: «В тех случаях, когда это интуитивно очевидно, такое взвешивание избыточно, а в случаях, не отличающихся интуитивной очевидностью, эта формула не предлагает эффективного решения» [9, с. 24].

Правоприменительный орган не должен определять содержание норм о правах человека произвольно, так как сами права человека — это прежде всего юридическая категория, которая должна быть рассмотрена судом исключительно в правовых рамках, без использования морально-ценностных суждений и оценок, ссылок на национальные конституционные традиции понимания прав человека.

Что касается традиций, то следует объективно признать, что они играют чуть ли не ключевую роль при разрешении конфликта прав человека в концепции Роберта Алекси: «В рамках одной конституционной традиции пропорциональность будет применяться без допущения ограничения прав больше, чем это необходимо для защиты общественных ценностей, а в рамках другой — без допущения защиты прав человека большей, чем это возможно исходя из защиты публичных интересов» [6, с. 74].

Помимо прочего, важно отметить факт невозможности измерения «веса» двух прав, априори наполненных разным правовым содержанием. В этой связи весьма удачным является замечание, что соотнесения «умеренного» посягательства на принцип А с «высокой» степенью значимости реализации принципа Б — это сравнение «яблок» и «апельсинов» как двух совершенно различных категорий при отсутствии единого масштаба в качестве ориентира [10, с. 40]. Иначе говоря, при попытке сопоставить или соизмерить одно право с другим правоприменительный орган всегда будет сталкиваться с проблемой невозможности установления их соотношения, так как одно право не может быть значимее другого по своей нормативной силе.

Таким образом, концепция «взвешивания» Роберта Алекси является попыткой подчинить процесс аргументации судебных решений процедурным правилам, предлагая судам «формулу веса», позволяющую оценить допустимость ограничения прав человека. В основе концепции лежит поиск оптимального баланса взаимного существования и реализации двух принципов как возможный вариант разрешения коллизий между ними. Оценка основных постулатов данной концепции поднимает целый ряд проблем, которые свидетельствуют о ее несостоятельности и неприменимости на практике.

Это касается, в первую очередь, невозможности в отсутствие единых критериев установить баланс двух конкурирующих прав. Аргументация суда в таком случае всегда будет выходить за пределы изначального смысла нормы права, которым наделил ее законодатель. Однако судебный орган, исходя из своего функционального назначения, не должен заниматься правотворчеством, давая норме права произвольное значение. Отсюда попытка наделить процедуру балансирования рациональным обоснованием всегда наталкивается на проблему субъективизма судей, принимающих под видом «взвешивания» конституционных ценностей политические решения.

Также нельзя согласиться с Р. Алекси, что нормы-принципы о правах человека должны оцениваться с точки зрения их важности для конституции, так как на практике, обосновывая допустимость ограничения права, судьи будут толковать конституционные положения в соответствии с национальными правовыми традициями, что будет препятствовать формированию универсальных стандартов в понимании сущности прав человека.

Таким образом, концепция балансирования Р. Алекси не достигает своих изначальных целей рационального обоснования ограничения прав человека в ситуации их конкуренции, поскольку результатом судебной деятельности всегда будет ценностная оценка прав, а не их правовой анализ.

Пристатейный библиографический список

1. Белов С. А. Ценностное обоснование решений как проявление судебного активизма Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87).
2. Алекс Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М., 2011.
3. Алекс Р. Формула веса // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3.
4. Алекс Р. О структуре принципов права // Российское правосудие. 2017. № 3 (131).
5. Алекс Р. Существование прав человека // Правоведение. 2011. № 4 (297).
6. Белов С. А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность // Петербургский юрист. 2016. № 1.
7. Белов С. А. Способен ли рациональный дискурс обосновать ценностный выбор в праве? // Правоведение. 2014. № 5 (316).
8. Шлинк Б. Пропорциональность: к проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87).
9. Тимошина Е. В., Краевский А. А., Салмин Д. Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. № 3. Сер. 14 Право.
10. Вайпан Г. В. Принцип пропорциональности и аргументация в сфере ограничения прав человека: от Р. Алекс к Р. Дворкину и обратно // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 3 (106).

References

1. Belov S. A. The value justification of decisions as reflection of judiciary activism of Constitutional Court of Russian Federation // Comparative constitutional review. 2012. № 2 (87).
2. Alexy R. On the conception and the nature of law (reply to legal positivism). M. : Infotropic Media, 2011.
3. Alexy R. Weight formula // The Russian annual of theory and law. 2010. № 3.
4. Alexy R. On the structure of legal principals // Russian justice. 2017. № 3 (131).
5. Alexy R. The existence of human rights // Pravovedenie. 2011. № 4 (297).
6. Belov S. A. The rationality of judiciary balancing of constitutional values using a proportionality test // Petersburg lawyer. 2016. № 1.
7. Belov S. A. Is a rational discourse able to justify the value choice in law? // Pravovedenie. 2014. № 5 (316).
8. Schlink B. Proportionality: to the problem of fundamental rights and public goals balance // Comparative constitutional review. 2012. № 2 (87).
9. Timoshina E. V., Kraevskiy A. A., Salmin D. N. The method of judiciary interpretation: the instruments of weighing in case of human rights competition // Vestnik of Saint-Petersburg university. 2015. № 3. Series 14 Law.
10. Vaipan G. V. The principal of proportionality and argumentation in sphere of human rights: from R. Alexy to R. Dvorkin and back // The comparative constitutional review. 2015. № 3 (106).

ОБ ИТОГАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ: НОВЫЕ КОНЦЕПТЫ РАЗВИТИЯ»

КОЗЛОВА

Елена Борисовна

проректор — директор центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент (г. Москва), kozlova@urexpert.ru.

20 апреля 2018 г. во ВГУЮ (РПА Минюста России) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Судебная система и судопроизводство России: новые концепты развития».

Целью мероприятия выступило обсуждение современных законодательных инициатив в сфере формирования судебной системы и судопроизводства в Российской Федерации.

В настоящее время система российского судопроизводства переживает свое реформирование. Суть предлагаемых изменений уже не раз становилась предметом обсуждений в кругу научного сообщества, отмечались как ее достоинства, так и существенные недостатки.

В ходе конференции, на которую были вынесены теоретические и практические вопросы современных направлений развития гражданского, арбитражного и уголовного судопроизводства, представители ведущих научных и учебных учреждений, практические работники правоохранительных и судебных органов постарались раскрыть сущность происходящей реформы, оценить ее положительные стороны и, возможно, негативные последствия.

Обсуждалось современное состояние и перспективы развития судебной системы и судопроизводства в Российской Федерации как в целом, так и в частности, современные законодательные инициативы Верховного Суда РФ, в том числе и выраженные в законопроекте № 383208-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Участникам конференции удалось обстоятельно обсудить указанные проблемы, включая, в частности, вопросы: соответствия принципу гласности судебного разбирательства возможности оглашения в судебном заседании только вводной и резолютивной части решения;

- необходимости выведения досудебного уголовного производства из процесса судебного доказывания;
- нецелесообразности наделения органов прокуратуры полномочиями по расследованию должностных преступлений;
- допустимости придания официального характера обзорам судебной практики Верховного Суда РФ;
- возможности оспаривания мирового соглашения;
- основных направлений реализации правосозащитного потенциала прокуратуры;
- эволюции гражданского судопроизводства на современном этапе и недопустимости ее зависимости от социально-экономического развития;
- нарушения принципа беспрепятственного доступа к правосудию возможным введением профессионального представительства в гражданский процесс;
- реализации правового механизма определения последствий недействительности гражданско-правовой сделки соглашением сторон;
- направлений совершенствования законодательства о примирительных процедурах.

Судебная система;

судопроизводство;

**законодательные инициативы
Верховного Суда РФ**

**Elena B.
KOZLOVA**

the vice-rector — director of the Research Centre at the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), the doctor of law, the assistant professor (Moscow), kozlova@urexpert.ru.

THE RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFICALLY- PRACTICAL CONFERENCE “JUDICIAL SYSTEM AND LEGAL PROCEEDINGS OF RUSSIA: NEW DEVELOPMENT CONCEPTS”

The all-Russian scientifically-practical conference “Judicial system and legal proceedings of Russia: new development concepts” took place at 20th April 2018 at the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

The aim of the event was to discuss the current legislative initiatives in the realm of formation of a judicial system and legal proceedings in the Russian Federation.

Nowadays the system of Russian legal proceedings experiences its reforming. The essence of the proposed modification has been more than once a subject of discussion within the scientific community; both advantages and significant disadvantages have been pointed out.

During the conference, for which theoretical and practical issues of modern development trends of civil, arbitration and criminal proceedings were tabled, the representatives of the leading scientific and academic institutions, the practitioners of the law enforcement and judicial authorities tried to discover the essence of the ongoing reform, to evaluate its advantages and possible negative implications.

As a topic of discussion served also the current state and development perspectives of the judicial system and legal proceeding in the Russian Federation in general and, in particular, the current legislative initiatives of the Supreme Court of the Russian Federation, which were also conveyed in the bill № 383208-7 “About the amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Administrative Procedure Code of the Russian Federation and separate legislative acts of the Russian Federation.

The participants of the conference have managed to discuss thoroughly the mentioned problems, including, particularly, the issues of: the accordance of the possibility to announce only the introductory and the operative parts of the judgment with the principle of the judicial examination`s publicity;

- the necessity to remove the pretrial proceedings from the process of judicial proof;
- the inexpediency to empower the prosecution authorities to investigate the malfeasance;
- the admissibility to formalize the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation;
- the possibility to dispute the amicable agreement;
- the main implementation directions of the human rights potential of the prosecutor`s office;
- the development of the civil proceedings at the current stage and the inadmissibility of its dependence from the social-economic development;
- the violation of the principle of the unimpeded access to the justice by possible incorporation of the professional representation to the civil proceedings;
- the implementation of the legal mechanism of identification of the consequences of invalid civil transaction;
- the areas of improvement of the legislation on conciliation procedures.

Judicial system;

legal proceedings;

**legal initiatives of the Supreme
Court of the Russian Federation**

УДК 347.97

20 апреля 2018 г. во ВГУЮ (РПА Минюста России) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Судебная система и судопроизводство России: новые концепты развития».

С приветственным словом к участникам конференции обратились О. И. Александрова, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, и А. Д. Алханов, заместитель министра юстиции Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции 1 класса, кандидат юридических наук, генерал-полковник юстиции.

Основной целью мероприятия выступило обсуждение современных законодательных инициатив в сфере формирования судебной системы и судопроизводства в Российской Федерации.

Научная дискуссия была открыта выступлением А. И. Бастрыкина, председателя Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК РФ), доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, генерала юстиции Российской Федерации, на тему «Актуальные проблемы совершенствования судебной системы и деятельности судов Российской Федерации».

А. И. Бастрыкин в ходе своего выступления отметил, что анализ судебных реформ последних лет показывает, что они проводятся не всегда последовательно и недостаточно согласованно. Отсутствует должный системный подход к их подготовке и реализации.

В 2017 г. в СК РФ в пределах его компетенции были рассмотрены основные предложения по совершенствованию судебной системы, уголовной политики государства и правоохранительной деятельности, исследование которых показало, что реализация многих из них требует значительных затрат бюджетных средств при весьма сомнительных положительных результатах. В этой связи председателем СК РФ был высказан ряд замечаний.

Во-первых, было подчеркнуто, что возможность оглашать в судебном заседании только вводную и резолютивную части решения по всем уголовным делам, с одной стороны, упростит судебный процесс, но, с другой стороны, будет противоречить принципу гласности судебного разбирательства и затруднит понимание гражданами выводов суда, критериев, объективности и глубины оценки исследованных доказательств и, как следствие, обоснованности, законности и справедливости приговора.

Во-вторых, была отмечена недостаточная обоснованность предложений о выведении досудебного уголовного производства из процесса судебного

доказывания и устранении различий между оперативно-розыскной деятельностью, предварительным следствием и адвокатским расследованием, а также о введении института следственных судей.

Прозвучало и мнение о нецелесообразности отмены стадии возбуждения уголовного дела, так как именно на данной стадии уголовного судопроизводства решается вопрос о наличии признаков преступления, обстоятельств, исключающих возбуждение уголовного дела, а также о возможности отказа в его возбуждении по нереабилитирующим основаниям, что позволяет экономить процессуальные средства и избежать определенных негативных последствий для лица, совершившего преступление. В то же время отсутствие на данной стадии уголовного процесса лица, обладающего статусом подозреваемого, позволяет избежать реабилитационных выплат при отказе в возбуждении уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

В ходе выступления было обращено внимание на необходимость с осторожностью относиться и к снижению требований к оформлению процессуальных документов, так как это может привести к утрате доказательств и невозможности привлечения виновного к ответственности ввиду неустрашимых недостатков и противоречий в полученных материалах предварительного расследования и судебного разбирательства.

В ходе выступления было также высказано мнение, что не может быть поддержано и предложение о введении «принципа целесообразности» — возможности прекращения уголовного преследования ввиду «чрезмерных затрат на доведение до суда» — вместо реализации принципа неотвратимости уголовного преследования. Подобные предложения, как было отмечено выступающим, по существу дезавуируют конституционные права граждан на доступ к правосудию, а также государственную защиту их прав и свобод в уголовном процессе.

По мнению председателя СК РФ, серьезной теоретической проработки и изучения правоприменительной практики с целью обоснованного прогнозирования возможных последствий требует и предложение о распространении запрета на применение меры пресечения в виде заключения под стражу за преступления средней тяжести и иные, если они не совершены общеопасным способом, с применением насилия или угрозой его применения, а также в отношении несовершеннолетних, совершивших тяжкие преступления.

В ходе доклада была подчеркнута и сомнительность предложения о наделении органов прокуратуры полномочиями по расследованию должностных

преступлений, так как состоявшееся отделение следствия от прокурорского надзора полностью оправдало себя, показало правильность этого решения, позволило улучшить качество расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

Заведующая кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор О. В. Исаенкова, выступая с докладом на тему «Законопроект № 383208-7 о единстве подходов при отправлении правосудия и его упрощении: актуально или преждевременно?», отметила, что гражданский процесс в современной России является одним из лидирующих компонентов модернизации правовой системы России.

На сегодня, по мнению О. В. Исаенковой, можно предположить как минимум два пути развития событий, касающихся реформирования гражданского процесса: первый путь — формирование новой, измененной системы рассмотрения и разрешения споров, внесение многочисленных поправок в основные нормативные правовые акты, регулирующие судопроизводство по гражданским делам, и второй путь — это принятие нового, обобщенного Гражданского процессуального кодекса в процессе унификации законодательства в области гражданского и арбитражного процессов. И современные законодательные инициативы показывают, что мы идем по первому пути.

Было отмечено, что данный законопроект в случае его принятия действительно упростит судебную деятельность, но, к сожалению, это произойдет в том числе и за отступления от привычных процессуальных гарантий, в частности: доступности правосудия по гражданским делам, состязательности гражданского судопроизводства, равенства сторон и др.

Прозвучал в ходе доклада и вывод о преждевременности введения полного профессионального представительства в гражданском судопроизводстве и обязательности представительства с поверенным, а также преждевременности изменения правил об извещении участников гражданского судопроизводства.

Была высказана и критика в адрес предложения законопроекта придать официальный характер обзорам судебной практики Верховного Суда РФ, утверждаемым Президиумом Верховного Суда РФ и являющимся основанием для пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, по новым обстоятельствам.

Профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического

университета, доктор юридических наук, доцент Д. Б. Абушенко в своем выступлении на тему «Определение об утверждении мирового соглашения и сделка: обжалование против оспаривания» затронул вопросы, связанные с возможностью оспаривания гражданско-правовой сделки, определяющей содержание мирового соглашения. Докладчик обратил внимание на то, что, хотя действующее российское законодательство и не предусматривает возможности отдельного оспаривания указанной сделки, тем не менее имеются довольно существенные доводы к тому, чтобы наделять правом заинтересованных лиц (как стороны сделки, так и иных субъектов) предъявлять самостоятельный иск об опороочивании.

Отдельное судебное производство, которое должно быть возбуждено по требованию о признании мирового соглашения недействительным, позволило бы реализовать потенциал целого ряда материально-правовых конструкций, а также сделало бы возможным использование более широкого процессуального инструментария.

Одновременно были также высказаны и рассмотрены некоторые контрдоводы к предлагаемой новелле. В частности, было отмечено, что сложившийся в настоящее время в правоприменительной практике подход позволяет при проверке судебного акта, которым утверждено мировое соглашение, учитывать все ранее представленные в дело доказательства, а также упрощает для заинтересованного лица достижение конечного правового результата.

Дискуссию продолжил В. Б. Ястребов, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, с докладом на тему «Правовой статус прокурора в административном, гражданском и уголовном процессе».

Выступающим было отмечено, что одним из резервов совершенствования судопроизводства, не востребованных до сего времени в полной мере, являются дополнительные возможности реализации правозащитного потенциала прокуратуры в процессе отправления правосудия.

Непосредственное участие прокуратуры в снижении нагрузки, приходящейся на суды, может проходить по нескольким направлениям. Во-первых, роль прокуратуры проявляется в обеспечении сокращения сферы формирования потенциальных, легко переходящих в реальные, правовых конфликтов, одним из механизмов достижения данной цели является вынесение предостережения о недопустимости нарушений, являющееся

эффективным средством предупреждения правонарушений.

Второй важной областью позитивного влияния прокуратуры на организацию судебной деятельности была названа работа по утверждению соответствующей правилам правовой действительности системы исполнения законов и принятых в их исполнение подзаконных актов, соответствующих современной правовой действительности.

В-третьих, была замечено, что исковая работа прокуроров также способна оказывать позитивное влияние на деятельность судов.

В ходе выступления докладчиком была отмечена неполнота и отчасти непоследовательность правового регулирования деятельности органов прокуратуры в привязке к целям российского правосудия.

Предложено рассмотреть вопрос о возрождении прежнего порядка участия прокурора в рассмотрении дел искового производства, сохранив за Генеральным прокурором РФ право устанавливать категории гражданских дел, по которым участие прокурора обязательно.

Выступающим была высказана мысль о необходимости в гражданском процессе конкретизировать права прокурора как признаваемого законом лица, участвующего в деле. В арбитражном процессе предложено усилить участие прокурора, восстановив ранее эффективно действовавшую установку на детерминированность участия прокурора необходимостью защиты государственного или общественного интереса в предпринимательской и иной экономической деятельности.

Отмечено также, что в уголовном судопроизводстве прокурор оказался фактически лишен информационной базы, необходимой для осуществления надзора за законностью предварительного следствия, возможности личного общения со следователями, иных возможностей реализации основных полномочий. Особое внимание было уделено отсутствию у прокурора права возбуждения уголовного дела. В ходе выступления был сделан вывод о том, что подобные издержки правового регулирования отрицательно отражаются на качестве предварительного следствия, государственного обвинения и убедительно показывают их несовместимость с истинной ролью прокурора в уголовном процессе.

Конференция продолжилась выступлением заведующего кафедрой гражданского процесса и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России), доктора юридических наук, профессора В. А. Гуреева на тему «Эволюция гражданского судопроизводства на современном этапе

развития социально-экономических отношений в Российской Федерации».

Как было отмечено докладчиком, процессуальное законодательство в последнее время испытывает на себе значительное внимание со стороны юридического сообщества. Реформа гражданского и арбитражного процессуального законодательства воспринимается многими как своевременная и оправданная, в первую очередь, в связи с объективно сложившейся перегруженностью судов. Кроме того, немаловажным фактором реформирования выступает желание оптимизировать расходы на правосудие в Российской Федерации.

Практическими шагами по инициированию процессуальной реформы стал Пленум Верховного Суда РФ, который 3 октября 2017 г. постановил внести в Государственную Думу РФ проект закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Разработчиками реформы, как подчеркнул выступающий, отмечается, что потребность в реализации предложенных новаций, базирующихся на сохранении основополагающих принципов гражданского и административного процессов, закрепленных в Конституции [1] и в отраслевых законах, обусловлена объективной необходимостью совершенствования некоторых процессуальных институтов в целях повышения эффективности защиты прав граждан и организаций, улучшения качества правосудия, оптимизации судебной нагрузки.

Однако в ходе доклада был высказан ряд замечаний в адрес указанного законопроекта. В частности, было высказано утверждение, что в первую очередь заслуживают критики приводящиеся в поддержку законодательных преобразований мотивы экономического характера, на которые ссылается Верховный Суд РФ.

Выступающий подчеркнул, что никакие мотивы и цели экономического характера ни в коей мере не могут быть сопоставлены по значимости и тем более вступать в противоречие с целями правосудия, к которым традиционно относится защита прав, свобод и охраняемых законом интересов.

Проблематика соответствия законодательных инициатив Верховного Суда РФ целям правосудия была продолжена Е. Б. Козловой, проректором-директором центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), доктором юридических наук, доцентом, в выступлении на тему «Современные

законодательные инициативы в сфере профессионального представительства и гражданском процессе в свете принципа беспрепятственного доступа к правосудию».

Вышеназванный законопроект № 383208-7 в части введения профессионального представительства в гражданском процессе был рассмотрен выступающей с точки зрения соответствия его международного принципа доступа к правосудию, исходя из принципа диспозитивности выбора представителя.

Во-первых, как было отмечено в докладе, в предложенном законопроектом виде введение профессионального представительства в гражданский процесс не может основываться на необходимости реализации ст. 48 Конституции, которая гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Учитывая среднюю стоимость юридических услуг в Российской Федерации, а также другие аспекты, без одновременного внедрения соответствующей системы бесплатной юридической помощи внедрение профессионального представительства повлечет невозможность получения такой помощи для малообеспеченных слоев населения.

Второе, на что было обращено внимание в ходе доклада, — это проблема квалификации гражданско-правового договора, опосредующего соответствующие отношения доверителя и такого его представителя в суде, как «лицо, имеющее высшее юридическое образование».

Ограничения, установленные ГПК [2] (в случае принятия рассматриваемого законопроекта), сформируют особенность субъектного состава такого гражданско-правового договора, отношения сторон которого, кроме того, смогут строиться как на позициях фидуциарности, так и безотносительно к лично-доверительным отношениям сторон, т. е. как по модели возмездного оказания услуг, так и по модели поручения.

По мнению выступающей, очевидно также, что фактическое установление на уровне ГПК ограничения субъектного состава такого договора будет означать придание доверителю статуса слабой стороны в договоре в силу профессионализма другой стороны и, соответственно, необходимость закрепления на уровне законодательства гарантий его прав. Иначе говоря, потребуются изменение системы гражданско-правовых договоров, опосредующих отношения доверителя и лица, представляющего в гражданском судопроизводстве его интересы.

В ходе выступления был также рассмотрен вопрос Постановления Конституционного Суда РФ от

16.07.2004 № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» [3], которым было признано неконституционным ранее действовавшее положение АПК о профессиональном представительстве. В связи с этим было высказано согласие с утверждением о том, что при введении норм о профессиональном представительстве на уровне КАС [4] произошло «преодоление» позиции Конституционного Суда РФ.

В докладе на тему «Пределы судебского усмотрения и новые гражданско-правовые механизмы защиты прав в связи с предстоящей реформой судебной системы» М. Н. Илюшина, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, рассмотрела правовой механизм, представляющий право сторонам спора о признании сделки недействительной, предусмотреть иные последствия, чем предусмотренные гражданским законодательством, и показала материальные и процессуальные формы судебского усмотрения при реализации этого права.

Выступающей было отмечено, что наиболее сложная ситуация для реализации судебского усмотрения складывается в условиях, когда судья находится в особых условиях правоприменения, в том числе и в периоды реформ законодательства, вызванных изменяющимися экономическими условиями и требующих выбора и применения новых правовых механизмов и инструментов регулирования. В этом случае к оценочной ситуации, составляющей основу судебского усмотрения, присоединяется проблема реализации новой экономической парадигмы, вызывающей новые правовые формы и определяющей особенности их применения.

Судейское усмотрение приобретает особое значение в ситуации, когда реализуется новый механизм, закрепленный ст. 431.1 ГК [5], устанавливающий особенности недействительности договоров с участием предпринимателей и в силу которого стороны спора могут предусмотреть своим соглашением иные, не предусмотренные законодательством последствия недействительности сделок.

Учитывая, что указанное соглашение можно заключить только после вынесения решения по делу, по мнению докладчика, возникают следующие вопросы: возникает ли у судьи обязанность разъяснить сторонам по делу после провозглашения

вынесенного решения или в самом тексте решения их право на соглашение об иных последствиях недействительности сделки; подлежит ли такое соглашение контролю со стороны суда или его содержание оставляется на усмотрение сторон.

Спорным, по мнению выступающей, представляется утверждение, что независимо от сделанного сторонами в ходе рассмотрения дела заявления о намерении заключить указанное соглашение суд, при наличии к тому оснований, должен признать договор недействительным и применить общие последствия его недействительности, предусмотренные законом. Остается неясным, в какой процессуальной форме соответствующее соглашение будет заключаться, с какого момента возникает данное право сторон и когда оно прекращается. На сегодняшний день применение рассмотренного правового механизма в процессуальной его части полностью оставлено на судебское усмотрение.

В продолжение конференции с докладом «Совершенствование примирительных процедур» выступил А. Е. Солохин, советник Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ, советник юстиции 1 класса.

Докладчик с приведением статистических данных показал, что за восемь лет действия Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [6] данный механизм урегулирования споров применялся участниками гражданского оборота крайне редко.

В ходе доклада было отмечено, что, по мнению Верховного Суда РФ, причины низкой популярности примирительных процедур можно разделить на несколько групп: организационные, экономические, субъективные (психологические), которые были учтены Верховным Судом РФ при подготовке целого ряда проектов нормативных правовых актов.

Выступающим были раскрыты, в частности, следующие направления совершенствования законодательства о примирительных процедурах: расширение сферы действия законодательства о медиации на споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений; закрепление экономических стимулов применения примирительных процедур; унификация и детализа-

ция положений процессуального законодательства, регулирующего вопросы примирения сторон.

Рассмотрены были и такие направления, как: усиление функций суда по содействию сторонам в урегулировании спора; внедрение новых примирительных процедур — судебного примирения и сверки взаимных расчетов.

В ходе выступления предложено было законодательно закрепить механизмы для более активного использования примирительных процедур по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в частности возможность отложения судебного разбирательства или приостановления производства по делу по инициативе суда. Кроме того, выступающий высказался за предоставление судье в отставку права выступать медиатором и судебным примирителем.

По мнению докладчика, эти предложения, охватывая гражданский, арбитражный и административный процесс, несут комплексный и системный характер, соответствуют международным стандартам, учитывают исторические особенности нашей страны и подготовлены на основе многолетнего изучения практики использования в судах примирительных процедур.

В ходе конференции с докладами также выступили: А. И. Долгова, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, с темой доклада «Криминологические основы уголовного процесса»; Н. А. Колоколов, судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук, профессор, с докладом на тему «Судебная власть: понятие, аппарат, деятельность»; Е. В. Бурдина, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, с докладом на тему «Организационно-управленческие полномочия председателя суда и независимость судей».

В работе конференции приняли также участие ведущие ученые Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России и представители судебского сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Рос. газ. 2002. 20 нояб.

3. Рос. газ. 2004. 27 июля.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Рос. газ. 2015. 11 марта.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ, часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ, часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ, часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Рос. газ. 2006. 22 дек.
6. СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

References

1. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote 12/12/1993 // SZ RF. 2014. № 31. Art. 4398.
2. Civil Procedural Code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FZ // Russian newspaper. 2002. Nov. 20.
3. Russian newspaper. 2004. July 27th.
4. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015 № 21-FZ // Russian newspaper. 2015. March 11.
5. Civil Code of the Russian Federation, Part One of 11/30/1994 № 51-FZ, Part Two of 01/26/1996 № 14-FZ, Part Three of 11/26/2001 № 146-FZ, Part Four of 12/18/2006 № 230-FZ // Russian newspaper. 2006. 22 Dec.
6. SZ RF. 2010. № 31. Art. 4162.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ

ВАДА — Всемирное антидопинговое агентство
ВЦИК — Всесторонний центральный исполнительный комитет

ГАИ — Госавтоинспекция

ДТП — дорожно-транспортное происшествие

МВД — Министерство внутренних дел

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн — миллион (-ы)

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического договора

НКЮ — Народный комиссариат юстиции

ОВД — органы внутренних дел

ООН — Организация Объединенных Наций
п. — пункт (-ы)

Рособрнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

Роспотребнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росреестр — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ — Российская Федерация

СЗ — Собрание законодательства

СНК — Совет народных комиссаров

ст. — статья (-и)

СУ — Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства

США — Соединенные Штаты Америки

УИС — уголовно-исполнительная система

ч. — часть (-и)

ЮАР — Южно-Африканская Республика

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Редакция журнала «Вестник Российской правовой академии» (далее — Вестник РПА, журнал) принимает к рассмотрению рукописи статей при условии:

- соблюдения требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала;
- соответствия представленных материалов общей тематике журнала и его рубрикации;
- соблюдения публикационной этики, правил приема и рецензирования рукописей статей.

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности, научную новизну, оригинальность, апелляцию к оппонентам, наличие дискуссии, выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала Вестник РПА.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим **техническим требованиям**:

- объем — не менее 12 страниц формата А4;
- шрифт — Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал — 1,5;
- поля — по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ — 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде нумерованного пристатейного списка, в тексте использовать квадратные скобки с указанием номера издания и страницы (например, [1, с. 5]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Для рисунков необходимо использовать черный краситель, фотографии не глянецовать. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах *Photoshop* (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или *InDesign* — отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор **в обязательном порядке** должен представить на **русском и английском языках** следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентскую контактную информацию (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации от 1 000 печатных знаков. Аннотация должна содержать актуальность, предмет, цель работы, методологию проведенного исследования; отражать основное содержание и новизну статьи, основные результаты; область их применения, выводы. Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %. Остальные 40 % текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

Более подробная информация представлена на сайте журнала: <http://journal.rpa-mu.ru>.